

**РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ НАУЧНОЙ ИНФОРМАЦИИ
ПО ОБЩЕСТВЕННЫМ НАУКАМ**

ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

**РОССИЯ
И
МУСУЛЬМАНСКИЙ МИР**

2015 – 2 (272)

Научно-информационный бюллетень

Издается с 1992 года

**Москва
2015**

*Центр гуманитарных
научно-информационных исследований*

Редакционная коллегия:

Л.В. Скворцов – д-р филос. наук, шеф-редактор, *А.Г. Бельский* – канд. ист. наук, автор проекта, научный консультант, *Е.Л. Дмитриева* – главный редактор, *О.П. Бибикина* – канд. ист. наук, первый зам. главного редактора, *Д.Б. Малышева* – д-р полит. наук, *А.В. Малашенко* – д-р ист. наук, *А.Ш. Ниязи* – канд. ист. наук, зам. главного редактора, *В.Г. Садур* – канд. ист. наук, *В.Н. Сченснович* – отв. за выпуск.

Ответственные за выпуск бюллетеня на английском языке: *Е.С. Хазанов* – отв. редактор, *Н.В. Гинесина* – вед. редактор.

Россия и мусульманский мир: Научно-информационный бюллетень / РАН. ИНИОН. Центр гуманит. науч.-информ. исслед. – М., 2015. – № 2 (272). – 164 с.

Тексты, представленные в бюллетене, даны в авторской редакции.

СОДЕРЖАНИЕ

СОВРЕМЕННАЯ РОССИЯ: ИДЕОЛОГИЯ, ПОЛИТИКА, КУЛЬТУРА И РЕЛИГИЯ

<i>М. Хазин.</i> Рассуждения у карты мира.....	5
<i>С. Пасандиде.</i> Салафиты и борьба с радикализацией в России.....	10

МЕСТО И РОЛЬ ИСЛАМА В РЕГИОНАХ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ, ЗАКАВКАЗЬЯ И ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

<i>Е. Щербина.</i> Мониторинг этнополитической ситуации. Карачаево-Черкесская Республика.....	14
<i>А. Булатов.</i> Салафизм как идейно-политическое движение в мусульманской умме Крыма.....	24
<i>Н. Ракитянский, М. Зинченко.</i> Политико-психологическая динамика реисламизации Северного Кавказа.....	29
<i>Г. Ковалёв, А. Левченко.</i> Центральная Азия и Южный Кавказ: К новой модели присутствия США в регионе.....	49
<i>Н. Мингишева.</i> Современные исламские движения и группы в постсоветском Казахстане: Некоторые методологические аспекты.....	65
<i>Е. Ионова.</i> Приоритеты внешней политики Туркмении.....	72

ИСЛАМ В СТРАНАХ ДАЛЬНЕГО ЗАРУБЕЖЬЯ

<i>А. Кожухов.</i> Реализация национальных интересов в Афганистане. (Зарубежный опыт).....	80
<i>А. Коротаев, Л. Исаев.</i> Анатомия египетской контрреволюции.....	95

<i>С. Раванди-Фадаи.</i> Основные черты этноконфессиональной ситуации в современном Иране.....	112
<i>А. Аллави.</i> Кризис в Ираке и грядущий порядок на Ближнем Востоке. (Размышления из прошлого о наступившем будущем).....	127
<i>М. Бородина.</i> Угроза исламизации современного европейского общества	142

МУСУЛЬМАНСКИЙ МИР: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ФИЛОСОФСКИЕ ПРОБЛЕМЫ

<i>Г. Хизриева.</i> Сакрализация углеводов	147
--	-----

КОНФЛИКТУ ЦИВИЛИЗАЦИЙ – **НЕТ!**
ДИАЛОГУ И КУЛЬТУРНОМУ ОБМЕНУ
МЕЖДУ ЦИВИЛИЗАЦИЯМИ – **ДА!**

**СОВРЕМЕННАЯ РОССИЯ: ИДЕОЛОГИЯ,
ПОЛИТИКА, КУЛЬТУРА И РЕЛИГИЯ**

М. Хазин,
экономист, руководитель компании
экспертного консультирования «Неокон»
РАССУЖДЕНИЯ У КАРТЫ МИРА

Дальнейшее развитие финансово-экономического кризиса породит процессы территориальной кластеризации. Мир распадется на несколько относительно замкнутых в хозяйственном отношении группировок и валютных зон с региональными системами разделения труда, которые придут на место единственной глобальной.

Когда США отрывали от Сербии Косово, то клялись всем и каждому, что это «уникальный» случай, повторения не будет. Как известно, благими намерениями вымощена дорога в ад, а нарушение базовых правил не бывает эксклюзивным: правило или есть, или его нет. Пример Косова наглядно продемонстрировал, что принцип нерушимости послевоенных границ перестал быть негласным законом, он больше не работает. А дальше начинаются процессы, которые никто, в том числе и США, контролировать не в состоянии. Но вот к чему эти процессы приведут?

Настоящий текст – всего лишь правдоподобные рассуждения. Они могут быть неверными, многие допущения с большой долей вероятности не реализуются в том виде, в каком их очертил автор. Но тенденции нижеизложенные построения, скорее всего, описывают более или менее адекватно. Впрочем, если наша теория кризиса неверна, всё это не будет иметь к реальности никакого отношения.

Кризис как фактор политической географии. Прежде чем говорить собственно о географии, точнее, политической географии, надо напомнить главный вывод, следующий из теории кризиса: поскольку перестал работать основной инструмент повышения частного спроса – эмиссия доллара, завышенный спрос будет па-

дать. Прежде всего, в развитых странах – США и Евросоюзе. В результате инфраструктура единственной системы разделения труда, основанной на долларе, станет нерентабельной, а эффективными будут менее крупные, региональные системы разделения труда. Как, например, в начале XX в., когда таких систем было четыре: британская, германская, американская и японская.

Отметим, что многие государства и их объединения (Евросоюз) поддерживают сегодня высокий уровень жизни населения за счет перераспределения эмиссионного ресурса доллара. Например, все страны-нефтеэкспортеры. Разрушение системы стимулирования спроса (а значит, и дотирования отдельных региональных экономических систем) неминуемо создаст ситуацию, при которой будут образовываться новые региональные центры, уточняться составы группировок, формирующихся вокруг них, выстраиваться внутренние иерархии. Эти процессы приведут к тому, что поддерживать старые связи станет слишком сложно и дорого. И для описания ситуации с картой мира начнем с Евросоюза.

Европа. Современный Евросоюз создавался исходя из предположения, что его экономика будет все время расти, как и, соответственно, бюджеты стран-участниц и всего объединения. В результате была создана чрезвычайно зарегулированная, институционализированная и законодательно оформленная система перераспределения этих всё время возрастающих бюджетов. Если же они сокращаются (уже начали!), то вся система идет вразнос. Страны начинают пренебрегать запретами на производство (поскольку завоз стоит слишком дорого, как и безработица), игнорировать финансовые ограничения, прежде всего на дефициты бюджетов, не за горами и защитные меры. Собственно, в части свободы рынка труда они уже применяются, а дальше ситуация будет достаточно быстро усугубляться. Без всяких шансов на улучшение.

Поскольку понятно, что ухудшение состояния экономики в Евросоюзе будет значительным (десятки процентов), то все перечисленные эффекты сыграют свою роль. В этом смысле Евросоюз очень напоминает СССР году этак в 90-м: может быть, договориться о неких новых принципах взаимодействия и можно было бы, но старые обязательства гирей висят на ногах и портят всю картину.

Тем не менее сохранить Евросоюз скорее всего удастся. Но не в полном составе. Из ЕС наверняка выйдет Британия (при этом, возможно, Шотландия и Северная Ирландия в составе ЕС останут-

ся!) и придется отказаться от Восточной Европы. Грубо говоря, все страны, расположенные восточнее линии Германия–Австрия–Италия, за исключением, быть может, Словении и Чехии, будут вынуждены покинуть объединение. Как будет оформлен развод – вопрос отдельный, тут возможны варианты, но то, что это произойдет, представляется почти очевидным.

В Восточной Европе начнутся многочисленные региональные войны как между отдельными странами, так и гражданские. Скорее всего, заполыхают Балканы, есть серьезные территориальные проблемы у соседей Венгрии (которые поживились за ее счет в прошлом веке), трудности будут и на границе с Украиной. Скорее всего, вся Восточная Европа (за исключением, быть может, Польши) будет охвачена пламенем, войны затихнут только в рамках границ Евразийского экономического союза. По этой причине тяга к включению в ЕАЭС Украины (точнее, тех осколков, на которые она, скорее всего, де-факто распадется), стран Прибалтики и некоторых государств Восточной Европы (той же Венгрии) будет заметно расти.

Новый Евросоюз наверняка столкнется с серьезными внутренними проблемами социального характера, однако к переделу границ они иметь отношения не будут. Не исключено, что всё более и более тесно с новым ЕС станут ассоциироваться страны Французской Западной Африки – источник полезных ископаемых для Западной Европы. А вот начнет ли распадаться новый ЕС дальше – пока определенно сказать нельзя, поскольку тут главную роль будут играть уже не экономические факторы.

Большой Ближний Восток и Центральная Азия. Не менее серьезные изменения произойдут на Ближнем Востоке. Генри Киссинджер уже говорил о том, что к 2022 г. Израиль перестанет существовать. Не стоит воспринимать это мнение как окончательный диагноз, вариантов развития событий много, и основой вопрос – кто будет региональным «жандармом». Кандидатур на эту должность несколько, и одна из них – Иран. А вот со вторым претендентом не ясно: им может быть и Израиль (который в этом случае сохранится), и Египет (тогда у Израиля будут проблемы). Во многом этот вопрос зависит от политики самого Израиля, и тут сказать что-то определенное с экономической точки зрения достаточно сложно, поскольку решать всё будут политика и идеология. Ясно только, что самостоятельно Израиль не выживет и его постоянным партнером станут не США, а Евразийский экономический союз.

Отмечу, что Турции роль основного политического игрока на Ближнем Востоке вряд ли уготована. Слишком хорошо мусульманские лидеры помнят, что в Османской империи ислам находился в административно подчиненном положении. Ну и потом у Турции много дел на Балканах, которые она постепенно подчиняет экономическими рычагами. И кстати, наследница Блистательной Порты тоже войдет в ЕАЭС, поскольку других альтернатив у нее, похоже, нет.

А вот Иран, скорее всего, увеличит свои территории за счет регионов на западном побережье Персидского залива, населенных преимущественно шиитами. В частности, вернет Бахрейн, отторгнутый в свое время Британией. При этом получит такой запас углеводородов, что сможет на несколько десятилетий позволить себе не входить ни в какие более крупные региональные объединения и будет проводить достаточно независимую политику.

Очень серьезный вопрос – судьба Пакистана и Афганистана. Пакистан любой ценой будет поддерживать Китай, поскольку без его содействия ему крайне сложно противостоять Индии и Ирану. В целом в регионе напряженность останется на крайне высоком уровне, однако предсказывать, где пролягут новые границы, сложно – не экономические факторы будут определять их местоположение.

Нелегкая судьба ожидает Среднюю Азию. У США еще достаточно сил, чтобы сформировать в регионе исламские экстремистские движения (собственно, они уже активно там работают, другое дело, что пока у властей есть силы для сдерживания набирающего ход процесса). Эти движения способны кардинальным образом перекроить карту Средней Азии. Остановить исламистов по силам Китаю, и он давно намекает, что такая возможность у него есть. Или же России, которая в состоянии оказать мощную поддержку в этом вопросе. Но захочет ли она это делать? Собственно, мы должны определиться, что для нас важнее – Ближний Восток или Средняя Азия. И на то, и на другое ресурсов не хватит. Представляется целесообразным (особенно с учетом позиции Китая, который уже объявил XXI в. «веком Азии») сконцентрироваться на азиатском направлении, отложив на время концепцию «Москва – Третий Рим».

Восточная и Юго-Восточная Азия. Дальше на восток. Тут главный вопрос – где остановится экспансия Китая. У него будут свои экономические проблемы, в том числе и очень тяжелые. Но Поднебесная стремится расширить свое влияние в Азии, и тут

нужно очень тщательно взвесить, что мы можем противопоставить этой тенденции. Суть политики Китая – это «бесконечный путь хитрости», и дружбы с ним не может быть по определению, признаёт он только силу. Причем не столько силу военную (мы всё равно с ним по ресурсам конкурировать не сможем), сколько «мягкую». Тут как раз можно воспользоваться китайской концепцией, что «центр» (т.е. собственно Срединная империя, Китай) может быть побежден только «востоком». То есть в китайской традиции – Великой степью. Значит, мы должны в отношениях с Китаем из всех наших исторических линий выбрать степную, скифскую, и именно на нее сделать идеологический упор. Иначе есть опасения, что Амур станет внутренней китайской рекой.

Еще дальше на восток. Южная Корея и Северная Корея, скорее всего, объединятся (а куда деваться?). И объединенной Корее, как и Японии (и Вьетнаму), самое место в ЕАЭС, потому что, кроме стран – участниц объединения, их продукцию покупать будет некому. США свои проблемы закроют сами, ЕС – тоже, а больше высокотехнологичные товары никому в мире не нужны. Юго-Восточная Азия прочно войдет в орбиту Китая, и уж по каким линиям там прочертить границы, будут решать в Пекине. Тайвань, кстати, объединится с материковым Китаем.

Остальной мир. Индия в силу своих размеров (территория, население, экономический и военный потенциалы) обладает большим ресурсом самодостаточности – какие-то подвижки здесь маловероятны.

Австралия может остаться под влиянием США, но не исключено, что ей придется «подружиться» с Китаем. Тут экономически скорее должен реализоваться второй вариант, однако есть еще и геополитические, и идеологические факторы. Чем дело закончится, неизвестно, но чем интенсивнее будет кризис, тем выше вероятность того, что Австралия всё-таки войдет в китайский экономический кластер.

Если речь идет об Африке, имеет смысл говорить только о ЮАР, которая инкорпорируется в систему разделения труда Латинской Америки. Да, Латинская Америка, скорее всего, создаст собственную систему разделения труда, включающую в себя все страны, вплоть до Мексики (хотя за нее придется еще побороться с США). Страны, близкие к ЮАР, будут активно стремиться войти в этот же кластер, который таким образом станет постепенно расширяться в сторону севера.

США сейчас активно пытаются встроить Мексику в свой внутренний экономический кластер, и, может быть, у них это получится. Но этот вопрос пока остается открытым.

Ну и собственно долларовая зона, в которую войдут США, Канада, Британия и другие страны, населенные англосаксами (с учетом проблем Австралии), и возможно, Мексика. Тут, впрочем, изменений в границах, скорее всего, не произойдет.

Исламский мир свою систему разделения труда сформировать не сможет (я много писал на эту тему), и ситуация в зоне будет похожа на сегодняшнюю, границы станут меняться активно и самопроизвольно.

Резюмируя, можно отметить, что пограничные линии трансформируются только в тех регионах, где они всегда были нестабильны, а в основном карта мира начнет меняться в рамках создания новых экономических кластеров, а не путем изменения административных границ. Но в таких регионах, как Балканы или Ближний Восток, в ближайшие десятилетия будет крайне неспокойно.

«Однако», М., 2014 г., октябрь-ноябрь, с. 12–17.

С. Пасандиде

(Исламская Республика Иран),
аспирант кафедры политологии и социологии МПГУ

САЛАФИТЫ И БОРЬБА С РАДИКАЛИЗАЦИЕЙ В РОССИИ

Религиозно-политическое движение салафитов представляет собой радикальное воинствующее направление ваххабизма, направленное на установление исламской модели социального устройства с помощью методов устрашения без учета национально-исторических особенностей того или иного региона. Оно уже ведет настоящую войну против федерального правительства в Дагестане и Ингушетии, имея сильное подполье в Кабардино-Балкарии и других республиках Северного Кавказа. Кроме того, их позиции заметно окрепли в Татарстане и Башкирии, где салафиты получили возможность вести свои проповеди в некоторых мечетях этих республик. В последнее время представители этого движения уже укрепились в Москве, развернув в ней свою агитационную деятельность. В случае дальнейшего развития данной идеологии

на территории России, увеличения числа ее последователей страну ждет весьма безрадостное будущее.

Теракты, волна которых не ослабевает в проблемных субъектах Федерации и порой перекидывается на относительно спокойные регионы, несомненно, могут усилиться. Более того, в таких регионах, как Дагестан и, в меньшей степени, Башкирия и Татарстан, имеется опасность выхода радикалов на уровень легального поля политических взаимоотношений. Это даст им возможность влиять на властные структуры регионов и открыто строить ту модель политической системы, к которой они призывают, – исламское государство. Представляется, что говорить о территориальной целостности России в случае реализации данного сценария уже не придется.

Распространению салафизма и его экспорту в Россию необходимо противопоставить все имеющиеся ресурсы власти: утилитарные, нормативно-правовые, идеологические и силовые. Методы их применения должны носить самый разнообразный характер. Только в этом случае действующая власть сможет добиться подлинного успеха и сохранить себя в качестве реального политического лидера.

Всем хорошо известно, что в российском обществе уже поднимался вопрос о запрете идеологии ваххабизма, но он был мягко «снят», так как некоторые политические круги опасались, что это может испортить отношения России с Саудовской Аравией. Тем не менее данный вопрос надо ставить. Причем его надо ставить именно в политическом ключе, поскольку его решение оправдывается растущей религиозно-политической конфронтацией в России и той политикой, которую проводит Эр-Рияд по отношению к российским интересам на Ближнем Востоке, и в частности, в Сирии. Иначе как враждебной ее трудно назвать. Поэтому здравомыслящие граждане не удивятся запрету салафизма-ваххабизма как религиозно-политического агрессивного течения, противоречащего традиционным ценностям России.

Возможно, есть смысл в более пристальной оперативной работе спецслужб по саудовскому, катарскому и кувейтскому направлениям, что помогло бы выявлению радикальных и откровенно опасных элементов, действующих под прикрытием различных коммерческих и благотворительных структур. Кроме того, стоит ограничить отправку студентов в образовательные центры указанных стран, ибо нередко именно оттуда молодые люди возвращаются с взглядами, противоречащими традиционному исла-

му, и становятся своеобразными «агентами влияния» аравийских монархий, а иной раз – просто завербованными и зомбированными спецслужбами.

Важным фактором победы над исламским радикализмом является продуманная социально-экономическая политика в проблемных регионах, в частности в республиках Северного Кавказа. Склонные к восприятию салафитских идей люди, прежде всего молодежь, должны иметь иную социальную и нравственную альтернативу, сочетающуюся с возможностью материальной, социальной и духовной самореализации.

Для этого, прежде всего, необходимо повышать образовательный уровень местных имамов и духовных лидеров, вычищать их ряды от откровенно дискредитирующих элементов. Правительство должно оказывать поддержку Совету муфтиев России и другим структурам, проповедующим традиционный ислам, популяризировать их деятельность в этом направлении. Зачастую именно минимум информации о традиционных мусульманских организациях является нужной интеллектуальной почвой для радикалов и их катарских, саудовских и кувейтских хозяев. В этой связи следует больше внимания уделять работе со СМИ, которые имеют возможность популяризировать традиционные религиозные воззрения. В этой связи совершенно оправданным выглядит недавнее предложение главы Совета муфтиев России Равиля Гайнутдина о предоставлении мусульманам 15% эфирного времени (пропорционально численности мусульман в стране) на общественном телевидении. Несмотря на негативную реакцию творческой интеллигенции и представителей общественности на данное предложение, оно выглядит политически значимым и крайне своевременным в деле борьбы с радикальными идеями¹.

Со стороны некоторых религиозных и политических деятелей всё чаще начинают раздаваться призывы в пользу контактов государственной власти с салафитами, но их осуществление чревато негативными последствиями для развития отношений с последователями традиционного ислама. Поэтому сейчас российской власти предстоит провести большую работу в данном направлении. Причем вестись она должна комплексно, по трем основным

¹ См.: Евстратов А. 2013. Салафизм в России и СНГ. Доступ: <http://www.iran.ru>

направлениям – это образование, просвещение и социальная работа мечетей¹.

Первый пункт касается всей системы мусульманского образования – от воскресных курсов и медресе до исламских университетов. Именно в этом направлении начал свою работу нынешний ректор Российского исламского университета, председатель Всероссийского совета по исламскому образованию Рафик Мухаметшин.

Вторым пунктом в становлении конкурентоспособной альтернативы зарубежным сектантским течениям является просветительская работа. В данном случае речь идет не только о работе со СМИ и книгоиздании, но и вообще об образе ислама, мусульман и исламского духовенства. Другим важным пунктом является активная издательская деятельность и развитие собственно исламских СМИ – издание на русском языке при поддержке власти дореволюционных богословских и научных трудов ведущих богословов – исследователей данной религии.

Третий, возможно, самый важный пункт заключается в пропаганде социального служения. Современному традиционному исламу жизненно необходима гуманистическая социальная доктрина. Социальный вопрос – это узловой вопрос в решении проблем мусульманского радикализма. Это корень и причина того, что молодежь вступает в радикальные религиозно-политические группировки.

Представляется, что на сегодня только СМИ смогут, охватывая значительную аудиторию, проповедовать среди мусульман традиционные формы ислама, противодействуя таким образом салафизму, ваххабизму и прочим радикальным течениям, восстающим против традиционных российских ценностей. Это кратчайший путь к повышению того самого низкого уровня религиозного образования, который стал важнейшим фактором, благодатной почвой для процветания радикальных идеологий. Пожалуй, самым эффективным средством противодействия салафизму-ваххабизму может стать сильный, идеологически стройный и безупречный с точки зрения биографий его проповедников, а также поданный соответствующим образом в СМИ традиционный ислам, который в России имеет давнюю и славную историю, которая позволяет ему мирно уживаться с другими традиционными для этой страны конфессиями.

«Власть», М., 2014 г., № 4, с. 139–141.

¹ Примаков Е. 2013. Неотложная к решению проблема. Доступ: <http://www.rg.ru>

МЕСТО И РОЛЬ ИСЛАМА В РЕГИОНАХ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ, ЗАКАВКАЗЬЯ И ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

Е. Щербина,

кандидат политических наук
(КЧИГИ при Правительстве КЧР)

МОНИТОРИНГ ЭТНОПОЛИТИЧЕСКОЙ СИТУАЦИИ. КАРАЧАЕВО-ЧЕРКЕССКАЯ РЕСПУБЛИКА

Карачаево-Черкесская Республика – один из субъектов Северо-Кавказского федерального округа, четырехлетие которого отмечалось в январе текущего года. КЧР была образована в 1992 г. (до этого входила в состав Ставропольского края в статусе автономной области), в Конституции (принята 5 марта 1996 г.) которой отмечены особенности ее функционирования и развития. Так, в паспорте республики заложена имиджевая составляющая основного закона КЧР, в котором указано, что «в республиканской Конституции закреплено положение о местных традициях и обычаях, отсутствующее в аналогичных правовых документах. Уважение к старшему, к женщине, людям различных религиозных убеждений охраняется Конституцией и Законами КЧР, а милосердие священно. Руководящие органы власти формируются с учетом национального представительства»¹. В ст. 11.1 Конституции КЧР отмечено, что государственными языками в Карачаево-Черкесской Республике являются абазинский, карачаевский, ногайский, русский и черкесский. Статья 63 основного Закона КЧР определяет роль главы Карачаево-Черкесской Республики, который «является гарантом... межнационального согласия в Карачаево-Черкесской Республике». В ст. 109 определены особенности формирования органов местного самоуправления.

1. Местное самоуправление осуществляется в городских, сельских поселениях и на других территориях Карачаево-Черкесской Республики с учетом исторических и иных местных

¹ <http://yougor.ru/karachaevo-cherkesskaya-respublika.html>

традиций. Структура органов местного самоуправления определяется населением самостоятельно.

2. Изменение границ территорий, в которых осуществляется местное самоуправление, допускается с учетом мнения населения соответствующих территорий.

В 2013 г. глава КЧР Р.Б. Темрезов в качестве приоритетного направления своей деятельности определил: «Моя основная задача как руководителя региона – повышение качества жизни населения Карачаево-Черкесской Республики»¹. Для реализации этой задачи разработаны и реализовываются следующие программы развития республики и повышения благосостояния ее жителей: Республиканская целевая программа «Обеспечение жильем молодых семей на 2011–2015 годы»; «Содействие занятости населения Карачаево-Черкесской Республики на 2013–2015 годы»; «Развитие дошкольного образования в Карачаево-Черкесской Республике на 2012–2016 годы»; Республиканская целевая программа «Развитие здравоохранения на 2013–2015 годы»; Республиканская целевая программа «Демографическое развитие Карачаево-Черкесской Республики до 2015 года».

В настоящее время разрабатывается Стратегия социально-экономического развития КЧР до 2035 г. Стратегия развития республики должна вобрать в себя все направления развития муниципальных образований, способствовать эффективному взаимодействию территорий с целью определения алгоритма дальнейшего развития республики. В начале 2013 г. совместно с муниципалитетами были завершены подготовка и утверждение документов территориального развития, на базе которых должно осуществляться стратегическое планирование развития населенных пунктов и республики в целом. Разрабатываемая для КЧР Стратегия увязывается с Государственной программой по развитию СКФО до 2025 г. При разработке программных документов учитывалось мнение населения на основе проведенных на территории муниципалитетов социологических опросов. В Стратегии развития КЧР до 2035 г. и программе социально-экономического развития республики на ближайшие пять лет будут отражены основные мероприятия по развитию и совершенствованию всех отраслей региональной экономики и сфер жизнедеятельности.

По итогам Всероссийской переписи 2010 г., этнический состав населения КЧР представлен следующими основными груп-

¹ Главная страница (<http://www.kchr.ru/>).

пами: карачаевцы – 41%; русские – 31,6; черкесы – 11,9; абазины – 7,8; ногайцы – 3,3%¹. В динамике с 2002 по 2010 г. отмечается рост численности этнического большинства в республике – карачаевцев, их стало больше на 25 126 человек (на 2,17%); незначительный рост таких народов, как абазины (на 4573 человека, или 0,37%), и черкесы (на 6875 человек, или 0,54%). Количество русских уменьшилось в процентном соотношении по отношению к другим народам на 2,25% (хотя их абсолютная численность увеличилась на 2147 человек), ногайцев – на 781 человека, или 0,1%².

Начиная с 2001 г. в республике имеет место ежегодная миграционная убыль населения. В 2001 г. она составила – 1905 (из республики выехало 9366 человек), в 2012 г. миграционная убыль населения составила уже 4443 (выехало 8401 человек). Наибольшее количество выехавших из республики за последние 12 лет отмечено в 2011 г. – 14 108 человек³. В первой половине 2013 г. за пределы КЧР выехали 4927 человек, переехали в республику на постоянное место жительства 3032 человека. Общий коэффициент результативности миграции составил: 1291 выбывший на 1000 прибывших (для сравнения, в 2012 г. – 1343).

Прирост имел место только по международной миграции (по государствам ближнего и дальнего зарубежья), который компенсировал отрицательный результат в обмене с другими регионами России на 7,1%. Наибольший приток отмечается из стран – участниц СНГ, в том числе по Армении – 36 человек, Узбекистану – 21, Украине – 17, Азербайджану – 15 человек. По странам вне СНГ положительное сальдо миграции выросло в 2,1 раза, в основном за счет прибытий из Абхазии и Сирийской Арабской Республики. Убыль сложилась только в миграционных связях с Германией (два человека) и Турцией (один человек)⁴.

¹ Сайт Министерства по делам национальностей, массовым коммуникациям и печати КЧР. Раздел «Этнический состав населения Карачаево-Черкесской Республики»: <http://www.minnac09>

² «Население Карачаево-Черкесской Республики» // Статистический сборник по материалам Всероссийской переписи населения 2002 г. Книга 1. – Черкесск, 2005. – С. 325; Население Карачаево-Черкесии: <http://wiki.zarinsk.ru>

³ Официальный сайт территориального органа ФСГС по КЧР. Данные за 2012 г.: <http://kchrstat.gks.ru>; Социально-экономическое положение Карачаево-Черкесской Республики в 2012 г. – День республики, 12 февраля 2013 г.

⁴ Карачаево-Черкесскстат: Официальная статистика. Раздел: Социальная сфера. Демография: <http://kchrstat.gks.ru>

В конце 2012 г. в РФ была принята Стратегия государственной национальной политики РФ на период до 2025 г., которая определила основные направления в сфере национальной политики на всех уровнях: от федерального до местного. В 2012 г. сотрудники Министерства по делам национальностей, массовым коммуникациям и печати КЧР, члены Общественной палаты КЧР, Совета старейшин, депутаты парламента и общественность участвовали в обсуждении проекта обозначенной Стратегии, по итогам обсуждения из 20 предложений четыре вошли в окончательную редакцию документа. В КЧР в течение нескольких лет разрабатывалась Концепция национальной политики Карачаево-Черкесской Республики, которая была утверждена Указом Президента КЧР от 10.02.2011 г. На расширенном заседании коллегии Министерства по делам национальностей, массовым коммуникациям и печати 21 февраля 2013 г. было отмечено, что «основным вопросом в определении стратегии работы этого министерства на современном этапе является определение того, какой документ положить в основу: республиканскую концепцию по национальной политике, отразившую региональные особенности или федеральную целевую программу»¹. Было принято решение о разработке целевой программы по реализации федерального документа².

В КЧР разработана обширная нормативно-правовая и законодательная база в сфере межэтнических отношений, противодействию экстремизму и терроризму, которая соответствует уровню разработки аналогичных федеральных законодательных актов и программ. При разработке республиканской нормативно-правовой базы и соответствующих политических доктрин учитываются положения Конституции КЧР. В 2013 г. реализовывались следующие политические доктрины и законы в сфере этнополитики.

1. Постановление от 6 декабря 2010 г. № 473 «О республиканской целевой программе “Профилактика терроризма и экстремизма в Карачаево-Черкесской Республике на 2011–2015 годы”». Одной из основных целей является недопущение проявлений политического, этнического и религиозного экстремизма. Предусматривает общий объем финансирования порядка 30 млн руб. из бюджета республики. Аналогичные политические доктрины разработаны и реализуются на уровне муниципальных районов и местного самоуправления, например районная целевая программа

¹ День республики, 28 февраля 2013 г., № 29.

² http://www.pokrov-cherkessk.ru/news/22_02_13_2news.php

«Профилактика терроризма и экстремизма в Зеленчукском муниципальном районе на 2011–2015 годы» (Постановление № 329 от 18.05.2011). К уровню сельских поселений относится «Программа по профилактике экстремизма и терроризма на территории Зеленчукского сельского поселения на 2012–2013 годы».

2. Указ Президента Карачаево-Черкесской Республики от 18 декабря 2009 г. № 219 «О Комиссии при Президенте Карачаево-Черкесской Республики по гармонизации межнациональных отношений, недопущению экстремизма и дестабилизации обстановки в республике» (с изменениями от 5 апреля, 7 сентября 2010 г.).

3. Указ Президента Карачаево-Черкесской Республики от 10.02.2011, № 15 «Об утверждении Концепции национальной политики Карачаево-Черкесской Республики».

4. Постановление от 29.07.2011, № 235 «О разработке республиканской целевой программы “Гармонизация межнациональных отношений и этнокультурное развитие народов Карачаево-Черкесской Республики на 2012–2014 годы”».

Этноуправленческая сфера в КЧР представлена органами исполнительной власти республики – Министерством Карачаево-Черкесской Республики по делам национальностей, массовым коммуникациям и печати, консультативно-совещательными и общественными советами при главе республики, общественными организациями и объединениями этнической направленности. В КЧР в настоящее время действует ряд консультативно-совещательных и общественных советов при главе республики, которые в качестве своих задач выдвигают решение проблем в сфере межэтнических и межконфессиональных отношений, являющихся определяющими для стабильного существования и развития республики.

1. Комиссия при Президенте КЧР по гармонизации межнациональных отношений, недопущению экстремизма и дестабилизации обстановки в республике (Указ Президента Карачаево-Черкесской Республики от 18.12.2009 № 219). Среди основных задач – содействие гармонизации межнациональных и межконфессиональных отношений; своевременный анализ, прогнозирование и профилактика конфликтных ситуаций в межнациональных отношениях, недопущение экстремизма и дестабилизации обстановки в республике.

2. Совет старейшин при Президенте Карачаево-Черкесской Республики (Указ Президента Карачаево-Черкесской Республики от 05.10.2010 № 202). В качестве основных задач заявлены: разра-

ботка предложений и участие в реализации концепции национальной политики, идеи консолидации народов Карачаево-Черкесской Республики, содействие в укреплении общественно-политической стабильности, в сохранении гражданского мира и межнационального согласия, в достижении доверия и взаимопонимания между народами Карачаево-Черкесской Республики.

В соответствии с Указом Главы Карачаево-Черкесской Республики и республиканским Законом от 17 мая 2012 г. № 27–РЗ «Об Общественной палате КЧР» была создана Общественная палата Карачаево-Черкесской Республики, в настоящее время являющаяся наиболее активной и авторитетной общественной организацией в республике.

В Карачаево-Черкесской Республике актуальной является задача формирования эффективного механизма ресурсного общественного развития некоммерческих организаций. В соответствии с Законом Карачаево-Черкесской Республики «О государственной поддержке социально ориентированных некоммерческих организаций в Карачаево-Черкесской Республике» Правительство Карачаево-Черкесской Республики приняло Постановление от 4 июля 2012 г. № 271 «Об утверждении республиканской целевой программы “Поддержка социально ориентированных некоммерческих организаций на 2013–2015 годы”». Одной из приоритетных задач этой программы является координация действий некоммерческого сектора социально ориентированной направленности в сфере государственно-общественных отношений и формирования разнообразных институтов гражданского общества, создание единых подходов в работе с организованными общественными инициативами.

Для реализации программы поддержки социально ориентированных НКО по Соглашению Минэкономразвития РФ и Правительства КЧР из федерального бюджета было выделено 5 819 000 руб. в целях софинансирования расходов при реализации республиканской программы. Из республиканского бюджета была выделена субсидия в размере 1 млн руб. Для участия в конкурсе в Министерство труда и социального развития КЧР в 2013 г. от некоммерческих организаций поступили 42 проектные заявки. Конкурсная комиссия, сформированная из представителей органов государственной власти Карачаево-Черкесии, Общественной палаты КЧР, коммерческих организаций, осуществляющих благотворительную деятельность, некоммерческих организаций, средств массовой информации, отобрала 27 проектов-победителей. Сред-

ний размер субсидии проекта-победителя составил 250–300 тыс. руб. Среди победителей конкурса – общественные организации инвалидов, религиозные организации, спортивные и профессионально-направленные организации, решающие актуальные проблемы местных сообществ на территории Карачаево-Черкесской Республики.

В качестве субъектов этнополитики в КЧР выступают общественные организации этнической направленности. Их общая численность – 48¹. Они представлены общественными организациями народов, проживающих в республике. Среди них наиболее активными являются: Карачаево-Черкесское региональное общественное движение «Русь», выпускающее еженедельную газету «Русь»; общенациональная общественная организация карачаевского народа «Къарачай алан халкъ»; общественное движение «Абаза» Карачаево-Черкесской Республики; общественное движение «Адыге-Хасэ» – Черкесский парламент по защите прав и интересов черкесского народа Карачаево-Черкесской Республики; «Общественная организация Центр черкесской (адыгской) национальной культуры КЧР», которая выпускает журнал и газету; общественное движение ногайцев КЧР «Бирлик».

Уровень деятельности перечисленных общественных организаций – региональный, в качестве основного вектора деятельности национальные общественные организации называют этнокультурное развитие своих народов, сохранение языков. В программных документах двух общественных организаций Карачаево-Черкесского регионального общественного движения «Русь» и республиканского общественного движения «Адыге-Хасэ» выражена этнополитическая составляющая. Так, в качестве основного направления деятельности ОД «Русь» определяет сохранение социально-политического статуса русского населения республики, а «Адыге-Хасэ» – защиту этнополитических и социально-экономических прав и свобод черкесского народа, сохранение национальной идентичности черкесов.

Малые группы в КЧР – осетины, греки, армяне, азербайджанцы, евреи – имеют свои общественные организации, которые в качестве основных целей ставят сохранение и культурное развитие своих народов.

Молодежь республики составляет около 30% от общей численности населения КЧР. Основой регионального законодательства

¹ <http://www.palata09.ru>

в отношении молодежи является республиканская целевая программа «Молодежь Карачаево-Черкесии на 2011–2015 годы», которая утверждена Постановлением Правительства КЧР от 03.11.2010 № 401. Среди основных направлений государственной молодежной политики, реализуемой в Карачаево-Черкесской Республике, можно выделить: профилактику злоупотребления наркотических средств, алкоголизма и табакокурения; развитие студенческого самоуправления; воспитание гражданственности и патриотизма; профилактику экстремистских проявлений в молодежной среде; развитие и поддержку массовой физической культуры и спорта; пропаганду толерантного поведения. Общественно-политическая активность молодежи в КЧР представлена участием в региональных отделениях политических партий и общественно-политических формированиях: ВОО «Молодая Гвардия Единой России»; Молодежное движение КПРФ; Карачаево-Черкесское региональное отделение общественной организации «Союз добровольцев России».

Молодежные общественные организации превратились в активных социально-политических факторов, действующих в КЧР. Им принадлежит значимая роль в социально-политической жизни республики. В настоящее время наиболее активными в общественно-политической жизни республики являются молодежные НКО: Карачаево-Черкесская общественная организация «Союз абазинской молодежи “Шарпны”»; общественное движение «Молодежное Адыгэ-Хасэ» Карачаево-Черкесской Республики; Карачаево-Черкесская региональная общественная организация содействия культурному и социальному развитию молодежной среды карачаевского народа «Союз карачаевской молодежи»; Молодежное крыло Карачаево-Черкесского регионального общественного движения «Русь»¹; региональное отделение общероссийского Фонда «Содействие развитию карачаево-балкарской молодежи “Эльбрусид”».

Представители молодежных общественных организаций выступают инициаторами акций, имеющих общероссийское значение. Так, летом 2013 г. Союз абазинской молодежи «Шарпны», выражая мнение абазинской общественности, обратился к заместителю Председателя Правительства РФ Д.Н. Козаку с предложением поддержать проведение конного перехода в знак поддержки XXII зимних Олимпийских игр в Сочи. Эта инициатива была под-

¹ День республики, 3 ноября 2012 г., № 222–223.

держана, и в октябре 2013 г. абазинская молодежь совершила конный переход из а. Красный Восток на Красную Поляну, г. Сочи. Проведение мероприятий, имеющих широкий общественный резонанс, вектор общероссийской направленности, является позитивным показателем развития гражданского общества на региональном уровне.

Немаловажная роль, по оценкам экспертов из КЧР, в проведении идеологической работы с молодежью принадлежит общественным и религиозным организациям – Духовному управлению мусульман и муфтиям, представителям православной религии. Одна из основных целей, которые ДУМ сегодня ставит перед собой, заключается в формировании правильного восприятия у молодежи мусульманской религии, искоренении ложных представлений о «чистом исламе» и том, чем он и транслируемые в нем ценности отличаются от традиционного ислама и истинно мусульманских ценностей.

В республике проводится взвешенная государственно-конфессиональная политика, практикуется подписание соглашений о сотрудничестве между территориальными органами исполнительной власти, общественными и религиозными организациями. Такие соглашения с Духовным управлением мусульман КЧР и Пятигорской и Черкесской епархией подписали МВД КЧР, Министерство образования и науки КЧР, Министерство культуры КЧР, МЧС КЧР, ОФМС КЧР, Управление Госнарконтроля по КЧР, ДОСААФ КЧР и другие ведомства.

Национальные телевизионные редакции ежемесячно готовят передачи по религиозной тематике, разъясняющие суть традиционного ислама и экстремистских течений в исламе: «Мир ислама» – на абазинском языке; «Слово из Корана» – на ногайском языке; «Азан» – на карачаевском языке; «Минарет» – на черкесском языке. На русском языке в рамках программы «На пути к вере» еженедельно по пятницам выступают духовные лидеры православных и мусульман КЧР. Духовенство регулярно выступает на местном телевидении и радио.

В соответствии с Республиканской целевой программой «Профилактика терроризма и экстремизма в Карачаево-Черкесской Республике на 2011–2013 годы» обеспечивалось участие мусульманских и православных религиозных организаций в проведении семинаров, конференций, встреч, межкультурного диалога, противодействия этническому и религиозному экстремизму.

Результаты экспертного опроса лидеров общественных организаций в Карачаево-Черкесской Республике по вопросу: «Оценка возможностей общественных организаций в деле улучшения межнациональных отношений»¹, показывают, что значительное их большинство (87%) считает, что специальная политика властей по регулированию межнациональных отношений необходима, т.е. необходимы целенаправленные действия по организации, управлению и регулированию отношений между этническими группами. Основная роль в регулировании межнациональных отношений должна принадлежать, по мнению руководителей НКО, властям и общественным организациям – 69,6%; только властям – 17,4; только общественным организациям – 4,3; ни тем, ни другим – 4,3%.

Таким образом, лидеры общественных организаций подчеркивают, что основная роль в реализации межнациональной политики должна принадлежать не только властям, но и общественным организациям в равной мере, т.е. высоко оценивают значение и роль общественных структур. Значительное большинство представителей общественных организаций уверены в своей значимости и авторитете, которые имеют вполне обоснованный характер, связанный с реальной практикой участия ОП в предотвращении и урегулировании межнациональных конфликтов в КЧР. 78,3% руководителей ответили, что их организации смогут принять активное участие в успокоении противоборствующих сторон, 21,7% дали разные ответы, среди которых: «мы вне политики», «если будут затронуты наши интересы». Самым конструктивным представляется ответ «объединившись, общественные организации могли бы успокоить противоборствующие стороны». Таким образом, представители общественных организаций национально-культурной направленности в республике подчеркивают свою значимость и авторитет в сфере этнополитики.

В статье представлен краткий анализ происходящих в КЧР социально-политических процессов с акцентом в сферу этнополитики, который позволяет сделать некоторые выводы:

- в республике формируется устойчивая этническая структура;
- миграция из республики принимает вялотекущий характер, но еще продолжается;

¹ Опрос был проведен в КЧР по проекту и методике ИЭА РАН, Сеть этномониторинга. Автор статьи выступила региональным координатором проекта.

– в КЧР разработана обширная нормативно-правовая и законодательная база в сфере межэтнических отношений, основанная на общероссийских законах с учетом национальных и местных особенностей;

– в качестве субъектов этнополитики в республике выступают не только органы власти разного уровня, но и общественные организации национально-культурной направленности, которые позиционируют себя самостоятельными акторами политических процессов и субъектами управления межнациональными отношениями в них.

*«Этнополитическая ситуация в России и сопредельных государствах в 2013 году»,
М., 2014 г., с. 502–508.*

А. Булатов,

кандидат философских наук,

директор Крымского научного центра исламоведения

САЛАФИЗМ КАК ИДЕЙНО-ПОЛИТИЧЕСКОЕ

ДВИЖЕНИЕ В МУСУЛЬМАНСКОЙ УММЕ КРЫМА

Когда говорят о крымских мусульманах, часто упоминают о салафитах (ваххабитах), зачастую вкупе с такими мифологемами, как «фундаментализм», «радикализм», «нетрадиционный», «экстремистский» и т.д. На сегодняшний день возникла необходимость представить одну из исламских формаций в современном Крыму, позиционирующих себя салафитами, т.е. последователями известных со времен праведных халифов «сторонников Сунны и согласия» (ахль ас-Сунна валь-джамаат), стремящихся к возвращению к истокам веры (ас-салаф ас-салих) времен благочестивых основателей раннего ислама. Возникшее после смерти Пророка Мухаммада многообразие школ (мазхабов) и различных направлений (ветвей) поставило мусульманскую умму перед постоянной дилеммой внутреннего обновления и возвращения к первоначальным фундаментальным доктринам ислама. Одним из первых теоретиков так называемого фундаментализма можно считать Ахмада ибн Ханбаля (780–855), основавшего одну из наиболее строгих богословских школ в исламе, называемого ханбалистским мазхабом.

Одним из признаков современной салафии является не только возвращение к незыблемым доктринам ислама, но и ис-

пользование исламских предписаний в социальной и политической жизни мусульман. В этих рамках можно говорить о современных приверженцах салафитии, призывающих к социальной справедливости, укреплению морали, сохранению национальной и религиозной самобытности. Крымские салафиты в этом отношении имеют свою специфику, связанную с возвращением на историческую родину крымско-татарского мусульманского народа, столкнувшегося с серьезными проблемами обустройства, возрождения национальной культуры, языка и религии.

Не секрет, что большое влияние на возрождение ислама в Крыму оказали внешние силы. Можно вспомнить одну из первых официально действующих в Крыму арабских организаций – благотворительный фонд «Ас-Суна» из Королевства Саудовская Аравия. Утверждение, что Саудовская Аравия объявила ваххабизм своей официальной идеологией, является некорректным, поскольку в официальных документах Королевства государственной религией провозглашен ислам без уточнения его интерпретации. Тем не менее салафитская доктрина (так здесь именуют учение Мухаммада Ибн Абд аль-Ваххаба) пользуется признанием со стороны государства. Труды вероучителя, в основном посвященные защите строгого единобожия, регулярно переиздаются, изучаются... Тем более что современный «салафитско-ваххабитский» ислам в том виде, в каком он сегодня существует в Саудовской Аравии и ряде других стран Аравийского полуострова, далек от многих «крайностей» первоначального ваххабизма [Добаев, 2011]. Поэтому термины «ваххабизм», «радикальный» в современных научных кругах, среди востоковедов и исламоведов, имеют совсем иное толкование, чем, например, в средствах массовой информации.

В условиях дефицита в Крыму духовной литературы, образованных имамов и действенной сети духовных учебных заведений к идеологии салафизма (суннитского фундаментализма) оказались восприимчивыми широкие круги мусульман, увидевшие в ней ответы на многие вопросы, которые они не могли получить от своего старшего поколения, знающего ислам лишь на уровне народных обычаев – урф-адетов (крым.-тат.). Не воспринимая принципы так называемого традиционализма, приверженцы салафитии из арабских стран стали первыми богословами-проповедниками в среде крымских мусульман. Помимо оказания гуманитарной помощи, приобретения молельных домов, арабская организация «Ас-Суна» в сотрудничестве с Крымским благотворительным фондом «Крым 2000» в 1997 г. стала родоначальником

организованного хаджа (паломничества) крымских мусульман в Мекку (Королевство Саудовская Аравия).

Исламские группы, называющие себя салафитами, стали заметно выделяться не только специфическими бородами у мужчин или хиджабами у женщин: являясь полноценными членами современного крымского общества, опираясь на предписания Корана и Сунны, они заняли свою социально-политическую позицию в обществе. Они стали инициировать обращения в государственные органы о предоставлении возможности старшеклассникам совершать пятничные намазы в мечетях, о раздельном обучении детей разного пола, о вклеивании в документы фотографий женщин с покрытой головой.

В тот же период времени возрастает их политическая активность. Например, 28 марта 2003 г. перед Верховным Советом АР Крым прошел митинг крымских татар против войны в Ираке, в котором приняли участие около 500 человек... Они категорически осудили действия антииракской коалиции и требовали немедленного прекращения войны и вывода оккупационных войск с территории мусульманских государств Ирака, Афганистана, Палестины и Чечни. Также требовали вызвать из зоны конфликта украинский батальон. На митинге осудили действия Меджлиса, который поддержал агрессоров, и потребовали от Меджлиса не делать таких заявлений от имени народа. Была принята резолюция митинга, которую отправили в ВР и правительство Украины [Майдан, 2003].

Активную позицию салафиты заняли и по отношению к одной из самых острых социальных и политических проблем Крыма – наделение репатриантов земельными участками для строительства жилья. До недавнего времени в этой сфере активно работала общественная организация «Авдет» («Возвращение»), имеющая мощное исламское крыло, возглавляемое имамом Даниялом Аметовым, который завоевал широкую популярность среди участников «полян протеста» и стал знаковой фигурой в Крыму. В 2006 г. Д. Аметов назначается советником Председателя Верховного Совета Автономной Республики Крым. Несмотря на это, 12 октября 2010 г. Д. Аметов был приговорен к четырем годам лишения свободы (позже суд сократил срок до трех лет) по обвинению в противодействии сотрудникам милиции. Однако его дело было продолжено соратниками, объединившимися под названием новой общественной организации «Себат» («Упорство»). Себатовцам удалось добиться серьезных договоренностей с правительством

крымской автономии по решению земельных вопросов. Руководители «Себата» официально заявили, что в решении земельного вопроса на крымских «полянах протеста» не допустят никаких отклонений от требований законодательства Украины и договоренностей с правительством Крыма. Любые противоправные действия в ходе решения земельного вопроса, независимо от ранга и должности чиновника, пытающегося их совершить, будут незамедлительно пресекаться всеми доступными правовыми методами [Себат, 2013а].

Следует отметить, что изменение тактики протестных акций и результаты декларированного законопослушания вскоре принесли результаты. 27 ноября 2012 г., в пресс-центре ИРС-Симферополь, на торжественном сборе ОО «Себат» участникам «поляны протеста» «Петровские Высоты» были вручены первые государственные акты на право собственности на землю. Далее «Себат» публично презентовал еще несколько мероприятий по вручению участникам «поляны протеста», в том числе славянам, документов об отводе земельных участков. 13 мая 2013 г. на главной площади г. Симферополя было организовано своеобразное народное собрание, на котором руководство автономии впервые публично выдало государственные акты на право собственности на землю участникам крымских «поляны протеста». Участников крымских земельных акций представляла общественная организация «Себат». Всего на этом импровизированном мероприятии разрешение на разработку проектов землеустройства получили 1053 крымчанина, причем разных национальностей. Участники земельных акций развернули транспаранты: «Поддерживаем инициативы президента!»; «Крымские татары – за мир и стабильность в Крыму!»; «Мирное решение вопросов – залог стабильности и процветания!». Однако больше всего бросались в глаза огромные плакаты «Себат! Земля! Народ!» [Себат, 2013б].

В плане социальных проектов и исламского просвещения наглядным примером современной мусульманской формации, относящей себя к последователям времен благочестивых основателей раннего ислама, может служить крымское отделение Всеукраинской ассоциации общественных организаций «Альраид». Деятельность этой организации в Крыму берет начало с середины 90-х годов, периода массового возвращения на родину крымских татар, совпавшего с сильнейшим экономическим кризисом на территории бывших постсоветских республик. Десятки тысяч репатриантов оказались без жилья, воды, качественной медицинской

помощи и других элементарных условий. Исламская организация сумела привлечь значительные финансовые ресурсы из арабских стран, направив их на бурение артезианских скважин, открытие медицинских пунктов, оказание единовременной помощи тяжелобольным, сиротам и инвалидам. Ассоциация наладила взаимодействие с мусульманскими общинами, помогая им в строительстве и обустройстве мечетей. С учетом настороженного отношения к исламу в целом и к своей организации в частности, ассоциация «Альраид» стала лидером по проведению в г. Симферополь различных публичных просветительских мероприятий: семинаров, круглых столов, научно-практических конференций, посвященных ознакомлению с религией ислама, духовно-нравственному воспитанию молодежи, межкультурному диалогу и т.д. Ведущими участниками этих мероприятий стали ученые, религиозные деятели, представители органов государственной власти.

Современный салафизм в Крыму неоднороден. Он включает в себя различные сегменты в виде ортодоксальных групп с жесткой регламентацией бытовой и социально-политической жизни (в народе их называют ваххабитами); небольшой одиозной группы такфиритов (непримиримых борцов с «вероотступниками в исламе»); таблиги-джемаатовцев (экзотичных исламских проповедников); халифатистов (исламских романтиков, мечтающих о возрождении теократического государства) и др. Идиллии в отношениях между указанными группами нет. В последние годы они нередко обмениваются публичными «наставлениями» и разоблачениями, обвиняя друг друга в отходе от исламских ценностей, лицемерии и сектантстве.

В то же время, исходя из декларативных заявлений указанных исламских объединений, можно определить основные стратегические положения, объединяющие указанные течения: это широкое исламское просвещение в массах, использование исламских ценностей на пути развития современного общества, приверженность концепциям справедливого современного государства. Салафиты постоянно заявляют о деятельности в рамках Конституции и украинского законодательства, исключении насилия в качестве средства достижения цели. Остается надеяться, что, несмотря на имеющиеся разногласия, современные приверженцы салафитии будут способствовать достижению стандартов современного здорового мусульманского сообщества, обладающего высокими моральными устоями. Это во многом поможет снять мифы и стереотипы, существующие вокруг этого религиозного течения, и сделает существен-

ный шаг в укреплении межконфессионального взаимопонимания в крымском сообществе.

Библиография

1. Добаев И. Радикальный ваххабизм как идеология религиозно-политического терроризма [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://evrazia.org/article/1727> (проверено).
2. Митинг протеста крымских татар в Симферополе [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://maidanua.org/arch/oldkrum/1048925199.html> (проверено).
3. «Себат» предупреждает о тревожных тенденциях в решении земельного вопроса [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://sebat.org.ua/?p=955> (проверено) 2013.
4. Крым: Массовое решение земельного вопроса [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://sebat.org.ua/?p=912> (проверено) 2013.

*«Ислам в мультикультурном мире:
Мусульманские движения
и механизмы воспроизводства идеологии ислама
в современном информационном пространстве»,
Казань, 2014 г., с. 121–127.*

Н. Ракитянский, М. Зинченко,

ПОЛИТОЛОГИ

ПОЛИТИКО-ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ ДИНАМИКА РЕИСЛАМИЗАЦИИ СЕВЕРНОГО КAVKAZA

Северный Кавказ является стратегически значимым регионом России, и от его стабильности и развития в значительной степени зависят национальная безопасность и целостность нашей страны. Благодаря своему особому геополитическому положению на стыке евроазиатских цивилизаций он всегда испытывал сильное влияние различных культур, религий и политических систем. Римская империя, Персия и Иран, Аравия, Византийская империя, Османская империя, Монгольская империя, Россия – это далеко не полный перечень государств, в разное время включавших в свой состав эту политически нестабильную территорию. Тем не менее самым долгосрочным наследием стали здесь плоды военной и ментальной экспансии мусульманского Арабского халифата против Хазарского каганата. Именно тогда, в VII в., в эти земли были привнесены первые зерна ислама, которые впоследствии активно

возделывались миссионерами Золотой Орды и эмиссарами Оттоманской Порты.

Нынешняя активность ислама на Северном Кавказе определяется не только его культурно-историческими, ментальными и политическими особенностями, но и причинами международного масштаба, связанными с возрастанием глобального значения мусульманской религии¹. В силу этого Северный Кавказ стал одним из самых проблемных и уязвимых регионов. Он является объектом долгосрочных экспансионистских устремлений различных западных и восточных государств, в том числе и мусульманских.

Разнообразные исламские центры, многочисленные фонды и спецслужбы Турции, Иордании, Пакистана, ваххабитских нефтяных монархий Персидского залива и др. проявляют повышенную активность на Северном Кавказе, культивируя и поддерживая политизированные движения радикально-экстремистской направленности. Контекстуальной особенностью Нового времени стало также появление вдоль наших южных границ мусульманских государств с нестабильными политическими режимами.

Внутри самой России подрастает второе поколение как внешних, так и внутренних (с Северного Кавказа) мигрантов, родившихся в стране, но не интегрированных в ее социокультурную среду. Через 5–10 лет они войдут в политическое пространство России и предъявят властям требования своих «прав человека». Тенденция к участию мигрантов в рядах исламских фундаменталистов стала ощутимо заметной в последнее время².

Исламский фактор не впервые становится инструментом подрывной деятельности против России. В этой связи изучение политических аспектов исламского менталитета в контексте проблем Северного Кавказа, где с конца 1980-х годов по сегодняшний день идет борьба активистов радикального ислама и этнического сепаратизма с государственной властью, представляется важной задачей политологического сообщества.

Сложность и актуальность проблемы в значительной мере обусловлена концептуальной невнятностью государственной стратегии борьбы с политическим исламом – исламизмом, этнонациональным сепаратизмом и терроризмом на Северном Кавказе. Та-

¹ Ракитянский Н.М. Исламский менталитет в геополитическом пространстве XXI в. // Власть. – 2013. – № 1. – С. 123–128.

² Карта этнорелигиозных угроз. Северный Кавказ и Поволжье: Доклад Института национальной стратегии / Под ред. М.В. Ремизова. – М., 2013. – С. 25.

кие вопросы, как неэффективность политических и социальных институтов, этнократизм, низкий уровень политической культуры, религиозный экстремизм, идеология нетерпимости, бедность, перенаселенность, массовая безработица, коррупция и вопиющее социальное неравенство, образуют узел проблем, неразрешимых посредством частных решений и силовых методов¹.

Нельзя не учитывать и то обстоятельство, что показатели экономического развития регионов Северного Кавказа – самые низкие по России. Основу существования здесь создает теневая экономика вкупе с нецелевым расходованием федеральных дотаций. Значительной проблемой являются этнические кланы, контролирующие местную власть. Их винят в расхищении средств, выделяемых Москвой, и подавлении любой оппозиции. Всё это вынуждает людей искать справедливости, нередко приводящей к обретению ими новых форм самоидентификации или обращению к мифологизированному историческому прошлому. В этих условиях закономерными становятся попытки многих кавказских общностей найти себя в этничности, клановости и архаичных формах идентичности. Нередко это влечет за собой культурный регресс, распространение агрессивных идеологических концепций националистического и религиозного толка в условиях утраты Россией роли морального арбитра.

Особенности ментальной динамики на Северном Кавказе

Традиционная для региона форма мусульманского вероучения имеет на этой территории ряд отличий от канонической исламской догматики – она трансформировалась здесь под воздействием со стороны древних политеистических культов, обычаев и традиций коренных народов². Общими чертами местного ислама являются: многоликость, обусловленная этнической пестротой кавказских мусульман; тесное переплетение с автохтонными традициями, обычаями и нравами разных этнических групп. Значимая

¹ Курайши Д.А. Исламский фактор в политическом процессе современной России (на примере республик Северного Кавказа): Автореф. дисс. ... канд. полит. наук. – М., 2009.

² Бардаков А.И., Поломошнов А.Ф., Гурбанов Э.А.-О. Ислам – политический и социально-культурный фактор развития Северного Кавказа // Исламоведение. – 2010. – № 2. – С. 19–32.

их особенность проявляется в принадлежности к основным направлениям ислама – суннитскому большинству и шиитскому меньшинству, к разным догматико-правовым мазхабам¹ – ханафитам², шафиитам³, к различным суфийским братствам (тарикатам) – накшбандийа⁴, кадирийа⁵, шазилийа⁶.

В течение длительного времени процессы ментализации соединяли ислам с родовыми и этническими особенностями местных сообществ, доисламские верования этих народов – с элементами других религий в поликультурной среде Северного Кавказа. Сложившийся здесь менталитет как уникальная совокупность отличий догматических установок веры, мышления, воли и бессознательного отражает особенности миропонимания и политического поведения мусульман северокавказских народов. Каждый местный этнос исповедует свою версию ислама, что в значительной мере определяет его менталитет. Эта совокупность этнических менталитетов сложилась в своеобразную полиментальность – множественность менталитетов⁷.

Формировавшаяся столетиями северокавказская полиментальность объективно препятствовала интеграции и сплоченности народов, населяющих этот регион. Она блокировала зарождение

¹ Мазхаб – школа шариатского права в исламе. Несмотря на то что основа исламского законодательства – Коран, между мазхабами существуют многочисленные различия.

² Ханафитский мазхаб – наиболее распространенная из правовых школ в суннитском исламе. На Северном Кавказе ханафитами являются ногайцы, карачаевцы, черкесы, кабардинцы, абазины, часть кумыков и другие народы.

³ Шафиитский мазхаб – одна из правовых школ в суннитском исламе, основателем которой является Мухаммад ибн Идрис аш-Шафии. Этот мазхаб сложился под сильным влиянием ханафитского и маликитского мазхабов.

⁴ Накшбандийа – суфийское братство (тарикат), получившее это название в конце XIV в. по имени Мухаммада Бахауддина Накшбанди аль-Бухари (ум. в 1389).

⁵ Кадирийа – суфийский тарикат, основанный персом Абд ал-Кадиром ал-Джилани (1077–1166).

⁶ Шазилийа, или Шазилийский тарикат, – суфийский тарикат, основанный шейхом Абуль-Хасаном аш-Шазали в XIII в.

Подробнее о структуре ислама на Кавказе см.: Ханбабаев К.М. Трансформация ислама на Кавказе в постсоветское время // Двадцать лет реформ: Итоги и перспективы: Сб. статей / Под общ. ред. М.К. Горшкова и А.-Н.З. Дибирова. – М.; Махачкала, 2011. – С. 290.

⁷ Ракитянский Н.М. Понятия сознания и менталитета в контексте политической психологии // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 12. Политические науки. – 2011. – № 6. – С. 89–103.

и развитие целостной северокавказской субъектности. В ее русле складывалась эфемерная полисубъектность, лишенная фундаментальных субъектных оснований – целостного самосознания, политической самодетерминации и стратегического самопроектирования¹.

Если говорить об универсальном основании полиментальности северокавказских народов, то приоритет здесь принадлежит этническому компоненту. При этом ислам в его местном многообразии выступает мобилизующей формой самосохранения этносов в условиях внешнего цивилизационного давления на самобытные северокавказские сообщества. Благодаря уникальному соединению древних общинно-родовых отношений, обычаев повседневной жизни и религиозных традиций, отождествлению морали, права и установок религиозной веры ислам стал здесь адаптационно-охранительной системой. Он способствовал выживанию в годы Кавказской войны XIX в., приспособлению к условиям жизни в Российской империи и затем в Советском Союзе².

Ислам был источником особой идентичности, мифов, ценностей, норм, самобытного мышления и веры, системы своеобразных социальных и политических представлений, психологических установок и устойчивых стереотипов. Все это составляет конструкты исламского менталитета, посредством которых представляется возможным его изучать, а также проводить сравнительные ментальные исследования. Исламская идентичность, являясь важнейшим компонентом менталитета северокавказских этносов, всегда шла по линии общинно-родовых начал, затем – по этническим и только потом – по религиозным основаниям. В иерархии факторов самоидентификации на первом месте неизменно оказывалась родовая опора³. Ислам же при этом являет собой не столько фундаментальный базис менталитета северокавказских этносов,

¹ Ракитянский Н.М. Исламский менталитет в контексте принципа политической субъектности // Теодицея: Альманах. № 3. – Пятигорск, 2012. – С. 83–92.

² Бардаков А.И., Поломошнов А.Ф., Гурбанов Э.А.-О. Указ. соч. – С. 21.

³ Заметим здесь, что действие этого фактора довольно явно обнаруживается в повседневной жизни на Северном Кавказе и проявляется в доминировании кавказцев над разобщенными согражданами, у которых ослаблены или утрачены не только религиозные основы жизни, но и узы родовой и общинной солидарности.

сколько его форму, выполняя тем самым «этноохранительную функцию»¹.

В определенной мере это обусловлено тем обстоятельством, что ислам утвердился на Северном Кавказе относительно недавно – в XVII–XVIII вв., хотя проникать на эти земли он стал значительно раньше. В связи с этим у горских народов не сложился длительный опыт жизни в исламском теократическом государстве. Кроме того, кавказцы жили в условиях довольно интенсивного воздействия российской и затем – советской ментальной экспансии. Они были свидетелями процесса нарастания секуляризации во всех сферах общественной жизни России. Наиболее активные из них, приобщаясь к образованию и культуре, в той или иной мере усваивали национальный тип русской субъектности². Они становились служащими, учителями, инженерами, литераторами, учеными, военными, общественными и политическими деятелями. Представители религиозной элиты постепенно входили в структуры государственной власти на местах.

Одним из важнейших следствий двух с лишним столетий истории Северного Кавказа в составе России стало то, что впервые на его многоязычной территории сложилось двуязычие – языком межнационального общения стал русский язык. Причем по масштабам применения и силе воздействия он превзошел все языки, когда-либо претендовавшие на эту роль, что в значительной мере предопределило то, что Северный Кавказ в ментальном плане стал уникальной частью России.

При этом необходимо отметить, что процесс вхождения северокавказской уммы в общественную, политическую и правовую ткань Российской империи существенно отличался от того, как это происходило с исламским сообществом в других частях страны. Так, например, отношения с татарскими и башкирскими мусульманами выстраивались по образцу отношений государства с православной церковью. Учитывая, что исторически само понятие и институт церкви как таковой в исламе отсутствует, для мусульманской общины России была создана организация, сходная с церковной. В 1788 г. Екатерина II учредила Духовное управление

¹ Семедов С.А. Ислам в современных этнополитических процессах на Северном Кавказе. URL: <http://religio.rags.ru/journal/anthology4/a417.pdf>

² Ракитянский Н.М. Исламский менталитет: Ценностные установки и цивилизационно-политические ориентации // Универсальные ценности в мировой и внешней политике / Под ред. П.А. Цыганкова. – М., 2012. – С. 76–92.

мусульман России – административный орган, назначающий мулл и следящий за соблюдением российских законов. Это было первое представительское учреждение такого рода – оно дало российским мусульманам возможность политического существования. Исследователь российского ислама начала XX в. С.Г. Рыбаков отмечал, что русский закон создал мусульманское духовенство как сословие мулл с установлениями, правами и обязанностями, чуждыми мусульманскому миру, не предусмотренными мусульманским правом – шариатом¹.

В обязанности Духовных управлений главным образом входило поддержание морального уровня исламского духовенства и соблюдение гарантий его лояльности Государю. Неуверенность властей в лояльности как раз и стала причиной, по которой подобные учреждения на Северном Кавказе долгое время не создавались. Исламская окраска Кавказской войны 1817–1864 гг. и значительный авторитет духовенства, полученный им благодаря участию в вооруженной борьбе против России, вызывали недоверие к мусульманской элите со стороны царской администрации. Наряду с этим у локальных сообществ закрепились негативные стереотипы и установки в отношении России на уровне их коллективного бессознательного. Все это привело к последствиям, выходящим за пределы ожиданий российского правительства. Произошло становление мусульманского духовенства в качестве активной и не всегда лояльной этнополитической силы.

С утверждением советской власти северокавказские области Российской империи впервые в своей истории оказались оторванными от мусульманского мира. В результате их эволюционное развитие в рамках мировой уммы было прервано. В духовной сфере шли процессы регресса, характер которого не был и не мог быть абсолютным: значительная часть религиозного наследия продолжала признаваться в качестве культурного и духовного достояния народов Советского Союза.

Форсированный этап реисламизации начался с разрушением СССР. Основная масса тех, кто стал называть себя мусульманами, имела лишь самые общие и не всегда верные представления о своей религии. Такая ситуация сохраняется в России до сегодняшнего дня. Несмотря на то что растет количество мечетей, мектебов и медресе, уровень исламской грамотности населения всё еще низок.

¹ Рыбаков С.Г. Устройство и нужды управления духовными делами мусульман в России. – Пг., 1917. – С. 55.

Практически полная религиозная неграмотность населения, отсутствие представлений о различных толках и направлениях ислама, идеализированные и мифологизированные представления о нем способствовали появлению и численному росту реформаторски настроенных мусульманских лидеров, призывавших вернуться к «саф ислама» – «чистому исламу»¹. Причем значительное количество его приверженцев появлялось в нашей стране в ходе целенаправленной прозелитической деятельности ваххабитов² из-за рубежа.

Уже в 1989 г. сторонники «чистого ислама» смогли свергнуть муфтиев Средней Азии и Северного Кавказа. После возобновления дипломатических отношений с Саудовской Аравией в 1991 г. и случившегося в том же году распада СССР экспансия ваххабитов на постсоветское пространство приобрела лавинообразный характер. При этом особое внимание уделялось прозелитизму среди христиан, которым отводилась роль наиболее надежного и боеспособного звена первичных ячеек-джамаатов³.

Вместе с процессом реисламизации усилились внутренние религиозные разногласия в мусульманских общинах региона. В этих условиях соотношение между этническим началом и собственно исламом стало меняться. Так, многочисленные лидеры в своей деятельности стали утверждать различные идеологические постулаты и выдвигать политические цели. Каждая из конкурирующих групп, порывая с местными традициями, стала претендовать на то, чтобы сделать свое понимание ислама основным содержанием религиозно-политической идеологии.

Для иллюстрации роли и значения собственно религиозного основания как ментально-политического интегратора нации мы можем вспомнить так называемый «удельный» период Киевской Руси XII–XIV вв. Несмотря на политическую дезинтеграцию, идея единства Русской земли оставалась незыблемой. Тогда Русская

¹ Сулова Е.С. Религия и проблемы национальной безопасности на Северном Кавказе: Автореф. дисс. ... канд. философ. наук. – М., 2004.

² Под ваххабизмом в современной России понимается совокупность агрессивных и нетрадиционных для России ветвей ислама – «исламских джамаатов», «внемазхабного» или «безмазхабного» суннизма. Это определение является скорее политическим, чем богословским, но в данном случае именно политическая сторона дела особенно важна как с точки зрения мотивации адептов течения, так и с точки зрения опасности, которую оно представляет для России. Подробнее см.: Карта этнорелигиозных угроз. Северный Кавказ и Поволжье.

³ Там же. – С. 7.

православная церковь выступала в роли суперсубъекта, формировала не только онтологическую идентичность, но и национально-политическую субъектность, в первую очередь у удельных князей, боярства и нарождавшегося тогда служивого дворянства. Именно православие культивировало и укрепляло осознание национальной общности в среде полиэтнического конгломерата. Оно было хранителем единой исторической памяти у жителей всех княжеств, которые называли себя русскими, а свой язык русским. При всей своей раздробленности древнерусская территория составляла единую митрополию, управлявшуюся «митрополитом Киевским, который с 1160-х годов стал носить титул «митрополит всея Руси». Случаи нарушения церковного единства под воздействием политической борьбы периодически возникали, но носили кратковременный характер. Можно себе представить, что было бы с Россией, если бы в каждом удельном княжестве было свое понимание и толкование христианства, свои мазхабы и тарикаты.

Как мы видим, процесс формирования политико-психологической идентичности северокавказских народов в течение длительного времени развивался по своим, отличным от православного христианства законам. Он подвергался влиянию различного рода событийных факторов и воздействию этноконфликтных установок на фоне отсутствия единого толкования и понимания ислама. Почвой для кризиса идентичности мусульман Северного Кавказа могли стать следующие факторы.

Во-первых, это адаптивный и, по сути, бессубъектный процесс стихийной самоидентификации не только в отрыве от религиозных и культурно-исторических традиций мировой уммы, но и в неприятии гражданской российской идентичности.

Во-вторых, это мозаичная этнизация с акцентом на самообособление северокавказских народов, которое является антагонистом позитивной политической идентичности. И как следствие, и это в-третьих, – сужение социального, культурного и ментального пространства местных этносов до размеров отдельных общин¹.

В заключение отметим, что традиционный ислам с его духовным и культурным потенциалом в условиях постсоветской России не смог сыграть консолидирующую роль для коренного населения Северного Кавказа. Он так и не стал источником пози-

¹ Усманова З.Р. Становление общероссийской гражданской идентичности в республиках Северного Кавказа (политико-психологический анализ): Автореф. дисс. ... канд. полит. наук. – М., 2013.

тивной политической субъектности и системным интегратором конструктивных социально-политических процессов в регионе. Осязаемой реальностью практически во всех республиках региона стали деруссификация и деруссиизация как проявление негативной идентичности.

Если в 1990-е годы эти процессы характеризовались стремлением к этнокультурному и этнотерриториальному размежеванию с последующим обретением независимой этнонациональной государственности, то в 2000-е годы они стали вырождаться в принципиально новое явление – исламизм. Сейчас он представляет собой не столько религиозно-богословский, сколько политический феномен современной России и, по сути, является протестным, организующим, мобилизующим, идеологически антигосударственным и системным антироссийским проектом. Стратегической целью этого проекта является трансформация традиционной северокавказской полиментальности в мономенталитет тоталитарного типа посредством конструирования новой, антироссийской наднациональной религиозной идентичности.

Идеология исламизма как основание специфической формы реисламизации стала стремительно и агрессивно преодолевать административные границы северокавказских республик и претендовать на утверждение своих правил и норм жизнеустройства даже там, где исламское население всегда пребывало в меньшинстве. Речь прежде всего идет о Ставропольском крае, который находится в самом центре Северо-Кавказского региона.

Этапы реисламизации в Ставропольском крае: Политологические и психологические аспекты

Общие границы с шестью северокавказскими республиками сделали Ставрополье зоной этнополитической и религиозно-политической нестабильности. Ее очередной всплеск пришелся на 2010 г. К началу 2013 г. Ставропольский край стал самым конфликтным регионом России. По этому поводу в общественно-политическом дискурсе развернулась острая полемика относительно состояния в крае межэтнических и межконфессиональных

отношений. С новой силой проявили себя как проблемы исламского экспансионизма, так и исламофобии¹.

Согласно данным Всероссийской переписи населения 2010 г., в структуре населения Ставропольского края представители традиционного ислама, которых еще называют этническими мусульманами, составляют примерно 7%². Численность этой категории российских граждан постоянно увеличивается.

Ставропольские мусульмане в основном исповедуют суннизм. Вероисповедание другого исламского направления – шиизма – ограничено в основном представителями немногочисленной азербайджанской диаспоры.

В суннитском исламе нет официального духовенства – имамом может стать любой верующий, если докажет свою приверженность вере и продемонстрирует минимальное знание священных текстов. Отсюда конфликты и проблема самозванства – когда, например, имам самочинно объявляет себя муфтием. Сунниты принадлежат к разным богословско-юридическим школам, что иногда становится предметом острой этнокультурной и религиозно-политической полемики, в том числе и с представителями новоявленных, как правило, заимствованных версий ислама.

Традиционный для этнических мусульман Ставропольского края ислам институционально организован в Духовное управление мусульман Ставропольского края (ДУМ СК), которому подведомственны мечети, молельные дома, исламские образовательные и другие учреждения. Одной из заявленных целей их деятельности является возрождение исламской религиозной традиции, имеющей на Ставрополье исторические корни.

Последние два с лишним десятилетия являются отражением нелегкого пути вхождения ислама в современность, его адаптации

¹ Межэтнические и межконфессиональные отношения в Северо-Кавказском федеральном округе: Экспертный доклад / Под общ. ред. В.А. Тишкова. – М.; Ставрополь, 2013. – С.15–42.

² Официально в крае проживает 2 786 281 человек. Из них 80% (2 232 153 человека) – русские; 5,79% (161 324 человек) – армяне. К числу наиболее крупных мусульманских этносов, проживающих на территории Ставропольского края, относятся даргинцы – 1,77% (49 302 человека), ногайцы – 0,79% (22 006 человек), чеченцы – 0,43% (11 980 человек), карачаевцы – 0,56% (15 598 человек), туркмены – 0,54% (15 048 человек) и татары – 0,42% (11 795 человек). См.: Итоги Всероссийской переписи населения 2010 г. URL: http://stavrop.gks.ru/region_v_cifrah/demografiya/default.aspx

к новым социально-политическим условиям, идеологическим и духовным вызовам.

Исследование особенностей этого процесса в Ставропольском крае позволяет выделить ряд этапов¹, рассмотрение которых, с одной стороны, дает возможность осмыслить характер и эволюцию его политико-психологического содержания. С другой стороны, определить актуализированные и латентные точки роста исламского присутствия в региональной общественно-политической жизни как на современном этапе, так и в обозримой перспективе.

Начальный этап (1988–1991) проходил на фоне кардинальных изменений в политической и идеологической сферах страны. Он отмечен спонтанной и неограниченной законами общественной активностью, в том числе и религиозной. Курс на либерализацию способствовал тому, что в короткие сроки стали активно образовываться многочисленные и разнообразные религиозные организации.

Согласно принятому в октябре 1990 г. Закону РСФСР «О свободе вероисповеданий», религиозные объединения получили возможность влиять на массовое сознание через право на участие в общественной жизни. Они стали организовывать образовательные учреждения, издательства, средства массовой информации, а также устанавливать прямые международные контакты без посредничества государства. Упрощенный порядок регистрации религиозных объединений, отсутствие контроля со стороны государства привели к хаосу в системе государственно-конфессиональных отношений, создали предпосылки для появления деструктивных форм религиозного активизма.

Оценивая ход этого процесса в Ставропольском крае, нельзя не отметить, что здесь имело место не столько «возрождение» исламской религиозной традиции, сколько ее своеобразное и качественно новое «второе рождение». Все это происходило практически при острой нехватке компетентного духовенства, при отсутствии в крае официальных традиционных культовых учреждений и соответствующей литературы. На этом фоне происходила жесткая конкурентная борьба среди новоявленных религиозных лидеров, которая привела к созданию в регионе многочисленных этнически ориентированных религиозных организаций мусульман. Тради-

¹ Бережной С.Е., Добаев И.П., Крайнюченко П.В. История ислама в Ставропольском крае // Информационно-аналитический портал Евразия. URL: <http://evrazia.org/article/1978>

ционный российский ислам, в том числе и на Северном Кавказе, к этому моменту был ослаблен и в процессе реисламизации оказался не готов сопротивляться зарубежному влиянию.

Вместе с тем «чистый ислам» как проект для Кавказа стал не только результатом вмешательства внешних сил – в основном саудовцев и пакистанцев. Он был порожден и внутренней средой. Радикально-исламистский проект апеллировал к мировой религии, «освобожденной» от местных «искажений» и традиций, к «универсальным ценностям» – вне этносов, вирдов, тарикатов и кланов. В нем был сделан акцент на эгалитаризм, противодействие коррупции и социальной несправедливости. Идеологи «чистого ислама» умело использовали и психологические методы воздействия, адресуясь в первую очередь к молодежи. Его успеху способствовало и отсутствие у России внятной политики на Северном Кавказе.

Молодежь в поиске возможностей получить религиозное образование стремилась поступать в исламские учебные центры стран Ближнего Востока и Северной Африки. Хлынувшие на Северный Кавказ из-за рубежа исламские миссионеры стали активно проповедовать ваххабитскую идеологию «чистого ислама». Реисламизация тогда рассматривалась как духовно-культурный феномен, далекий от актуальных политических проблем страны и региона.

Содержанием второго этапа (1991–1994) стало интенсивное проникновение в Ставропольский край и соседние с ним территории идеологии политического ислама – исламизма. В крае появляются его первые и деятельные агенты – салафитские¹ ячейки. Фокус своей пропаганды и агитации они направили на критику светской власти. Массовые злоупотребления местных чиновников служебным положением, коррупция, социальная дифференциация и как следствие – высокий уровень безработицы, закрытость власти и ее нечувствительность к нуждам населения подготовили

¹ Салафия (от араб. «предки, предшественники») – одно из направлений в суннитском исламе, выступающее за возврат к образу жизни ранней исламской общины времен Пророка Мухаммеда и четырех праведных халифов (Абу Бакра, Умара, Османа и Али), а также за отказ от всех позднейших в исламе нововведений (бида). По мнению ректора Института теологии и религиоведения имени Мамма-Дибера аль-Рочи в Махачкале, доктора философских наук М. Садыкова, понятия «салафит» и «ваххабит» являются синонимами (Сем отличается ваххабит от салафита?: Интервью с М. Садыковым // Северный Кавказ. 2007. 3 апр. Перепечатано на сайте Института религии и политики. Цит. по: URL: // <http://i-r-p.ru/page/stream-event/index-12285.html>

почву для успехов пропаганды и популярности салафитов у населения. На практике их установки выражаются в стремлении к тотальной исламизации абсолютно всех сфер общественной жизни. Исламистское движение выступает с идеями создания «исламского государства», так называемого «Кавказского эмирата», и участия в глобальном джихаде против всех «врагов ислама», включая не только Россию, но и США, ЕС, Израиль¹. Представляя, как правило, зарубежные спецслужбы и опираясь на финансовую поддержку иностранных неправительственных религиозно-политических организаций, зарубежные миссионеры проводили активную работу по распространению идеологии исламского фундаментализма. При этом они широко использовали психологические приемы воздействия и вербовки в среде этнических мусульман. Так, арабские и среднеазиатские «учителя» преподавали в подпольных «медресе», организованных, например, в поселке Мирный и в селении Канглы Минераловодского района. На этом этапе фундаменталисты ограничивались лишь пропагандой, не выдвигая явных антироссийских идей и лозунгов.

Третий этап (1995–1997) отличался интенсивной политизацией и радикализацией ислама на всем Северном Кавказе. С одной стороны, это связано с Первой чеченской кампанией, с другой – с пропагандой идеи возвращения к «чистому исламу». Всё это сопровождалось падением уровня жизни населения региона и возвращением из арабских учебных заведений выпускников, которые стали конкурировать с традиционной исламской элитой. Получив теологическое образование, они не только включались в процесс реисламизации, но и активно сменяли своих иностранных наставников в лагерях подготовки боевиков в Чечне. Направляемые в командировки молодые ставропольские исламисты, заимствуя чуждую субъектность, заучивали Коран в его ваххабитской трактовке, усваивали уроки по идеологической, психологической, вербовочной и военно-диверсионной подготовке – огневой, минно-взрывной, топографической и др.

Взяв на себя главным образом курирующую роль в крае, продолжали активно работать представители зарубежных религиозно-политических организаций. В их «проповедях» открыто звучал призыв к непримиримой вооруженной борьбе за «чистоту ислама» и необходимости физического устранения «неверных». Целевой аудиторией, как правило, становились жители восточных

¹ Карта этнорелигиозных угроз. Северный Кавказ и Поволжье. – С. 31.

поселений Ставропольского края, где компактно проживали этнические мусульмане.

Для подрыва основ российской государственности, возбуждения национальной нетерпимости и религиозной вражды широко использовалась экстремистская литература, в том числе и издаваемая на территории края. Исламисты стремились усилить свое влияние и на местные органы власти. Ислам использовался ими для идейного обоснования своей деятельности, как средство, объединяющее, организующее и мобилизующее экстремистов.

В тяжелом положении оказалось традиционное мусульманство края. В силу их невысокого авторитета, особенно в глазах молодежи, а также из-за отсутствия средств некоторые традиционалисты отчаянно пытались наладить диалог с представителями «нового ислама», подпадая под их влияние.

Со временем центральная и местная власть стала осознавать деструктивный характер исламизма. В рамках поиска решений для регламентации государственно-конфессиональных отношений в 1997 г. принимается Закон РФ «О свободе совести и религиозных организациях». Этот закон не решил всех проблем и стал объектом оправданной критики. При этом он значительно ужесточил правила регистрации новых религиозных организаций, а также ввел запрет на религиозную миссионерскую деятельность иностранцев. Работа органов правопорядка Ставропольского края в этот период также была связана с противодействием экстремистской и террористической активности бандформирований. Всё это позволило в какой-то мере ослабить позиции борцов за «чистоту» ислама.

Четвертый этап (1998–2001) отмечен обострением отношений между объединенными силами власти и традиционного духовенства, с одной стороны, и представителями радикальных исламских группировок – с другой. В этом противостоянии лидеры традиционных исламских общин получили мощный стимул для объединения. Они стали вести с мусульманским населением края работу по борьбе с сектантской идеологией исламистов. Исламисты в свою очередь повели на Ставрополье настоящую психологическую и диверсионно-террористическую войну. Так, за четыре года было совершено более десяти террористических актов в различных городах и районах края – Пятигорске, Невинномысске, Минеральных Водах, Ессентуках, Ставрополе и других населенных пунктах. Серьезно осложнилась обстановка в регионе Кавказских Минеральных Вод, что было связано с деятельностью само-

провозглашенного «имама Карачая» – М. Биджиева. Используя в качестве прикрытия должность директора открытого при мечети поселка Мирный медресе, он организовал бандформирование численностью 35–40 человек. Противопоставив себя местному традиционному духовенству, эта группа вела борьбу за «присоединение» Предгорного района и Кисловодска к так называемому «независимому Карачаю». В ответ на всплеск экстремистской активности правоохранительные органы и спецслужбы предприняли комплекс профилактических мер, включающих регулярно проводимые операции – «Граница-заслон», «Моджахед», «Вихрь-антитеррор», «Иностранец» и др. Ряд исламистов были привлечены к уголовной ответственности и осуждены за совершение тяжких и особо тяжких преступлений. Однако несовершенство законодательной базы, а также опора в основном на оперативные и силовые методы борьбы с подобными рода преступлениями не позволили исключить терроризм и экстремизм из списка актуальных для края угроз.

Пятый этап (2001–2007) был связан с планомерным и последовательным наступлением на деструктивные формы исламской религиозности. Используя широкий арсенал средств – идеологических, психологических, экономических, политических и силовых – власть продолжала наносить удары по исламу и его носителям. Эти усилия не только привели к разгрому военной организации северокавказской салафитии, загнав ее в глубокое подполье, но и способствовали формированию ее негативного образа в широких слоях населения. Термин «ваххабизм» стал устойчиво ассоциироваться с терроризмом и религиозным фанатизмом. Тем не менее ушедший в подполье исламизм не отказался от своих целей. В новых условиях произошло обновление его программы идеологического обоснования террористической деятельности, связанное с отказом от национально ориентированного характера исламского «сопротивления». Так, любая этническая или национальная цель, подобная борьбе за независимость, например Ичкерии, объявлялась ложной. По мнению тогдашнего главаря бандитского подполья на Северном Кавказе Доку Умарова, мусульмане должны были отказаться от национализма и перейти на религиозно-политические позиции «чистого ислама». В зону активных действий якобы созданного террористами в 2007 г. исламского государства-организации «Кавказский эмират» – «Имарат Кавказ» вошла восточная часть Ставропольского края, так называемый вилайят

«Ногайская степь». Свою активность салафиты подтвердили рядом совершенных в крае террористических актов.

Шестой этап (2007–2010). Бескомпромиссная борьба власти с радикалами несколько стабилизировала ситуацию на «исламском» фронте. Почувствовав это, мусульмане-традиционалисты стали более терпимы к присутствию в исламском теологическом дискурсе умеренных салафитских элементов. Так постепенно стали складываться два основных, но принципиально различных типа исламского активизма¹. Первый тип был представлен традиционным исламским духовенством, удовлетворяющим религиозные потребности людей путем осуществления требуемых в тех или иных жизненных обстоятельствах ритуальных действий и рассматривающим религию в качестве важного социального института. Второй – отрицая авторитет представителей первого, ориентировался на необходимость тотального утверждения в мусульманском обществе исламского политико-правового и морального порядка. Таким образом, ислам приобрел выраженную пропагандистско-политическую направленность, и его религиозная деятельность приобрела деструктивный характер. Всё это сопровождалось усилившейся внутри конфессиональной конкуренцией между лидерами традиционных мусульман, что в итоге привело к очередной реструктуризации регионального Духовного управления мусульман в 2010 г.

Седьмой этап (2010 – настоящее время) совпал с созданием нового федерального округа – Северо-Кавказского, в состав которого вошел Ставропольский край. Данный этап связан с формированием в крае территориально и религиозно единого исламского сообщества. С этой целью 5 мая 2010 г. в Главном управлении Министерства юстиции Российской Федерации по Ставропольскому краю в качестве централизованной организации было зарегистрировано ДУМ СК. На сегодняшний день в ДУМ СК входят 52 официально зарегистрированные мусульманские общины. При этом, как отмечается на его официальном сайте, у каждой общины есть своя мечеть или молельный дом. Главой ДУМ СК стал муфтий Мухаммад Хаджи Рахимов. Его деятельность обеспечивает не только стремление к централизации внутренних исламских отношений среди мусульманских общин Ставропольского края, но и

¹ Косиков И.Г. Исламские движения новейшего времени на Северном Кавказе // Республики Северного Кавказа: Этнополитическая ситуация и отношения с федеральным центром. – М., 2012. – С. 94–100.

способствует формированию в рамках территории так называемого исламского «суперэтнуса», главным признаком которого является принадлежность к исламской умме вне зависимости от каких-либо социально дифференцирующих признаков¹.

Несмотря на то что суннизм признает равное значение для ислама всех ведущих религиозно-богословских школ, представляется, что последнее обстоятельство скорее всего связано с попыткой ДУМ СК найти компромиссный ответ на опасный вызов российскому исламу, исходящему от «нового ислама» – умеренно-радикальной версии исламизма². В отличие от активно действующего в регионе террористического подполья эта форма исламского религиозно-политического активизма пользуется популярностью в северокавказской молодежной среде в качестве перспективной духовной платформы.

Об этом говорит и тот факт, что порядка 80% проживающей либо обучающейся в городах Ставропольского края этнической исламской молодежи в возрасте от 16 до 22 лет знают единичные (53%) либо многочисленные (27%) случаи распространения среди своих сверстников идей явления, которое принято называть «ваххабизмом». Примерно такое же соотношение характерно для 25% этнически русских юношей и девушек³.

Проблема политизации и радикализации исламской молодежи как в крае, так и в Северо-Кавказском регионе в целом продолжает оставаться острой. В этой связи интересными представляются результаты исследования Ф.О. Семёновой и Т.С. Шмельковой, проведенного ими в 2012 г. с целью выявления психологических причин терроризма в молодежной среде.

Среди студентов 1–3-х курсов Карачаево-Черкесского государственного университета и Северо-Кавказской государственной гуманитарно-технологической академии был проведен анонимный опрос, в результате которого были выявлены и предполагаемые мотивы вовлечения молодежи в террористические группировки.

¹ Духовное управление мусульман Ставропольского края: [Официальный сайт]. URL: <http://dum26.mashuk.ru/>

² Косиков И.Г. Указ. соч. – С. 94–100.

³ Зинченко М.С. О состоянии и перспективах влияния ислама на общественно-политическую жизнь в Ставропольском крае // Теодицея: Альманах. № 4. – Пятигорск, 2013. – С. 44–53.

Первое место по результатам опроса занимает стремление избавиться от неприятных переживаний – отчуждения, фрустрации, обиды, чувства одиночества и т.д. – 46,0% респондентов.

Второе место принадлежит мотиву самоутверждения – это «ощущение собственной значимости, чувство принадлежности важному делу, атмосфера приключений и авантюры» и т.д. – 32,0%.

Третье место определяется совокупностью различных психологических причин – «повышенная внушаемость и подчиняемость, жажда власти, патологическая потребность в уничтожении жизни» и т.д. – 10,0%.

Далее на четвертом и пятом местах идут корыстные мотивы – 8,0%; соображения престижности и повышения авторитета среди сверстников – 4,0%. Подавляющее большинство студентов в качестве основной причины, приводящей, по их мнению, к вовлечению молодежи в террористические организации, назвали «психологические причины» – 62,0%. Наибольшую распространенность среди психологических причин занимают подверженность внешнему влиянию (22%) и неуравновешенная психика (18%). На социальные факторы как причину вовлечения молодежи в террористические организации указали 20% опрошенных студентов, на экономические – 6, религиозные – 4 и 8% опрошенных затруднились ответить на данный вопрос¹. Результаты исследования говорят сами за себя. Они дают исчерпывающую характеристику двум базовым личностным качествам молодых экстремистов – это высокий уровень инфантильности и чрезвычайно низкий уровень субъектности.

Заключение

Конфликтное сочетание процессов самоопределения и самообособления на фоне неопределенности, тревог, неуверенности в будущем, разочарований, неудовлетворенных желаний, низкого уровня субъектности и т.д. – всё это определяет состояние фрустрированной идентичности современного северокавказского общества, которое усиливает его политико-психологическую нестабиль-

¹ Семёнова Ф.О., Шмелькова Т.С. Представления молодежи о причинах развития терроризма // Коченовские чтения «Психология и право в современной России»: Сборник тезисов участников Всероссийской конференции по юридической психологии. – М., 2012. Цит. по: URL: <http://psyjournals.ru/files/55208/Семёнова,%20Шмелькова.pdf>

ность. Нельзя не заметить и другие особенности местной ментальной динамики. Так, во-первых, увеличение в регионе численности исламского населения по отношению к неисламскому. Это делает его общее психоэмоциональное самочувствие более комфортным и вселяет чувство уверенности. Во-вторых, происходит освобождение от характерного для советского периода комплекса «младшего брата» по отношению к пребывающему сегодня в депрессивном состоянии русскому населению. В-третьих, смещение линий «христианско-мусульманского пограничья» из северокавказских республик на улицы и даже в многоквартирные дома Ставрополя усиливает отторжение национально-политического начала – Российского государства с предпочтением религиозно-политической ценности – исламской цивилизации.

Всё это позволяет говорить о том, что процессы реисламизации Северного Кавказа в последние 25 лет не только не потеряли своей актуальности, но и приблизились к своеобразной черте бифуркации. Акцентированная этническая самоидентификация значительного числа северокавказского общества испытывает сильное давление со стороны агрессивной исламистской пропаганды, использующей идеи социальной справедливости и лозунги наднациональных ценностей «нового ислама». Российский Северный Кавказ в определенной мере рискует повторить опыт национально-политического саморазрушения Ближнего Востока, Северной Африки и Центральной Азии. В то же время полиментальность традиционного общества препятствует развитию мусульманского фундаментализма. Историческая укорененность традиционного ислама в России и очевидная для многих граждан ценность православно-мусульманского консенсуса имеют реальную перспективу бесконфликтного взаимодействия с миром ислама.

Тем не менее в настоящее время глобальными операторами исламистского политического проекта последовательно и упорно осуществляется стратегия по переформатированию идентификационных представлений и установок жителей Северного Кавказа, в первую очередь молодежи. Исполнителями технологий ментально-политических преобразований являются организованные исламистские группировки как ультра-, так и умеренно-радикальной направленности. Их деятельность направлена на трансформацию полиментальной матрицы традиционного исламского общества региона и формирование основ религиозно-догматического моно-

менталитета тоталитарного типа с последующей реализацией проекта «нового ислама» Северного Кавказа вне России.

«Вестник Московского университета. Сер. 12. Политология», М., 2014 г., № 2, с. 52–71.

Г. Ковалёв,

исполнительный директор Института Каспийского сотрудничества, кандидат политических наук

А. Левченко,

политолог (МГУ им. М.В. Ломоносова)

ЦЕНТРАЛЬНАЯ АЗИЯ И ЮЖНЫЙ КАВКАЗ: К НОВОЙ МОДЕЛИ ПРИСУТСТВИЯ США В РЕГИОНЕ

15 февраля 2014 г. исполнилось 25 лет со дня вывода советских войск из Афганистана, на протяжении почти десяти лет (с 27 декабря 1979 г.) формально преследовавших цель поддержания отношений «братства и революционной солидарности» с пришедшей тогда к власти Народно-демократической партией Афганистана. Советское правительство стремилось защитить южные границы СССР от распространения исламского фундаментализма, которое могло наступить в результате активизации деятельности афганской антиправительственной оппозиции, выступавшей под традиционалистскими исламскими лозунгами. Однако СССР так и не достиг стабилизации ситуации на афганской земле, которая после вывода советского военного контингента в 1989 г. погрузилась в перманентное противостояние кабульского правительства, таджикско-узбекского Северного альянса и пуштунских отрядов Г. Хекматияра¹. Против всех этих группировок боролось исламистское движение «Талибан», которое в 2001 г. было признано США террористической угрозой номер один и стало причиной вхождения войск НАТО и Международных сил содействия безопасности (МССБ) в Афганистан в рамках антитеррористической операции «Несокрушимая свобода».

Как известно, к концу 2014 г. американский военный контингент с союзниками планируют покинуть афганскую территорию, завершая миротворческую миссию НАТО и МССБ в соот-

¹ Гульбедин Хекматияр – лидер исламской партии Афганистана, бывший премьер-министр Афганистана (1993–1994, 1996).

ветствии с резолюцией Совета Безопасности ООН от 20 декабря 2001 г. На сегодняшний день существует несколько значимых вопросов, которые будут определять процесс реконфигурации военного присутствия США в регионе:

- каким образом США смогут обеспечить дальнейшее пребывание ограниченного контингента НАТО в Афганистане, необходимого для поддержания минимальной безопасности и недопущения расширения зоны нестабильности на сопредельные территории;

- каковы перспективы национального развития афганского государства в условиях глубокого антагонизма светских властей и укрепляющего свои позиции движения «Талибан»;

- как отразится ослабление организующего начала международных миротворческих сил на макрорегиональной ситуации в Центральной Азии и на Южном Кавказе;

- как технологически будет осуществляться вывод войск НАТО из Афганистана, какие инфраструктурные и технические процедуры необходимо соблюсти при транспортировке военных и невоенных грузов из номинального места дислокации;

- какой статус будет присвоен создаваемым логистическим узлам в Центрально-Азиатском и Южно-Кавказском регионах;

- какова вероятность кооперации НАТО с другими военно-политическими структурами в условиях меняющегося характера международных угроз безопасности и декларируемого перехода к новому этапу конструирования евро-атлантической системы безопасности без углубляющихся линий разломов и глубинных противоречий?

Для понимания и анализа будущих трансформаций присутствия США в рассматриваемом регионе необходимо определить подлинные причины и стратегическое значение пребывания военного контингента НАТО в Афганистане. Поводом для вторжения США на территорию Афганистана стала террористическая атака на Всемирный торговый центр в Нью-Йорке и здание Министерства обороны США 11 сентября 2001 г., совершенное, по сведениям ЦРУ, террористической организацией «Аль-Каида» под руководством У. бен Ладена – главы Всемирного исламского союза. После войны в зоне Персидского залива 1990–1991 гг. началась резкая активизация исламистского движения, которое было ориентировано на борьбу с США как приверженцами враждебного исламским ценностям видения мира. Террористическая атака 11 сентября 2001 г. стала проявлением новой глобальной тенденции,

а именно: феномена транснационального терроризма, усиления цивилизационного противостояния различных культурно-исторических типов, готовых на применение силы и насилия для защиты и утверждения своих ценностей.

Вашингтон, столкнувшись с качественно новой сущностью международных отношений и угроз стабильности мирового порядка, решил провести антитеррористическую операцию против талибов на афганской территории. Осознавая изменившийся характер международных угроз, связанных с возможностью внезапных террористических атак, выведения из строя системы обеспечения безопасности, нарушения коммуникационных сетей, распространения оружия массового уничтожения, активизации транснациональных преступных элементов, США легитимировали право на симметричный ответ и добились возможности использования превентивных ударов с целью защиты национальных интересов. В дальнейшем такая стратегия будет реализовываться с помощью распространения системы противоракетной обороны театра военных действий и реконфигурации военного присутствия НАТО вблизи стран с нестабильными политическими режимами. Тогда же борьба с террористическими группировками, оседающими в Афганистане, была во многом реакционной и конъюнктурной, расценивалась как возмездие за причиненный ущерб, а также желание американцев взять реванш и восстановить репутацию великой державы с глобальной ответственностью. Действия террористов были однозначно интерпретированы мировым сообществом как покушение на суверенитет США.

В результате в действие вступила ст. 5 Устава НАТО, которая гласила: «...вооруженное нападение на одну или нескольких из них (стран – членов НАТО. – *Г.К., А.Л.*) в Европе или Северной Америке будет рассматриваться как нападение на них в целом, и в случае если подобное вооруженное нападение будет иметь место, каждая из них в порядке осуществления права на индивидуальную или коллективную самооборону окажет помощь договаривающейся стороне, подвергшейся подобному нападению, путем немедленного осуществления такого индивидуального или совместного действия, которое сочтет необходимым, включая применение вооруженной силы с целью восстановления и последующего сохранения безопасности Северо-Атлантического регио-

на»¹. Совместно с США, таким образом, выступили и другие члены НАТО. Кроме того, поддержала действия американского государства по проведению антиталибской операции и Россия, предоставив разведывательные сведения и воздушный коридор для натовских самолетов. Москва также способствовала согласию некоторых республик постсоветского пространства (Узбекистан и Киргизия) на размещение на их территории военных баз для дислоцирования ВВС США. Данный шаг продемонстрировал изъяны во внешнеполитической стратегии России как относительно оценки террористических угроз для международной безопасности и потенциальной возможности использования данного феномена некоторыми акторами мировой политики в своих геополитических интересах, так и относительно характера и последствий присутствия НАТО в центральноазиатских и закавказских республиках, учитывая их географическое положение и стратегическую значимость в структуре энергетического и ресурсного баланса мировой системы. В этом контексте антитеррористическая операция «Несокрушимая свобода», инициированная США в качестве ответа на нанесенный государству ущерб, позволила сместить спектр стратегического внимания американцев на геополитически важный регион планеты.

Тезис о необходимости борьбы с угрожающими мировой безопасности радикальными исламистскими группировками стал легитимацией права США на военно-политическое присутствие НАТО в регионе Центральной Азии и Южного Кавказа, способствовал формированию новых перспектив внешнеполитической деятельности США, укреплению позиций американцев в Каспийском регионе. В мае 2001 г. сотрудник Фонда Карнеги Томас Грэхэм в своей статье «Переосмысливая отношения между США и Россией» писал: «Интересы США в этом регионе не менее важные. Первоочередный интерес – получение доступа к энергетическим ресурсам региона и предотвращение широко распространенной нестабильности в регионе, который граничит с четырьмя ядерными державами»². Многие аналитики тогда указывали, что основной целью антитеррористической операции США было уста-

¹ Североатлантический договор, 4 апреля 1949 г. // Организация Североатлантического договора. URL: http://www.nato.int/cps/ru/natolive/official_texts_17120.htm

² Грэхэм Т. Переосмысливая отношения между США и Россией // Независимая газета. 2001. 31 мая.

новление контроля над энергетическими ресурсами Каспийского региона. Известный исследователь Каспийского региона И.С. Зонн отмечал: «...если 90-е годы были потрачены США на создание базовых позиций в Каспийском регионе, то события конца 2001 – начала 2002 г. заложили основы тенденций внешней политики последующего десятилетия»¹.

Долгое время Каспийский регион находился на периферии мирового исторического развития, но в начале 1990-х годов он превратился в арену борьбы глобальных игроков². Данный регион имеет принципиально важное значение для потенциального обеспечения Европы энергоресурсами, занимает привлекательное геополитическое положение и формирует «стратегический энергетический эллипс»³, который консолидирует существующий углеводородный потенциал и функционирующие транзитные маршруты, идущие от Персидского залива и Каспийского моря. Запасы нефти и газа, сконцентрированные в регионе, заставили США признать Каспийский регион «зоной своих стратегических интересов». Еще в 1990-е годы госсекретарь США Мадлен Олбрайт декларировала, что «одной из самых важных задач, которые можно решить, будет работа над формированием будущего региона»⁴. Нефть и газ были признаны основой национальной безопасности Америки, «существенной составляющей национальной мощи, основным фактором мировой экономики, причиной войны и конфликта и решающей силой международных отношений»⁵. Показательно, что в этот период была создана Межведомственная рабочая группа по Каспию в составе Совета по национальной безопасности. Специальный советник государственного секретаря США по вопросам новых независимых государств Стивен Сестанович тогда отмечал, что «стратегия в вопросе энергоресурсов Каспийского бассейна является ключевым мотивом усилий амери-

¹ Жильцов С.С., Зонн И.С. США в погоне за Каспием. – М., 2009. С. 34–38.

² Айвазян Д. Углеводородный потенциал Каспийского региона. Оценки на региональном и международном уровнях // Международные процессы. – 2013. – № 2 (33). – С. 135–141.

³ Kemp G. Superblow. Strategic, Politics and the Persian Gulf and Caspian Basin. – Washington, 1997. – P. 97.

⁴ Вестник Каспия. 1998. – № 4. – С. 30.

⁵ Ергин Д. Добыча: Всемирная история борьбы за нефть, деньги и власть. – М., 1999.

канской администрации в вопросах поддержки независимости, суверенитета и процветания стран Кавказа»¹.

США начинают устанавливать конструктивные дипломатические отношения со странами Центральной Азии и Закавказья, поощрять процессы демократизации и либерализации государственных режимов постсоветских республик, способствовать строительству инфраструктуры и укреплению технических возможностей для добычи, разведки и транспортировки энергоносителей, а также усиливать интеграцию систем безопасности новых независимых государств в евро-атлантическую структуру. Американский экономист Р. Мэннинг тогда написал: «Если расшифровать дипломатические высказывания, а также геополитический смысл такой политики, то мы получим следующее – уменьшение зависимости стран Центральной Азии и Кавказа от России; продолжающаяся изоляция Ирана; интеграция стран Центральной Азии и Кавказа в международные экономические и политические системы»². Как отмечают С.С. Жильцов и И.С. Зонн, «в США считали, что контроль над Афганистаном и исламскими государствами Центральной Азии дает им ключи от таких двух крупных нефтепроизводящих регионов, как Ближний Восток и Каспий, что будет напрямую препятствовать растущим нефтяным амбициям Китая»³. Однако не только восходящий Китай вызывал опасения американцев, гораздо важнее было не допустить восстановления влияния России на постсоветском пространстве и установления контроля над каспийскими углеводородами. Антитеррористическая операция «Несокрушимая свобода» позволила отчасти реализовать подобные намерения, создав благоприятную почву для легитимного военного присутствия американцев на центральноазиатской и закавказской территории⁴.

¹ Цит. по: Чернявский С. Кавказская стратегия Вашингтона // Международная жизнь. – 1999. – № 1. – С. 25.

² Manning R. The Myth of the Caspian «Great Game»: The Real Geopolitics of Energy // Survival, 1998. – Vol. 40. – N 4. – P. 112–129.

³ Жильцов С.С., Зонн И.С. Указ. соч. – С. 52.

⁴ Казахстан предоставил НАТО аэродромы в Шымкенте и Луговом, также базы для развертывания натовских сил. Были разработаны План военного сотрудничества военных ведомств и Программа военных контактов между Генеральным штабом Вооруженных сил Казахстана и Центральным командованием США. Узбекистан предоставил базы «Кокайды», «Тузель», «Ханабад», также были созданы военные училища для подготовки сержантского состава узбекской армии. Киргизия одобрила размещение воинского контингента в международном

Геополитические победы американцев, однако, не сопровождались успехами на другом фронте – в борьбе натовского военного контингента с «Талибаном», исламистскими террористическими группировками, совершавшими периодические атаки на МССБ.

Напомним, что одним из предвыборных обещаний президента США Барака Обамы был вывод американских военных из Афганистана, завершение международной миссии НАТО и содействие афганской национальной армии в плане обеспечения безопасности. С начала мирового финансового кризиса в 2008 г. между союзниками стали возникать разногласия относительно растущих расходов на антитеррористическую операцию в Афганистане. Международный институт стратегических исследований (IISS) подготовил доклад «Военный баланс 2012», в котором отмечалось, что страны, которые вкладывали крупные суммы в военные операции, будут вынуждены перераспределить военный бюджет на внутригосударственные нужды¹. «Успех западной операции в Афганистане оказался под угрозой. Поэтому отныне НАТО необходимо делать ставку на дипломатию и скоординированные действия», – отмечал генеральный директор IISS Дж. Чипмен².

В 2010 г. на саммите НАТО в Лиссабоне было объявлено о выводе войск НАТО из Афганистана к концу 2014 г. В декабре 2011 г. на Боннской конференции международное сообщество обозначило рамки будущего содействия Афганистану и выразило свою приверженность участвовать в «Десятилетии преобразований» афганской земли с 2015 по 2024 г. На Чикагском саммите в 2012 г. страны – члены НАТО подтвердили лиссабонскую стратегию и решили, что «основным вкладом НАТО в пользу Афганистана после 2014 г. будет продолжение учебной подготовки, консультирования и содействия АНСБ (Афганские национальные силы безопасности. – Г.К., А.Л.) посредством значительно менее

аэропорту «Манас». Таджикистан согласился предоставить свое воздушное пространство для американских самолетов и аэродром «Айни», на территории страны была размещена авиация НАТО. США стали продвигать крупные экономические проекты по транспортировке энергоресурсов (Баку–Тбилиси–Джейхан и Баку–Тбилиси–Эрзурум).

¹ The Military Balance 2012 // The Intern. Institute for Strategic Studies. URL: <https://www.iiss.org/en/publications/military%20balance/issues/the-military-balance-2012-77da>

² Финансовый кризис и раздоры в НАТО ставят под угрозу афганскую миссию альянса // Deutsche Welle. 2009. 27 Jan. URL: <http://dw.de/p/GhIx>

масштабной небоевой миссии, которая придет на смену МССБ»¹. Отметим, что Североатлантический альянс уже подготовил план реализации с 2015 г. новой операции «Решительная поддержка», которая предполагает изменение структуры присутствия НАТО в Афганистане.

Однако, по нашему убеждению, основная проблема заключается не столько в необходимости правовой легитимации данной операции (подписание с руководством Афганистана Соглашения о безопасности, определяющего характер отношений с США после вывода войск международной коалиции в 2014 г.), сколько в будущем присутствии военных баз США на территории Афганистана и на сопредельных пространствах, непосредственно задействованных в системе контртеррористической антиталибской операции. Свою обеспокоенность по этому поводу уже выражал спецпредставитель РФ при ООН Виталий Чуркин: «Если антитеррористическая миссия выполнена, значит, базы сохраняются с какой-то другой, не связанной с Афганистаном, задачей. Если же борьба с террором требует продолжения, то тогда надо будет заручиться продлением мандата со стороны Совета Безопасности. В любом случае остаточное военное присутствие не должно использоваться против интересов соседей Афганистана и стран региона. Важно, чтобы здесь были четкие временные и правовые рамки: попытки сделать пребывание бессрочным рождают серьезные вопросы насчет его истинных целей»². Он также заявил, что будущая миссия НАТО в Афганистане может быть учреждена только после полноценного отчета МССБ перед Советом Безопасности ООН о выполнении текущего мандата.

Действия США в Центрально-Азиатском и Южно-Кавказском регионах в контексте перспективы вывода войск НАТО из Афганистана «рождают серьезные вопросы» и позволяют констатировать, что США приступили к трансформации своей модели присутствия в регионе. В основу этой модели положена новая Стратегическая концепция, анонсированная в 2012 г. на саммите НАТО в Чикаго. Важными положениями новой концеп-

¹ Годовой отчет Генерального секретаря за 2012 г. // Организация Северо-Атлантического договора. 2013. 31 янв. URL: http://www.nato.int/eps/ru/natolive/opinions_94220.htm

² Посол России встревожен вытеснением террористов в Афганистане на север // Центр новостей ООН. 2012. 20 сент. URL: <http://www.un.org/russian/news/story.asp?NewsID=18245>

ции стали «умная оборона» и «сопряженные силы», которые помогут обеспечить максимальную согласованность оборонного планирования, развивая и используя силы и средства в соответствии с экономической эффективностью: будущие рамки операций должны ориентироваться на объективно ограниченные финансовые и экономические ресурсы. Воплощением подобных стандартов становятся Силы быстрого реагирования НАТО, частичная смена военно-политического влияния на экономическое и политическое воздействие в регионе, а также отказ от постоянного военного базирования в пользу гибкого и оперативного использования военных объектов совместно с союзниками. Такую стратегию красноречиво подтверждают действия США и ЕС в Каспийско-Центрально-Азиатском регионе.

Вполне очевидно, что ожидаемый вывод войск НАТО из Афганистана внесет изменения в региональный баланс сил. Наблюдаемое в последние годы ускоренное формирование национальных флотилий стран «каспийской пятерки», продолжающаяся изоляция Ирана, вероятный транзит через регион военных грузов, а также всё более явно проявляющийся запрос на обеспечение безопасности новой транспортной (трубопроводной) инфраструктуры со стороны Азербайджана в сторону НАТО – всё это формирует набор вполне осязаемых рисков. Параллельно с ростом напряженности в сфере безопасности в Каспийском субрегионе, вывод войск НАТО из Афганистана, очевидно, будет способствовать появлению новых транспортных маршрутов и логистических узлов в странах Центральной Азии и Каспийского региона.

В этой связи весьма показательной является выездная сессия Всемирного экономического форума (ВЭФ) «Стратегический диалог по будущему Южного Кавказа и Средней Азии», которая состоялась в Баку 7–8 апреля 2013 г. Фактически главной целью сессии ВЭФ являлось создание новой формы сотрудничества между приглашенными на мероприятие элитами стран Южного Кавказа и Центральной Азии, в рамках которого Азербайджану отводится особая роль. По словам исполнительного директора ВЭФ Клауса Шваба, цель форума – дать старт долгосрочным инициативам, предложить определенные сценарии для регионов Южного Кавказа и Средней Азии. «Эти процессы будут продолжаться в течение следующих 18 месяцев. Цель – добиться региональной экономической интеграции. Цель – изучить уникальные эволюционные потенциалы региона и рассмотреть различные альтернативные сценарии. Сегодня мы начинаем этот процесс», – пояснил

Шваб¹. Показательно, что участником форума был руководитель Института Центральной Азии и Кавказа Университета Джонса Хопкинса (США) Фредерик Стар, являвшийся одним из разработчиков концепции «Нового шёлкового пути», взятой на вооружение Госдепартаментом США при реализации своей стратегии в регионе Центральной Азии и Афганистане. Исходя из этого можно сделать вывод о том, что, несмотря на обилие экспертных оценок, свидетельствующих о потере со стороны Вашингтона интереса к региону Каспийского моря и Центральной Азии, в реальности намечается лишь некоторое изменение сложившегося в последнее десятилетие баланса внешнеполитических сил.

Таким образом, правомерно предположить, что запланированный вывод войск НАТО из Афганистана знаменует собой смену моделей присутствия США в регионе, но не отказ от этого присутствия. Модель, связанная с нахождением многотысячного воинского контингента в Афганистане и сопряженная со значимыми финансовыми затратами и людскими потерями, сменяется моделью опосредованного экономического влияния. Ключевыми элементами этой модели станут, с одной стороны, экспортно-ориентированные трубопроводы (в западном и юго-восточном направлении), а с другой – формирующиеся на глазах транспортные узлы в странах Центральной Азии и Южного Кавказа, с использованием которых, вероятно, и будет осуществляться вывод войск из Афганистана. Причем странам региона, ранее придерживавшимся многовекторной политики, но в последнее время начавшим осуществлять «западный крен» в своей внешней политике, в рамках этой модели отводятся значимые роли. Усиление регионального компонента в формирующейся новой модели влияния США предполагает и более динамичную реакцию со стороны ключевых государств Каспийского субрегиона.

Азербайджан. По результатам 2013 г. можно констатировать, что Азербайджан в своих внешнеполитических ориентациях всё больше демонстрирует крен в сторону Запада и намерение углублять сотрудничество с НАТО, в том числе и по вопросам обеспечения безопасности транспортной инфраструктуры, стремясь при этом не обострить отношения с Россией. Состоявшийся

¹ В Баку состоялся Всемирный экономический форум на тему «Стратегический диалог о будущем Южного Кавказа и Центральной Азии» // Бакинский рабочий. 2013. Апрель. С. 1–3. URL: <http://www.anl.az/down/meqale/bakrabo-chiy/2013/aprel/301845.htm>

в январе 2013 г. визит в Баку главного советника министра обороны США по политическим вопросам Кэтлин Хикс продемонстрировал рост взаимного интереса. Не исключено, что активизация внимания США к южнокавказскому маршруту обусловлена появлением дополнительной возможности для укрепления военных связей с Азербайджаном, Грузией и Турцией. Баку, по всей видимости, позитивно воспринимает инициативы Вашингтона. После визита Хикс в Азербайджан стало известно об утверждении президентом Алиевым соглашения о сотрудничестве между Минобороны Азербайджана и Европейским командованием США, согласно которому стороны будут проводить двусторонние военные консультации на уровне ведущих специалистов по планированию.

Показательно, что стратегическая роль Азербайджана в регионе становится основной темой различных международных конференций и форумов. Среди прочих стоит выделить конференцию «Соединяя Кавказ с миром: железные дороги и трубопроводы», состоявшуюся весной прошлого года в Вашингтоне при поддержке Института анализа глобальной безопасности и Института Кеннана, Международного научного центра имени Вудро Вильсона. Так, в своем выступлении советник посольства Азербайджана в США Наргиз Гурбанова рассказала о превращении Азербайджана в региональную транзитную сеть и особо отметила рост значения Азербайджана при выводе войск НАТО из Афганистана. Постоянный представитель Азербайджана при НАТО Хазар Ибрагим заявил о том, что заместители министров из Азербайджана, Грузии и Турции презентовали в НАТО технические и процедурные детали использования железнодорожной магистрали Баку–Тбилиси–Карс для той же цели. В свою очередь на прошедшем в конце мая 2013 г. азербайджанско-американском форуме «Взгляд в будущее» президент Азербайджана Ильхам Алиев заявил: «Сотрудничество в области безопасности также очень важно для обеих стран. И я рад, что теперь это сотрудничество выходит на новый этап. Мы работаем вместе по вопросам глобальной безопасности. Наши солдаты плечом к плечу оказывают помощь и поддержку Афганистану. Азербайджан обеспечивает почти 40% транзита в Афганистан, и Северная распределительная сеть считается одной из самых надежных и стабильных»¹.

¹ Азербайджан и США определяют перспективы стратегического партнерства // Вестн. Кавказа. 2013.29 мая. URL: <http://vestikavkaza.ru/news/Azerbaydzhani-SSHA-opredelyayut-perspektivy-strategicheskogo-partnerstva.html>

Военная безопасность, т.е. предупреждение конфликтов и боевых столкновений, подменяется в публичном пространстве энергетической безопасностью, что, конечно же, немаловажно для любого суверенного государства, но отнюдь недостаточно для Каспийско-Центрально-Азиатского региона. Как следствие, происходит проникновение в регион международных игроков, преследующих свои геополитические интересы под видом разных форм сотрудничества: будь то публично-дипломатическая, лоббистская, финансовая или военная помощь. На сегодняшний день НАТО де-факто уже участвует в обеспечении безопасности трубопроводов Баку–Тбилиси–Джейхан и Баку–Тбилиси–Эрзурум. Достаточно сказать, что в январе 2014 г. генеральный секретарь НАТО Андерс Фог Расмуссен и президент Азербайджана Ильхам Алиев заявили, что обеспечение безопасности газопровода между месторождениями Каспия и Европой будет одним из важнейших направлений дальнейшего сотрудничества между НАТО и Азербайджаном. Кроме того, кооперация по Афганистану обуславливает продолжение сотрудничества между НАТО и Азербайджаном по целому ряду программ, в частности в рамках Программы индивидуального партнерства, Процесса планирования и анализа и Концепции операционных возможностей. Также стороны продолжают взаимодействие в сфере реформирования вооруженных сил Азербайджана и доведения их до стандартов НАТО. В этом отношении в скором времени следует ожидать утверждения сторонами четвертого этапа Индивидуального плана партнерства с НАТО, который находится на стадии согласования сторонами.

Несмотря на все это, официальные лица Азербайджана заявляют о том, что не собираются размещать на своей территории базы НАТО и понимают те риски, которые несет военнополитическое вторжение в регион третьих сил. Баку по-прежнему считает крайне важным поддержание хороших отношений с Москвой и признаёт ведущую роль России как регионального игрока.

Туркменистан. Потенциальным звеном в цепи транзитных и логистических узлов, создаваемых НАТО для вывода войск из Афганистана, мог бы стать Туркменистан. Во всяком случае еще в конце мая 2013 г. посол Афганистана в НАТО Хумаюн Тандар заявил, что вопрос маршрута вывода войск и вооружений НАТО из Афганистана через Туркменистан обсуждался. «Один из маршрутов, являющийся наиболее протяженным, пролегает через Туркменистан. Однако это очень сложный маршрут, и мы не знаем, согласится ли туркменская сторона на транзит вооружений», –

сказал посол, пояснив: «В частности, речь идет о маршруте с севера Афганистана через Туркменистан, Каспий и Азербайджан. Мы ведем переговоры с правительствами других дружественных стран»¹. Дружественные страны в данной связи – это прежде всего Азербайджан, Грузия и Турция, по территории которых проходит уже упоминавшаяся выше железнодорожная магистраль Баку–Тбилиси–Карс.

На сегодняшний день вопрос о согласии официального Ашхабада на транзит военных грузов остается открытым. Однако показательным является уже то, что Туркменистан проявил свою заинтересованность в подключении к транспортному проекту «Баку–Тбилиси–Карс» также во время визита в Туркменистан президента Турции Абдуллы Гюля в конце мая 2013 г., что фактически совпало с заявлениями посла Афганистана в НАТО. В частности, в тексте совместного заявления А. Гюля и Г. Бердымухамедова отмечается: «С точки зрения развития торговых отношений, подчеркнув важность обеспечения между двумя странами непрерывной и скоростной связи, стороны акцентировали внимание на значимости участия Туркменистана в “Центральном коридоре”, который выведет Центральную Азию через Каспий в Европу при помощи железнодорожной магистрали Баку–Тбилиси–Карс»².

Казахстан. В процессе вывода войск НАТО из Афганистана может быть задействован и Казахстан. По крайней мере, на это косвенно указывают заявления политического истеблишмента Казахстана. Демонстрируемое на протяжении прошлого года нежелание официальной Астаны идти на более глубокие формы интеграции с Россией, известные проблемы с арендой космодрома «Байконур», а также прозвучавшие из уст Нурсултана Назарбаева 26 апреля в Алма-Ате на конференции министров иностранных дел Стамбульского процесса по Афганистану предложения предоставить НАТО порт Актау на Каспии для транзита грузов из Афганистана – свидетельства понимания Астаной грядущих геополитических трансформаций.

¹ В настоящее время обсуждаются маршруты вывода войск НАТО из Афганистана // NEWS.AZ. 2013. 22 мая. URL: <http://lnews.az/politics/20130522010916900.html>

² Туркменистан хочет подключиться к транспортному проекту «Баку–Тбилиси–Карс» // Вестн. Кавказа. 2013. 31 мая. URL: <http://vestnikavkaza.ru/news/Turkmenistan-khochet-podklyuchitsya-k-transportnomu-proektu-Baku-Tbilisi-Kars.html>

Показательно, что предложение Н. Назарбаева по порту Актау прозвучало спустя две недели после выступления первого заместителя премьер-министра Казахстана Бакытжана Сагинтаева на уже упоминавшейся бакинской сессии ВЭФ. Среди прочего Сагинтаев остановился на некоторых перспективных направлениях сотрудничества со странами Центральной Азии и Кавказа. Речь шла о транспортно-логистическом потенциале Казахстана как региона, который лежал на историческом Шелковом пути с Востока на Запад. По сути, Сагинтаев представил свою страну в качестве моста между Востоком и Западом. Тем более что уже сейчас Астана реализует трансконтинентальные проекты, которые открывают новые возможности для Казахстана и других государств Центральной Азии и Кавказа, не имеющих выхода к морю и расположенных в удалении от международных рынков. При этом проект «Актау – Западные ворота Казахстана» в рассматриваемом контексте приобретает особое значение.

Как известно, транзитный пункт в Актау существует с 2009 г., и через него, по официальным данным, перевезено более 15 тыс. контейнеров, что составляет значимую часть военных грузов, перевезенных по Северному транзитному маршруту. Впервые же о переговорах между Астаной и Вашингтоном по поводу использования порта Актау как перевалочной базы стало известно из публикаций WikiLeaks. Более того, эту информацию косвенно подтвердил и заместитель губернатора Мангистауской области Биржан Канешев¹. В частности, он сообщил, что представители Казахстана и США обсуждают превращение этого порта в ключевой транзитный пункт в структуре Северной сети поставок. Это, по словам чиновника, должно произойти за счет расширения порта и увеличения пропускной способности аэропорта.

Не прибегая к крайним оценкам, можно говорить о том, что апрельское предложение Назарбаева представляло собой двойной сигнал: Москве – о существующем недовольстве в динамике российско-казахстанских отношений и Вашингтону – о понимании грядущего переформатирования модели присутствия США в регионе. При этом стоит понимать, что Астана сейчас находится в довольно уязвимом положении. Падение уровня добычи нефти, «исход» западных энергетических компаний из многих нефтегазо-

¹ Казахстан готов предоставить под базу НАТО порт Актау на Каспийском море // Военный обозреватель. 2013. 30 апр. URL: <http://warsonline.info/geostrategy/kazakhstan-gotov-predostavit-pod-bazu-nato-port-aktau-na-kaspiyskom-more.html>

вых проектов и «китаизация» нефтегазового сектора Казахстана, проблемы с запуском месторождения Кашаган – всё это формирует спектр проблем, под давлением которых Астана может поменять свои внешнеполитические ориентации. На сегодняшний день Казахстан стремится позиционировать себя в качестве крупнейшего транспортно-логистического узла Центральной Азии и с этой целью поощряет развитие международных маршрутов (проекты «Западная Европа – Западный Китай» и «Казахстан – Новый шёлковый путь»). Казахстан находится между несколькими крупными участниками торговых рынков – Китаем, Россией, странами Восточной и Западной Европы. Морской порт Актау является составной частью международных транспортных коридоров ТРАСЕКА (Транспортный коридор Европа–Кавказ–Азия) и Север–Юг, обеспечивающих выход в порты Каспийского, Черноморско-Средиземноморского и Балтийского бассейнов, страны Персидского залива и Юго-Восточной Азии. Очевидно, что порт Актау имеет геостратегическое значение для рассматриваемого региона, поэтому закрепление в нем внешних игроков может негативно отразиться на макрорегиональной ситуации.

Всё это свидетельствует о потенциальной готовности стран Каспийско-Центрально-Азиатского региона предоставить НАТО и МССБ имеющиеся и еще только создаваемые транспортные и логистические узлы в качестве маршрутов вывода военных и невоенных грузов из Афганистана. Это в свою очередь будет способствовать реализации Стратегической концепции НАТО, анонсированной в 2012 г. на саммите НАТО в Чикаго, что предполагает изменение модели влияния в регионе Центральной Азии и Южного Кавказа.

Очевидно, что Москва не может игнорировать изменение геополитической реальности на сопредельных территориях, исторически входящих в зону исключительного влияния Российского государства. В случае бездействия России на данном направлении в обозримой перспективе под ударом могут оказаться уже существующие форматы евразийской безопасности (Организация Договора о коллективной безопасности – ОДКБ) или же еще во многом только планируемые образования (Евразийский экономический союз). Как бы там ни было, но реакции государств Каспийского региона, не заинтересованных в усилении позиций США, уже прослеживаются. В массе своей они сводятся к демонстрации милитаристского потенциала, а именно к обновлению флотилий и проведению военных учений на Каспии. В то же время Россия

выступает за интенсификацию диалога между прикаспийскими государствами, странами – членами ОДКБ по вопросу укрепления сотрудничества в деле обеспечения безопасности и стабильности в Центрально-Азиатском и Закавказском регионах. Москва готова содействовать процессу логистического и технического обеспечения вывода военного контингента НАТО из Афганистана, но выступает категорически против возможного закрепления военных баз НАТО на данной территории. Россия уже сейчас предпринимает необходимые меры по защите таджикско-афганской границы в рамках специально разработанной программы ОДКБ и участвует в создании инфраструктуры непосредственно на территории Афганистана. При этом военное командование ОДКБ не рассматривает возможности кооперации с НАТО¹.

Между тем реконфигурация трансатлантического военного присутствия за рубежом требует от России и ее союзников согласованных действий и выработки стратегии реагирования на геополитические трансформации мировой системы. Конструктивным представляется путь сотрудничества ОДКБ и НАТО по взаимно допустимым направлениям деятельности: обмен информацией, противодействие распространению наркотиков и киберугрозам, контртеррористическая борьба, а также постконфликтное миростроительство и долгосрочное взаимодействие по созданию стабильных государственных институтов. Подобная стратегия может быть апробирована в выработке совместного плана действий по выводу войск НАТО из Афганистана и послекризисном урегулировании ситуации в стране.

На данный момент ситуация остается непредсказуемой и крайне противоречивой. С уверенностью можно констатировать лишь одно: после вывода войск НАТО из Афганистана сопредельные территории, Центрально-Азиатский и Закавказский регионы ждут глубокие потрясения и колоссальные угрозы безопасности. Здесь стоит указать на вероятность наступления гражданской войны в Афганистане, рост наркопреступности, увеличение наркотрафика (расширение транспортировки афганских опиатов по «северному маршруту» Афганистан–Центральная Азия–Россия), предполагаемое закрепление военного присутствия НАТО на

¹ Для ОДКБ не принципиально сотрудничество с НАТО по Афганистану после вывода войск // ИТАР-ТАСС. 2013. 10 дек. URL: <http://itar-tass.com/politika/822780>

территории Центральной Азии и Южного Кавказа при транзите военных грузов из Афганистана.

*«Вестник Московского университета.
Политические науки. Сер. 12»,
М., 2014 г., № 1, с. 65–79.*

Н. Мингишева,

магистр экономики,

Карагандинский университет «Болашак»

(Казахстан)

СОВРЕМЕННЫЕ ИСЛАМСКИЕ ДВИЖЕНИЯ И ГРУППЫ В ПОСТСОВЕТСКОМ КАЗАХСТАНЕ: НЕКОТОРЫЕ МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ*

В настоящее время в исламских течениях выделяют шесть основных направлений: традиционализм, секуляризм, салафизм, либеральный Ислам, исламский модернизм и «неовозрожденчество» («неоревайвализм»). Если попытаться вкратце охарактеризовать данные течения¹, то можно выделить следующие канонические и социально-политические характеристики, начиная с «традиционного» Ислама (традиционализма):

– вера в необходимость следования одному из классических мазхабов и, соответственно, тенденция к следованию традиционным интерпретациям Корана и Сунны;

– Ислам идеален и не требует модернизации, превалируют унаследованные традиции классического периода Ислама;

– тенденция к усилению собственной набожности как оппозиция политическому активизму;

– тенденция к послушанию по отношению к существующей государственной власти;

– тенденция к отказу от демократии и ее принципов, иногда присутствует участие в демократической политике для того, чтобы достичь своих целей;

* Текст доклада, представленного на конференции «Мусульманские движения и механизмы воспроизведения идеологии ислама в современном информационном пространстве» (Казань, 13–17 ноября 2013 г.).

¹ Данная классификация принадлежит профессору Ихсану Багби (департамент арабских и исламских исследований, университет Кентуки, США), лекции которого были прослушаны весной 2013 г.

– подозрительность к западным идеям и правилам, особенно к тем, которые не соответствуют нормам Ислама;

– Шариат должен исполняться сообразно тем правилам, которые были унаследованы с классического периода Ислама.

Далее, **секуляризм** в исламских странах имеет следующие черты:

– отказ от Корана и Сунны как абсолютных авторитетов; неприятие в восприятии норм Ислама;

– вера в отделение государства от религии;

– восприятие науки и причинно-следственных связей в качестве стандартов истины;

– тенденция к следованию западным моделям в развитии общества независимо от того, будут ли данные модели радикальными, либеральными или консервативными;

– политические пристрастия могут варьироваться от социалистического и монархического национализма до авторитарной и либеральной демократии.

«**Либеральный**» или «**прогрессивный**» Ислам демонстрирует наибольший плюрализм и обладает такими особенностями, как:

– использование Корана и Сунны и адаптация Ислама к современности; открытость к новым интерпретациям; Ислам понимается как исторический феномен;

– Ислам постоянно меняется, поэтому не может быть только одного-единственного Ислама;

– исламскую веру следует отделить от шариата (отделение законов от религии);

– вера в разделение государства и религии;

– тенденция к акцентации социальных реформ в области социальной справедливости и гендерного равенства;

– принятие демократии и всех ее принципов, приветствуется плюрализм и либерализм.

Несмотря на то что **салафизм** представляет собой довольно разнородное и неоднозначное течение, Ихсан Багби тем не менее попытался дать некоторые обобщающие характеристики данного направления:

– вера в необходимость следования Корану и Сунне, как они понимались в первые три поколения мусульман со времен Пророка Мухаммеда; отказ от идеи, что мусульмане должны следовать какому-либо мазхабу; тенденция к буквалистской интерпретации Корана;

– Ислам идеален, но пережитки и отклонения, возникшие со времен классического периода Ислама, должны быть исключены;

– склонность к выполнению всех формальных предписаний Ислама; тенденция к выделению немусульман (кяфиров), которые, с их точки зрения, не веруют или практикуют Ислам неправильно;

– тенденция к послушанию по отношению к существующей государственной власти;

– тенденция к отказу от демократии и ее принципов, иногда присутствует участие в демократической политике для того, чтобы достичь своих целей;

– Шариат должен исполняться так, как он понимался и использовался во времена первых трех поколений мусульман.

Следующим направлением современности является **исламский модернизм**, имеющий следующие черты:

– Коран и Сунна используются для иджитхада, но есть стремление принять более либеральные интерпретации;

– Ислам постоянно меняется, поэтому он должен приспосабливаться к новым обстоятельствам;

– тенденция к фокусированию на социальные реформы;

– тенденция к сотрудничеству с государственными властями для того, чтобы вносить изменения;

– целью является создание гражданского общества, в котором Ислам может влиять и формировать общество; создание исламского государства не является самоцелью;

– тенденция к принятию демократии и всех ее принципов, модифицируя классические исламские нормы таким образом, чтобы они соответствовали демократическим образцам;

– Шариат должен быть источником права, но не единственным правовым ресурсом.

Неовозрожденчество в лице «Братьев-мусульман», положивших начало формированию политического Ислама в XX в., завершает данную классификацию:

– Ислам всеобъемлющ и должен направлять как отдельного индивида, так и общество в целом; религия должна быть отделена от государства и публичной жизни;

– возвращение к Корану и Сунне для иджитхада и отказ от авторитета мазхабов; открытость для гибких интерпретаций, но предпочтение отдается скорее консервативным интерпретациям;

– Шариат должен быть основным источником права, но иджтихад должен осуществляться и выверяться в соответствии с современностью;

– модернизация принимается, но вестернизация отвергается; западное образование принимается только в соответствии с исламскими нормами;

– для изменения общества необходимы действия и движения, а не разговоры и книги;

– тенденция к политическому активизму и созданию Исламского государства;

– тенденция противостоять политическим властям через политические выборы, но не с помощью насилия;

– тенденция к принятию демократических принципов при условии модификации данных принципов в соответствии с исламскими нормами.

Данная классификация дает возможность различных интерпретаций. В целом можно сказать, что все направления от традиционализма до неовозрожденчества являются, так или иначе, консервативными течениями в Исламе. Исключения составляют секуляризм и «либеральный» Ислам, которые представляют собой результат влияния западной колониальной политики и постколониального развития в странах Ближнего Востока. Также необходимо отметить близость по ряду позиций «традиционного» Ислама и салафизма. Несмотря на их противоположное отношение к мазхабам, оба направления рассматривают Ислам как идеальную систему, не требующую какой-либо модернизации, практикуют аполитичность и не всегда восприимчивы к демократическим принципам.

Вероятно, традиционализм в Исламе представляет собой модификации локального национализма, которые были сформированы в форме мазхабов в различных культурных традициях, тогда как салафизм, скорее, является проявлением арабского национализма и претендует на большие масштабы, стремясь вернуться к классической исламской традиции времен первых трех поколений мусульман, объединив всех мусульман по праву первенства и сняв какие-либо разграничения, мешающие данному союзу. Другими словами, можно сказать, что салафизм пытается реконструировать классический Ислам, когда все мусульмане были единой общностью, в современных условиях. Возможно, этим и объясняется близость традиционализма и салафизма, а также восприимчи-

вость людей к салафитским идеям на всем постсоветском пространстве.

Близость «традиционного» Ислама и салафизма проявляется по отношению к женщинам и страхованию. Относительно гендерных отношений данные течения утверждают следующее:

– мужчины и женщины несут равную ответственность перед Богом, но они не равны по своей человеческой природе; женщины не могут возглавлять мужчин во время молитвы;

– женщины зависимы от мужчин; женщина не является автономным агентом;

– роль женщин сведена к роли жены и матери; публичная роль для женщин не предусмотрена; женщины не должны работать вне дома;

– мужчины имеют право бить женщин, но не должны наносить им тяжелый вред и увечья.

В вопросах страхования традиционализм и салафизм постулируют следующие принципы: все формы страхования запрещены; хадис запрещает экономические сделки, когда приобретаемый продукт неизвестен; Коран запрещает процентную ставку (риба); страхование может быть использовано только в случае необходимости. Относительно других исламских течений и их отношения к вопросам о женщинах и страховании можно выстроить следующую классификацию, которая также принадлежит Ихсану Багби (см. табл.).

Таблица

	Гендерные отношения	Страхование
1	2	3
Неоревайализм	<ul style="list-style-type: none"> • Мужчины и женщины равны в религии и своей человеческой сущности, но они различны; женщины не могут вести мужчин во время молитвы. • Женщины зависимы от мужчин, но особое внимание уделяется правам женщин и хорошему обращению с ними. • Публичная роль женщин признается, но первейшая роль женщины – материнство; женщины могут работать вне дома, но только тогда, когда их материнская роль выполнена. • Битье женщины является крайней мерой, и оно может быть использовано только в качестве легкого устрания. 	<ul style="list-style-type: none"> • Страхование, включающее процентную ставку, запрещено, но другие формы страхования разрешены. Таким образом, страхование жизни запрещено. Пророк разрешал людям объединять деньги для разделения риска, поэтому, например, страхование машины разрешено. • Страховая политика, которая следует исламским принципам, должна развиваться и использоваться.

1	2	3
Исламский модернизм	<ul style="list-style-type: none"> • Мужчины и женщины равны в религии и человеческой сущности; особое внимание уделяется равенству полов, тогда как различия между мужчинами и женщинами признаются: женщины не могут вести мужчин во время молитвы в силу оспариваемого вопроса, ведущего к разделению. • Женщины являются автономными агентами; взрослая женщина не нуждается в разрешении мужчин. • Публичная роль женщин является открытой; роли жены и матери важны, но роль женщин является выбором самих женщин. • Избиение жены в наши дни является контрпродуктивным и, соответственно, запрещено; общество имеет право ввести уголовную ответственность за насилие над женщинами. 	<ul style="list-style-type: none"> • Страхование разрешено; процент, как противоположность усури, является неизбежным принципом в современной экономической системе, и это не подразумевает несправедливости. • По возможности, предпочтительной является страховая политика, основанная на принципах ислама.
«Прогрессивный» ислам	<ul style="list-style-type: none"> • Мужчины и женщины абсолютно равны как в религии, так и в человеческой природе; различия между мужчинами и женщинами являются социально конструируемыми; женщины могут вести мужчин во время молитвы. • Женщины являются самостоятельными социальными агентами. • Публичная роль женщин является открытой; женщины не могут быть ограничены в своем выборе. • Избиение жены запрещено и должно преследоваться по закону. 	<ul style="list-style-type: none"> • Страхование разрешено. Коран запрещает усури, а не процентную ставку. • Мусульмане могут выбрать любой вид страхования.

Исходя из вышеизложенного, можно сказать, что современный ислам представлен различными движениями и группами, что позволяет говорить об устойчивом характере данной религии и динамичном ее развитии. В то же время, в Казахстане на официальном уровне такое многообразие в исламе практически не проговаривается, исламские конфессии рассматриваются, в основном, в традиционном ключе в виде суннизма ханафитского мазхаба. Данная политика является неэффективной в силу того, что не учитывает разнообразие исламских движений, и отсутствует точная информация о других направлениях в исламе. Академическую среду в Казахстане также можно охарактеризовать как консервативно

настроенную и участвующую в формировании официального дискурса, когда проговаривается мнение об укорененной или неукорененной традиции в исламе среди казахов, и утверждается, что другие течения не могут быть восприняты местным населением. Такие мнения не учитывают развитие и влияние процессов глобализации и современного состояния, когда религиозные традиции могут возникать и реконструироваться различными способами и технологиями.

На сегодняшний день в Казахстане можно выделить следующие исламские направления: «традиционный» ислам (причем не только суннизм ханафитского мазхаба), салафизм, исламский модернизм и секуляризм. Как говорилось выше, близость традиционализма и салафизма позволяет выдвинуть предположение, почему последний так быстро укоренился и распространился на постсоветском пространстве, включая Казахстан. Одна утраченная традиция может заменяться новой, более доступной и упрощенной, но которая не будет являться менее консервативной или даже радикальной.

Исламский модернизм в Казахстане представлен, чаще всего, движением Фетхуллы Гюлена в виде образовательных учреждений среднего и высшего уровней. На сегодняшний день в стране функционируют около 20 казахско-турецких лицеев во всех областях страны и университет в г. Алматы. Как правило, выпускники данных лицеев имеют высокую успеваемость и после окончания имеют больше шансов получить гранты на обучение – как в стране, так и за рубежом. Следует особо отметить, что современный ислам довольно успешно использует институты образования для обеспечения устойчивости традиции, когда большое внимание уделяется не только религиозному образованию, но также и светскому. Данный подход распространен среди исламских модернистов и неоревайвалистов, что позволяет им сохранять традицию и одновременно адаптироваться к меняющимся социальным условиям.

Секуляризм в Казахстане является государственной идеологией, когда государство не только отделено от религии, но также, по мнению многих экспертов, принимает формы некоего «воинствующего секуляризма», когда вводятся негласные законы о запрете хиджабов в образовательных учреждениях и под запретом оказываются многие исламские движения и организации. Государство довольно жестко контролирует и регулирует деятельность религиозных объединений, причем не только исламских.

В настоящее время можно отметить определенные результаты данной светской политики, когда экстремистская активность в Казахстане была сведена к минимуму за последнее время, а количество хиджабов на улицах значительно уменьшилось. Можно даже говорить о некоторой модернизации в одежде верующих женщин, что выражается в ношении более современных хиджабов, которые не сразу бросаются в глаза из-за минимальной акцентации покрытия головы. Другими словами, «воинствующая светскость» повлияла на некоторую модернизацию текущей исламской традиции и в то же время следует отметить, что эта традиция смогла адаптироваться к такой «жесткой секулярности». Социальные углы сглаживаются, но как долго это продлится, никому не известно.

*«Ислам в мультикультурном мире:
Мусульманские движения
и механизмы воспроизводства идеологии ислама
в современном информационном пространстве»,
Казань, 2014 г., с. 144–153.*

Е. Ионова,
кандидат исторических наук (ИМЭМО РАН)
**ПРИОРИТЕТЫ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ
ТУРКМЕНИИ**

Провозглашенная странами Центральной Азии многовекторность внешней политики вовсе не тождественна ее равновекторности. В настоящее время во внешнеполитической деятельности Ашхабада резко обозначилось преобладание восточного вектора, связанное, в первую очередь, с превращением Китая в главного партнера Туркмении. Поднебесная прочно заняла лидирующие позиции во внешнем товарообороте республики. Только за период с 2007 по 2013 г. объем взаимной торговли двух стран вырос в 20 раз и составил по итогам 2013 г. 10 млрд долл.¹

Обоюдная заинтересованность Пекина и Ашхабада в сближении нашла отражение в подписании в сентябре 2013 г. в ходе центральноазиатского турне Председателя КНР Си Цзиньпина Совместной Декларации об установлении отношений стратегического партнерства между Туркменией и Китаем (аналогичные соглашения Пекин заключил со всеми странами ЦА). Во многом

¹ <http://www.turkmenistan.gov.tm/?id=6474>

этот визит стал поворотной точкой во взаимоотношениях двух стран, закрепив ведущую роль КНР в нефтегазовой сфере Туркмении.

Подтверждением развития стратегического партнерства двух стран стал государственный визит в Поднебесную в мае 2014 г. главы Туркмении Г. Бердымухамедова. По его итогам были достигнуты новые договоренности, в том числе подписаны: Декларация о развитии и углублении отношений стратегического партнерства между Туркменией и КНР, Заявление о принятии Плана развития отношений стратегического партнерства на 2014–2018 гг., а также ряд других соглашений.

Известно, что с самого начала особый интерес Пекина к Туркмении был связан с ее газовыми ресурсами. Поднебесная с одобрения Ашхабада вкладывала и продолжает вкладывать миллиарды долларов в разработку месторождений туркменского газа, их обустройство, строительство газопроводов. Одним из первых больших успехов Китайской национальной нефтегазовой компании (КННК) стало заключение с туркменской стороной в 2007 г. соглашения о разработке газовых месторождений на правом берегу Амударьи, наиболее крупным среди которых является Самандепе. Участок договорной территории, получивший название «Багтырлык» («Приносящая счастье»), был передан КННК на основе соглашения о разделе продукции на срок более 30 лет.

Разведанные запасы этого месторождения, которое стало сырьевой базой для вступившего в строй в 2009 г. газопровода из Туркмении в Китай, составляют 1,3 трлн м³ газа, более 20 млн т нефти и 20 млн т газового конденсата. На сегодняшний день КННК вложила в проект порядка 4 млрд долл., включая инвестиции в строительство заводов по подготовке товарного газа для трансасиатского газопровода. Один был запущен в 2009 г., когда была сдана в эксплуатацию первая ветка этой системы, второй вступил в строй в мае текущего года, накануне государственного визита Г. Бердымухамедова в КНР. Таким образом, под контролем КННК оказался полный цикл производства газа – от разработки и обустройства месторождений до экспорта в Поднебесную.

Постепенно под контроль Китая перешла разработка крупнейшего месторождения «Галкыныш» («Возрождение»), запасы которого оцениваются в 26 трлн м³ газа. Этот блок, объединивший месторождения «Южный Илотань» и «Минара», считается вторым по величине газовым месторождением в мире. Примечательно, что если на первом этапе обустройства этого месторождения КННК входила в состав международного консорциума с участием компа-

ний Южной Кореи и ОАЭ, то на втором китайцы полностью взяли на себя все финансирование¹. По данным за 2013 г., Туркмения инвестировала в разработку месторождения «Галкыныш» 10 млрд долл., из которых 8 млрд были предоставлены Китаем в виде кредитов².

Началом промышленной разработки этого месторождения Ашхабад объявил закладку завода по подготовке товарного газа мощностью 30 млрд м³, строительство которого осуществляется КННК³. Именно «Галкыныш» вместе с месторождением «Довлетабат» должны стать сырьевой базой для планируемого Ашхабадом газопровода Туркменистан–Афганистан–Пакистан–Индия (ТАПИ). Контроль над сырьевой базой ТАПИ дает Китаю возможность контролировать также функционирование самого трубопровода.

Однако самым большим успехом КНР в Туркмении на сегодняшний день остается строительство газопроводной системы Туркмения–Китай. Ее первая нитка по маршруту Туркмения–Узбекистан–Казахстан–Китай, протяженностью более 1800 км, была сооружена ударными темпами, за три года, и вступила в строй в 2009 г. Ее создание отвечало стремлению Ашхабада, недовольного действиями главного на тот момент покупателя туркменского углеводородного сырья – «Газпрома», найти альтернативный экспортный маршрут. В 2013 г. по трансасиатскому трубопроводу в Китай поступило около 27 млрд м³ газа. В текущем году, по словам президента РТ, объем поставок увеличится до 30 млрд м³ газа, в 2016 г. – до 40 млрд м³, а в 2021 г., с выходом газопровода на проектную мощность, он должен достичь 65 млрд м³.

Увеличение объема поставок газа в Китай обеспечивается за счет расширения газопроводной системы трансасиатского газопровода. В июне текущего года вступила в строй его третья ветка. По проекту, ее мощность уже в 2015 г. достигнет 25 млрд м³ газа в год, из которых 20 млрд будет составлять туркменский газ, а 5 млрд – казахстанский. Согласован также маршрут четвертой ветки трансасиатского газопровода (так называемой линии D). Именно о ней шла речь в ходе вояжа Си Цзиньпина по странам Центральной Азии в 2013 г. В отличие от первых трех новая нитка

¹ <http://m.gazeta.ru/business/2013/09/04/5637565.shtml>

² http://www.newskaz.ru/world_news/20130904/5509823.html

³ <http://www.turkmenistan.gov.tm/?id=6474>

газопровода будет проложена в обход Казахстана и пройдет через территорию Таджикистана и Киргизии.

Эти страны получают существенные выгоды от транзита туркменского газа в Китай: известно, что Таджикистану Пекин обещал за него 1 млрд долл. На такую же сумму рассчитывают, судя по всему, и в Душанбе¹. С учетом всех четырех веток длина газопровода составит 7 тыс. км, что делает его самым длинным в мире. Выбор маршрута четвертой ветки газопровода – через наиболее беспокойные регионы ЦА – скорее всего, имеет политическую подоплеку: магистраль становится инструментом распространения влияния КНР на возможно большее число стран ЦА. В любом случае туркмено-китайский газопровод, который пройдет через все страны региона, становится важным фактором присутствия Китая в Центральной Азии.

Туркмения при этом приобретает роль одного из главных поставщиков природного газа в КНР. Это создает определенную конкуренцию для России, тем более что планируемые объемы туркменского газа почти вдвое превосходят объем поставок, о которых договорился В. Путин в ходе своего визита в Китай в мае 2014 г. (38 млрд м³ в год). Сам факт визита Бердымухамедова в Китай накануне посещения Поднебесной российским президентом свидетельствовал об обеспокоенности Ашхабада судьбой достигнутых ранее договоренностей с КНР в свете ожидаемого подписания российско-китайского газового контракта. В Пекине Бердымухамедов получил подтверждение неизменности политики Поднебесной в отношении Туркмении, что нашло, в частности, отражение в заключенных соглашениях «Об углублении стабильного сотрудничества в сфере природного газа» и «О безопасной эксплуатации газопровода Туркмения–Китай».

По словам премьера Госсовета КНР Ли Кэцзяна, китайская сторона надеется, что «на фундаменте успешной эксплуатации имеющихся веток газопровода будет начато строительство новых, объем торговли природным газом расширится». Он также подчеркнул, что китайская сторона намерена совместно с Туркменией на базе энергетического сотрудничества развивать связи в новых сферах. «Надо развернуть взаимодействие в сфере нефтегазовой переработки, производства энергетического оборудования, сельскохозяйственной и скотоводческой продукции, связи, высоких технологий, связи и сообщения, чтобы образовать новую структуру

¹ <http://www.centrasia.ru/newsA.php?st=1403555340>

развития взаимодействия по всем направлениям на основе энергетического сотрудничества»¹.

Эксперты сходятся в том, что успешные переговоры с туркменской стороной Пекин использовал для давления в переговорах с В. Путиным. По мнению независимого берлинского эксперта А. Тибольда, «китайская сторона торгуется с “Газпромом” о ценах на газ, а Туркмения в данном случае – конкурент России. Поэтому успешные газовые переговоры – это еще один рычаг давления на “Газпром”». Эксперт не исключает также возможность усиления этой конкуренции в том случае, если Китай начнет активно осваивать недавно обнаруженные собственные богатые месторождения сланцевого газа².

Тем не менее сейчас Поднебесная остро нуждается в закупках природного газа (в 2013 г. страна заняла 3-е место в мире по уровню его потребления, который составил 168 млрд м³), причем в целях обеспечения своей энергетической безопасности предпочитает получать газ из разных источников. Помимо Туркмении, а теперь и России, в обеспечении КНР природным газом участвуют Австралия, Катар, Малайзия, Индонезия и другие страны³.

Для эффективного обслуживания своих газовых интересов в Туркмении Китай заинтересован в создании современной транспортно-коммуникационной системы и готов вкладывать в нее значительные средства. В Ашхабаде с энтузиазмом отнеслись к выдвинутой руководством КНР идее формирования «экономической зоны Шёлкового пути», которая предполагает создание с участием китайских инвестиций транспортно-коммуникационной инфраструктуры, прежде всего – в зонах пролегания газовой трубы в Китай. По словам Председателя КНР Си Цзиньпина, «совместное строительство экономической зоны “Шёлкового пути” предоставит нашим странам новый исторический шанс. У нас большой потенциал в области строительства дорог, в международных перевозках».

Внимание руководства КНР к развитию транспортно-коммуникационной отрасли Туркмении, которая считается второй по значимости в республике, обусловлено также стратегически

¹ <http://www.fmprc.gov.cn/rus/zxxx/t1156240.shtml>

² <http://www.dw.de/>

³ По официальным данным КНР, ежегодное потребление газа в Китае к 2020 г. достигнет 400 млрд м³, а к 2030 – порядка 500–600 млрд м³. – <http://www.chrono-tm.org/2014/gazovyiy-kontrakt-veka-ili-neudachnyiy=...>

важным для КНР географическим расположением республики. Туркмения граничит с регионом, включающим Афганистан, Пакистан и Иран, к которому, как считают эксперты, Пекин проявляет растущий интерес. Со своей стороны, Ашхабад заявил о намерении превратить республику в «важное звено мирового коммуникационного пространства», реализовать ее транзитный потенциал, определяющийся тем, что Туркмения «занимает исключительно выгодное географическое положение, находясь на стратегически важном перекрестке путей сообщения»¹.

С этой целью здесь создается разветвленная транспортно-коммуникационная система, осуществляются крупномасштабные проекты во всех отраслях транспортной сферы. В их числе – формирование транзитно-транспортного коридора «Север–Юг» и его стыковка с трансконтинентальным транспортным маршрутом «Восток–Запад». С помощью китайских инвестиций идет строительство железных дорог, аэропортов, автобанов, терминалов, объектов инженерно-технического назначения. Китай поставляет в республику железнодорожную технику, грузовые вагоны и локомотивы. По итогам майского визита Бердымухамедова было подписано соглашение об основных принципах сотрудничества в области транспорта.

Кроме того, были подписаны соглашения об экономическом и техническом сотрудничестве, меморандум о взаимопонимании по сотрудничеству в области сельского хозяйства, соглашение о сотрудничестве между Государственным банком внешнеэкономической деятельности Туркмении и Экспортно-импортным банком Китая². Особого внимания заслуживает соглашение о развитии сотрудничества в космической сфере.

В последние годы в Туркмении заинтересовались созданием собственной космической программы. По некоторым данным, Пекин готов оказать техническую помощь Ашхабаду, который планирует запустить на орбиту собственные спутники (в ходе визита в Поднебесную Бердымухамедов посетил Китайскую аэрокосмическую корпорацию). Ряд экспертов отмечает повышенный интерес китайских военных к созданию на территории Туркмении станции космического наблюдения по типу российского комплекса «Окно» в Таджикистане.

¹ http://rassian.news.cn/china/2014-05/09/c_133321948.html

² <http://m.trend.az/regions/casia/turkmenistan/2273278.html>

Таким образом, становится все более очевидным, что северному и западному направлениям внешней политики Ашхабад предпочел восточное, становясь, по сути, сырьевым придатком КНР. Примечательно, что сейчас Ашхабад не спешит со своим газом на Запад, хотя Европа в связи с ухудшением отношений с Россией активно ищет альтернативных поставщиков газа. Похоже, что в Ашхабаде перестали делать ставку на строительство транскаспийского газопровода. Как отмечает казахстанский эксперт Б. Кыдыргалиулы, «пока Туркменистан под воздействием “мягкой силы” поворачивается лицом от скандального и непредсказуемого европейского направления в сторону Востока и Юго-Востока, где во всем царит взвешенный подход, здравомыслие и отсутствуют стандарты западной псевдемократии, а самое главное – происходит самый настоящий экономический бум»¹.

При этом традиционный импортер туркменского газа – Россия существенно утратила свои позиции, в том числе и в инвестиционном пространстве республики. В Москве, судя по всему, осознают создавшееся положение и пытаются предпринять шаги, чтобы, по возможности, наверстать упущенное. Так, в конце мая на Международном газовом конгрессе в Ашхабаде российский вице-премьер А. Дворкович заявил о том, что РФ заинтересована в участии в строительстве газопровода ТАПИ. РФ не раз заявляла о поддержке проекта с ориентировочной стоимостью 8 млрд долл., который предполагает прокладку магистрального газопровода протяженностью 1735 км и мощностью более 30 млрд м³ газа в год². При этом в Минэнерго РФ заявляли, что рассчитывают либо на долю в компании, которая будет реализовать этот проект, либо на участие российских компаний в качестве подрядчиков.

Примечательно, что Россию в данном вопросе поддержал президент Афганистана Карзай. По его словам, «у российских компаний есть большое конкурентное преимущество в этом проекте», так как РФ уже работала в Афганистане и у нее есть необходимые карты, есть данные разведки, и она знает Афганистан с этой точки зрения лучше, чем кто-либо другой в мире. Ранее Кабул, как считают эксперты, с подачи Соединенных Штатов

¹ <http://www.centrasia.ru/newsA.php?st=1403555340>

² Пройдя 200 км по территории Туркмении, 735 км – Афганистана и 800 км – Пакистана, где он должен обогнуть беспокойную так называемую «зону племен», газопровод должен выйти к населенному пункту Фазилка на пакистано-индийской границе.

фактически заблокировал проект, отложив проведение строительного тендера по нему на неопределенный срок. Поводом послужила неясность ситуации с выводом американских войск из Афганистана¹.

В результате осталось нереализованным намерение Ашхабада уже с декабря 2014 г. начать закачивать газ в этот трубопровод. Однако весной текущего года Бердымухамедов заявил о необходимости форсировать подготовительную работу по проекту, чтобы в 2015 г. приступить к строительству магистрали. Запуск газопровода ТАПИ запланирован на 2017 г.² В июле текущего года в Ашхабаде состоялось 26-е заседание Технической рабочей группы по проекту ТАПИ, а также 18-е заседание его руководящего комитета. На них обсуждались вопросы практической реализации проекта, в частности, связанные с подготовкой ряда документов, в том числе о продлении ранее подписанного соглашения на сумму 7,6 млрд долл. о поставках газа через газопровод ТАПИ.

В целом можно констатировать, что Китай в той или иной форме присутствует во всех туркменских экономических проектах, которые, как считают в Ашхабаде, имеют для республики жизненно важное значение. Однако ситуация складывается таким образом, что это как раз те проекты, которые в первую очередь отвечают интересам развития Китая. Очевидно, что на этой основе и будут строиться дальнейшие отношения двух стран, развитие которых может привести к потере Туркменией контроля над стратегически важными сферами собственной экономики.

*«Россия и новые государства Евразии»:
Ежеквартальный журнал ИМЭМО РАН»,
М., 2014 г., III (XXIV), с. 100–106.*

¹ <http://abc.az/rus/news/75868.html>

² <http://lprime.ru/INDUSTRY/20140410/782405092.html>

ИСЛАМ В СТРАНАХ ДАЛЬНЕГО ЗАРУБЕЖЬЯ

Алексей Кожухов,
соискатель факультета национальной
безопасности (РАНХ и ГС при Президенте РФ)
**РЕАЛИЗАЦИЯ НАЦИОНАЛЬНЫХ ИНТЕРЕСОВ
В АФГАНИСТАНЕ
(Зарубежный опыт)**

Национальные интересы

По мере развития общества и его коллективного сознания неизбежно встает вопрос о принципах его ориентации в мировом пространстве, т.е. о методологии формирования стратегических целей национального развития. Традиция, национальный миф хотя и отражают определенную реальность, но не способны ориентировать общество в ускоряющемся цивилизационном развитии. Каждый цивилизационный виток требует адекватных ответов на свои вызовы. Таким образом, потребность в самосохранении, безопасности стимулирует совершенствование национальной рефлексии, т.е. появление категории «национальный интерес» [1].

Согласно В.Н. Коновалову, национальные интересы – это осознанные потребности государства, определяемые экономическими и геополитическими отношениями данного государства в данную эпоху, культурно-историческими традициями, необходимостью обеспечения безопасности, защитой населения от внешней угрозы и внутренних беспорядков, экологических катастроф и т.д. [2].

Особенно ярко национальные интересы выходят на первый план в общественной повестке дня в моменты разрешения конфликтных и кризисных ситуаций [3].

Сам термин «национальный интерес» пришёл в российскую политологию из западной англоязычной политической литературы, в которой он имеет значение «государственный интерес». На-

циональные интересы в этом случае понимаются преимущественно как интересы государственные, поскольку западные страны представляют собой мононациональные государства (не столько в этническом аспекте, сколько в социальном). В более широком смысле нация представляет двуединство гражданского общества и государства. При таком подходе национальный интерес предстает как обобщающий интерес, который снимает противоречие между интересами государства и гражданского общества. В осмыслении национального интереса теоретический приоритет имеет школа «политического реализма», в которой интерес определяется прежде всего внешнеполитическими условиями.

Что означает такое теоретическое положение с точки зрения деятельности зарубежных стран в Афганистане? Учитывая выгодное географическое положение, значительные запасы природных ресурсов и пересечение транспортных путей, Афганистан находится в зоне повышенного внимания многих иностранных государств, таких как Россия, США, Китай, Индия, Иран, Турция, Пакистан и др.

Каковы их национальные интересы и насколько разнообразны методы их отстаивания? Как Россия может учитывать этот опыт в реализации своих национальных интересов в Афганистане?

Не рассматривая комплексно ситуацию в Афганистане, причины и состояние конфликта, необходимо пояснить некоторые теоретические аспекты конфликтологии.

По общепринятой типологии конфликт в Афганистане является многосторонним, региональным и длительным. Вместе с тем этот конфликт имеет ряд особенностей. Основная из них – конфликт в Афганистане выходит за региональные рамки и имеет глобальный характер, что вызвано не только масштабностью проблемы, но и отсутствием достаточно сильного афганского государства, которое могло бы в некоторой степени управлять конфликтом или хотя бы ограничить его территориальные рамки. С этим связана значительная роль зарубежных государств, участвующих в разрешении афганских проблем. Сегодня здесь наиболее значительную роль играют США.

Соединенные Штаты Америки

По мнению замдиректора Института США и Канады РАН П. Золотарёва, доктринальные документы США, принятые администрацией Обамы, в том числе национальная военная стратегия,

по-прежнему ставят задачу сохранения американского глобального лидерства, но учитывают реальные условия многополярного мира и ограниченные возможности. Поэтому ставится задача комплексного использования своих сил во всем возможном диапазоне (дипломатическом, экономическом, военном), в сотрудничестве с союзниками и партнерами [4].

На сегодня США пока еще остаются крупнейшим зарубежным актором в Афганистане. Согласно Стратегии национальной безопасности США [5], Афганистан и Пакистан (АфПак) рассматриваются в контексте пресечения угроз национальным интересам США, которыми являются противодействие экстремизму и недопущение превращения Афганистана в плацдарм террористической активности.

Для реализации этих целей Стратегией предлагается оказывать поддержку Афганским национальным силам безопасности (АНСБ) по противодействию экстремизму и борьбе с «Аль-Каидой», а также институтам гражданского общества и афганского правительства.

В этих целях американская администрация инициировала подписание с Афганистаном Соглашение о стратегическом партнерстве (май 2012 г.) [6], положения которого предусматривают заключение соглашения о безопасности между правительствами США и Афганистана [7]. Данный документ юридически закрепит за США право на пролонгацию своего физического военного присутствия в Афганистане в виде девяти военных баз и контингента численностью около 15 тыс. человек. Официальные цели остающегося контингента заключаются в проведении тренировочных миссий для АНСБ по противодействию терроризму.

По мнению Специального представителя Президента Российской Федерации по Афганистану З. Кабулова, подобная «сеть из девяти крупных военных баз будет способна оказывать внушительное силовое влияние да весь азиатский регион» [8]. Такая трактовка целей США совпадает с точкой зрения В.В. Карякина: «Изучение концептуальных документов американского политического руководства свидетельствует о том, что находящиеся у власти политические группы разрабатывают стратегию национальной безопасности как доктрину, выражающую их политическую волю и идеологию. При этом истинные цели в публикуемых документах, выражаются в завуалированной форме, а декларируемые политические установки, как правило, не соответствуют реальным направлениям политики государства на международной арене» [9].

Иными словами, целью США в Афганистане была не столько борьба с терроризмом, сколько стремление закрепиться на стратегическом плацдарме с выходом на Иран, Китай и Россию, который, помимо всего прочего, позволяет им контролировать пути транспортировки энергоносителей на Среднем Востоке.

Учитывая географическое положение Афганистана, именно отсюда легче всего осуществлять военно-политическое давление на все крупные государства Евразии, а также уменьшить влияние России и Китая в Центральной Азии, равно как и контролировать транспортные системы и распределение энергоресурсов. Заявленные же в Стратегии цели американского присутствия в Афганистане – предотвращение создания на территории Афганистана террористических баз в последние годы существенно ослабли. Об этом свидетельствует то обстоятельство, что многие лидеры «Аль-Каиды» уничтожены, а сама организация превратилась в «ширму» для разрозненных групп международных террористов.

Исламская Республика Пакистан

Официальная американская стратегия в Афганистане терпела критику со стороны ряда региональных экспертов из-за того, что согласно ей Пакистан превратился из партнера по контртеррористической борьбе в ее объект. Однако именно Пакистан считается главным действующим актором в процессе внутриафганского примирения, потому что связан с Афганистаном общими трансграничными, этническими, религиозными и культурными корнями.

Принцип укрепления братских отношений между мусульманскими странами, основу которых составляет исламское единство, является приоритетом внешней политики Пакистана и закреплён в ст. 40 Конституции Исламской Республики Пакистан [10]. Однако, несмотря на расставленные во внешней политике Пакистана приоритеты, отношения с Афганистаном омрачают старая проблема границы по «линии Дюранда» и долгое «сотрудничество» Пакистана с афганскими талибами.

О содержании этого сотрудничества в прошлом можно судить по официальным комментариям высокопоставленного государственного советника по национальной безопасности и международным отношениям Пакистана С. Азиза: «Не стоит преувеличивать влияние Пакистана на афганских талибов, имеющиеся контакты не означают, что мы способны усадить их за стол мир-

ных переговоров» [11]. Некоторыми афганскими политиками данное заявление было воспринято как результат продолжающейся внутренней борьбы между пакистанскими военными и политическими элитами. Армейское руководство предпочитает находиться в тени и использовать рычаги воздействия на гражданские власти только по принципиальным вопросам: отношения с США, афганская политика, контртеррористическая деятельность.

Тем не менее политики обеих стран понимают, что территории Афганистана и Пакистана образуют общее стратегическое пространство в регионе, безопасность и будущее которых тесно взаимосвязаны. Эксперты полагают, что в перспективе, несмотря ни на что, именно экономическое сотрудничество будет одним из решающих факторов в формировании добрососедских отношений между обеими странами и их народами. Примером может служить реализация Пакистаном на безвозмездной основе сразу нескольких гуманитарных проектов для населения Афганистана, в числе которых образовательные программы, строительство школ и больниц, медицинские услуги, развитие транспортной инфраструктуры и др. Пакистан одним из первых оказал гуманитарную помощь населению афганской провинции Бадахшан, пострадавшему в этом году от затоплений и схода селевых потоков, в результате которых погибло примерно 2,5 тыс. человек.

Если раньше Пакистан был активным союзником США в борьбе с «Талибаном» и «Аль-Каидой», то в сегодняшней ситуации действия американцев крайне непопулярны в пакистанском обществе. Жители пограничных с Афганистаном районов, где проводятся контртеррористические операции, уже понесли значительные утраты, множество людей погибло в результате наносящихся с афганской территории ударов американских самолетов-беспилотников. Многие лишились своих жилищ, стали беженцами и вынужденными переселенцами.

И если Пакистан из последних сил терпит свой вынужденный «союз» с американцами, то отношений с Пекином, установленным еще в 60-е годы XX в. на почве общей борьбы против Индии, он не ослабевал никогда. Кроме экономического и военного сотрудничества, Китай с Пакистаном связывают общие подходы к внешнеполитической деятельности по Афганистану.

Китайская Народная Республика

Китай имеет схожую с Пакистаном точку зрения на урегулирование процесса афганского национального примирения. Она состоит в том, что достижение положительного результата возможно только «при руководящей роли и ответственности самого афганского народа», и в том числе включения в состав афганского правительства конструктивно настроенных талибов. Последнее КНР видит только при активном участии Пакистана, силы и влияние которого Китай намерен использовать для продвижения своих интересов в Афганистане [12, 13].

Структура внешнеполитических приоритетов КНР в отношении Афганистана отражена в совместной декларации о стратегическом партнерстве двух стран. В ней сказано, что основа китайско-афганского партнёрства – это политика, экономика, культура, безопасность и консультации по всем международным и региональным вопросам [14].

Этот подход соответствует принципиальной линии Пекина на свою роль в развитии международных отношений. Анализ внешней политики КНР за последние два десятилетия показывает, что в международных вопросах Китай придерживается принципов мирного сосуществования, закреплённых в Конституции КНР 1982 г. Очевидно, что Пекин продолжит следование данному курсу еще как минимум ближайшие 50 лет [15].

Важнейшим направлением китайско-афганского сотрудничества выступает взаимодействие в области безопасности, подкреплённое равноуровневыми политическими контактами, экономическими связями, а также сотрудничеством в культурной и образовательной сферах.

Китай и Афганистан имеют общую границу. Прилегающая к Афганистану территория КНР – это Синьцзянь-Уйгурский автономный район, который в основном населен уйгурскими мусульманами, известными своими сепаратистскими устремлениями. С конца 90-х годов члены Исламского движения Восточного Туркестана выезжали в Афганистан из Синьцзяна для того, чтобы пройти обучение и получить поддержку афганских талибов и «Аль-Каиды», а затем вернуться в Китай и совершать террористические акты в попытке добиться независимости.

Такой исход недопустим для Китайской коммунистической партии, чья законность отчасти опирается на способность сохранить целостность страны. Потеря провинции Синьцзянь может

«приободрить» Тибет в борьбе за автономию, если не потребовать полной независимости; это также могло бы способствовать тому, что Тайвань объявит о своей независимости.

Однако же сотрудничество в области безопасности между КНР и Исламской Республикой Афганистан (ИРА), в особенности совместная борьба с терроризмом и экстремизмом, усиливаются.

Помимо полицейского сотрудничества по обмену данными о террористической активности КНР предпринимает альтернативные шаги в виде экономических вложений в различные отрасли Афганистана. Все китайские проекты в Афганистане связаны с финансово-экономическими вливаниями в развитие природно-ресурсного потенциала, энергетической отрасли и транспортных сетей.

Сотрудничество Китая и Пакистана на афганском направлении во многом следует рассматривать через призму их совместной деятельности по снижению активности и роста влияния Индии в Афганистане.

Республика Индия

Для Индии присутствие в Афганистане является не только частью региональной геополитической стратегии на пакистанском и китайском направлениях, но и необходимым условием самодостоинства в качестве региональной державы. Основное беспокойство и угрозу своим интересам для Пекина и Исламабада вызывают крепнущие связи Индии с США, с которыми Индия регулярно консультируется по «афганским вопросам» в формате встреч руководителей внешнеполитических ведомств двух стран «Стратегический партнерский диалог».

На них стороны осуществляют политические консультации в рамках трехстороннего диалога с Афганистаном в ряде областей, включая борьбу с терроризмом, сотрудничество в области обороны, торговли, энергетики, сельского хозяйства, образования, науки и здравоохранения.

Что касается индийского внешнеполитического курса в Афганистане, то Индия всегда выступала против Движения талибов и иных террористических организаций, которые, по мнению Нью-Дели, действуют при негласной финансовой поддержке Объединенного разведывательного управления Пакистана.

Дипломатические миссии Индии в Афганистане, а это помимо посольства в Кабуле консульства в Герате, Мазари-Шарифе,

Джелалабаде и Кандагаре, постоянно подвергаются террористическим атакам со стороны местных радикалов и других экстремистских организаций, действующих на территории страны. По мнению ряда экспертов, слабой стороной индийской внешней политики считается отсутствие концептуальных подходов. Этот недостаток эксперты связывают с тем, что Индия находится в процессе формирования статуса региональной державы, однако данный процесс протекает нелинейно.

В настоящее время Индия пытается поддерживать баланс сил в регионе, сменив стратегию неприсоединения [nonalignment] на стратегию «полиприсоединения» [polyolignment] и стремится стать связующим звеном между США, Россией и Китаем. Однако исходит эта стратегия не столько из прагматизма Индии, сколько из неопределенности своей внешнеполитической ориентации и отсутствия четкого видения своего места в меняющемся мире. Страна пока так и не смогла разработать внешнеполитическую стратегию, соизмеримую с ее растущим экономическим и военным потенциалом. Кроме того, в проведении внешней политики Индия во многом остается зависимой от США, которые всегда хотели сделать ее противовесом набирающего силу Китая из-за размеров и характера политической системы [16].

Анализируя внешнеполитическую деятельность Индии последних лет, можно сделать вывод, что в большинстве своем во внешней политике республика умело сочетает имеющийся в ее распоряжении огромный человеческий потенциал, традиционно устоявшиеся связи и свое географическое расположение. Например, в настоящее время в Афганистане находится более 4 тыс. граждан Индии, главным образом охранников и специалистов, участвующих в различных проектах по восстановлению Афганистана, таких как подготовка афганских полицейских, помощь в области образования, здравоохранения, энергетики и сфере телекоммуникаций.

Основой индо-афганского сотрудничества можно назвать взаимную заинтересованность сторон в поддержании афганской стабильности. Нью Дели заинтересован в недопущении реставрации в Кабуле радикального пропакистанского режима, который может стать угрозой индийской национальной безопасности. В свою очередь Кабул не заинтересован в распаде страны и усилении радикальных исламских террористических группировок.

Общественное мнение в отношении Индии в Афганистане благоприятно, индийские медицина и фармацевтика, теле- и кино-

индустрия популярны среди афганского населения и оказывают огромное влияние на общественное сознание. Согласно данным, приведенным в докладе Министерства финансов Афганистана [17], Индия является одним из крупнейших доноров Афганистана по объему инвестиций в его экономику из числа стран, не входящих в международную коалицию. О серьезности намерений индийского руководства на афганском направлении может свидетельствовать недавнее заявление индийских властей о намерении в будущем производить закупку военного оборудования для АНСБ в России.

Данное заявление было сделано с упором на слабые перспективы дальнейшей реализации так называемого российско-американского вертолетного пакета.

В частности, в заявлении упоминалось, что для начала Индия готова на собственные средства производить закупку российского легкого вооружения для АНСБ, а в перспективе, возможно, танков, бронетехники и вертолетов.

Российские официальные органы пока оставили данные заявления без комментариев.

Турецкая Республика

Если Индия пока еще ищет пути возможной кооперации с США на «афганском поле», то Турция является официально заявленным американским союзником. Как утверждал президент США Дж. Буш, «Турция – заслуживающий доверия верный друг и единственная мусульманская страна, являющаяся членом НАТО. Именно ее военная и дипломатическая поддержка продемонстрировала всему миру, что США воюют со всемирным злом – террором, а не с исламом» [18]. Такое заявление американский президент сделал в ответ на решение турецкого парламента о направлении турецких войск в Афганистан. В тот момент данное решение Турции представляло для США чрезвычайную важность. Вашингтон, несмотря на широкую поддержку после трагических событий (сентябрь 2001 г.) международным сообществом своих действий против террористического интернационала, все же опасался возможной консолидации на религиозной почве мусульманского мира в защиту существующего в Афганистане режима.

Как видим, базовым элементом турецкой внешней политики остается членство в НАТО. Однако уже сегодня в Анкаре опасаются, что в случае нарастания радикальных тенденций в ислам-

ском мире место и роль Турции в альянсе могут быть подвергнуты серьезному переосмыслению.

Эксперты полагают, что готовность Турции сохранить свое присутствие в Афганистане связана не только с верностью союзническим обязательствам в рамках НАТО. Отличительную особенность турецкой внешней политики отражает ее концепция Стратегической глубины. Центральная идея данной концепции определяет долгосрочные национальные интересы страны – утверждение роли Турции в качестве регионального лидера и повышение ее влияния в глобальной политике путём использования выгодного географического положения и развития добрососедства [19].

Видимо, именно с этой целью турецкие власти с самого начала операции в Афганистане настояли на небоевом использовании своего воинского контингента в международной афганской операции. Взамен они сосредоточили свои усилия на гуманитарном и материально-техническом содействии, а также на подготовке военных кадров для афганской национальной армии. Ряд экспертов считает, что участие Турции в афганской операции дает ей все шансы приобрести в этой стране более предпочтительные позиции, чем Ирану и Пакистану. Учитывая достигнутые на сегодняшний день результаты, можно сделать вывод, что Анкара успешно гармонизирует блоковую ответственность члена НАТО с самостоятельной линией в региональных делах.

Турция, имея давние исторические и культурные связи с Афганистаном и Пакистаном, считает, что решение афганской проблемы невозможно без активного участия пакистанской стороны. Для этого с 2007 г. Турция ежегодно проводит консультации с Афганистаном и Пакистаном по широкому кругу вопросов. Данный формат предусматривает не только встречи руководителей государств, но и различные контакты экспертного уровня.

В вопросе национального примирения Турция видит решение проблемы в создании Всеафганского общественного совета с участием представителей всех племен, где будут учтены мнения лидеров племен и улемов Афганистана. Кроме этого, Анкара считает: для того чтобы положить конец противоречиям в Афганистане, необходима интеграция всех групп сепаратистов с нынешней администрацией.

Таким образом, те фундаментальные позиции, которые Турция сегодня приобретает в Афганистане, отражают ее национальные интересы по становлению в качестве региональной державы,

способной влиять на процессы в Центральной Азии, к которым своими этническими корнями относится и Афганистан.

Исламская Республика Иран

Однако среди экспертов бытует и такое мнение, что вовлечением Турции в афганский конфликт США преследовали цели по снижению активности Ирана в Афганистане в целом и в неподконтрольных контингенту НАТО и американцам ряде провинций в частности.

Внешнеполитическое влияние Ирана на Востоке всегда строилось на двух факторах: первый – это общины шиитов в абсолютном большинстве стран Ближнего и Среднего Востока; второй – ведение предпринимательской деятельности по конфессиональному признаку [20]. В Афганистане шииты составляют от 15 до 19% населения страны. К ним относятся хазарейцы, часть чараймаков и фарсиваны. Основная опора Ирана в проведении афганского вектора своей внешней политики – это шиитское население Афганистана, хазарейцы и этнические таджики, а также возвращающиеся из Ирана афганские беженцы, которые ненавязчиво распространяют иранский образ мыслей среди афганского населения.

По мнению эксперта по данному региону М. Агаджаняна, поддержка иранцами афганских таджиков и хазарейцев, безусловно, присутствует, но было бы большим упрощением сводить миссию Ирана к «опеканию» близких ему по этническим корням, религиозным взглядам, языку отдельных национальных и конфессиональных групп Афганистана. Роль Ирана в настоящем и будущем соседнего государства намного шире [21].

Важнейшим стратегическим документом Ирана, в том числе определяющим направления внешней политики республики, считается План развития страны до 2025 г. Эксперты полагают, что принятие в 2005 г. столь важного плана идет в русле превращения Ирана в мощную региональную державу с претензиями на роль лидера исламского мира [22].

Иранские политологи считают, что основной внешнеполитической задачей Ирана в наступившем 1393 г. (по иранскому календарю) должен стать упор на реалистический идеализм [23]. Одним из главных принципов Тегерана в новом курсе внешней политики названо сотрудничество с исламскими странами, особенное предпочтение отводится развитию отношений с Афганистаном и Ираком. Опираясь на фактор этнической идентичности,

Иран оказывает существенное влияние на развитие персоязычной образовательной и культурной сферы в регионе. С целью наращивания своего культурного присутствия в стране, по инициативе Тегерана, проводятся научные семинары, конференции и выставки, направляются преподаватели в афганские учебные заведения, издаются учебно-методические материалы.

О наличии у Ирана собственной долгосрочной стратегии на афганском направлении можно судить по тому, что в структуре иранского МИД создан Штаб по афганским вопросам. В состав данного Штаба входят представители Верховного правителя Ирана, Высшего совета национальной безопасности, Корпуса стражей исламской революции, Министерства экономики и финансов и Министерства внутренних дел. Цель данной структуры – определение стратегии на афганском внешнеполитическом направлении.

Главные же из решаемых задач – это содействие афганскому государственному строительству, установление эффективной власти с потенциалом к самостоятельной борьбе с внутренними угрозами и вызовами. Борьба с наркоторговлей, нейтрализация террористической активности имеют ярко выраженный характер многостороннего сотрудничества. В одиночку справиться с этими проблемами не могут даже на порядок превосходящие Афганистан в своих возможностях другие государства.

Важным событием в отношениях двух стран стало подписание в декабре 2013 г. всеобъемлющего соглашения о сотрудничестве в сфере безопасности.

В частности, соглашение предусматривает сотрудничество в подготовке военных и полицейских кадров, совместных действий против организованной преступности, взаимного содействия при проведении военных операций, обмен чувствительной оперативной информацией в борьбе с антиправительственными элементами, расширение торговли и развитие туризма. Важной деталью данного соглашения является пункт о том, что сторонам необходимо развивать сотрудничество в сфере безопасности в рамках трёхсторонних механизмов с Россией.

Иран очень серьезно относится к вопросам противодействия афганскому наркотрафику, так как на протяжении многих лет территория страны остается основным транзитным пунктом для нелегальной транспортировки наркотиков. Этому способствует наличие открытого выхода к морю и высокоразвитая железнодорожная и автомобильная инфраструктура. Руководство Иранской Респуб-

лики применяет жесткие меры по сдерживанию наркотрафика и развития наркомании в стране.

Вдоль границы с Афганистаном возведены фортификационные сооружения – рвы шириной 4 м и глубиной 5 м общей протяженностью около 700 км, бетонные заграждения, насыпи, колючая проволока.

Согласно иранским законам, лицам, уличенным в производстве, перевозке и хранении наркотических средств, грозит смертная казнь через повешение. В 2007 г. стороны приняли решение о создании ирано-афганской рабочей группы по линии МВД двух стран для совместных усилий по противодействию контрабанде наркотиков. Иранской стороне было разрешено открыть в Кандагаре представительство Штаба по борьбе с наркотиками дополнительно к уже функционирующим аналогичным представительствам в Кабуле и Герате.

Кроме этого, иранцы уделяют повышенное внимание противодействию наркотрафику через совместное сотрудничество в рамках трехсторонней инициативы Иран – Афганистан – Пакистан под эгидой Управления ООН по наркотикам и преступности. В частности, Тегеран согласился разместить Центр совместного планирования операций на своей территории.

Итак, проведенный анализ сложившейся сегодня в Афганистане ситуации позволяет выделить несколько пересекающихся проблемных блоков, играющих наиболее важную роль в формировании региональной системы безопасности. Это, прежде всего, проблемы геополитического контроля над регионом, вопросы борьбы с терроризмом и экстремизмом, масштабный наркотрафик и региональные этнонациональные конфликты. Актуальность последних для всех региональных государств вместе с наличием у каждого из них инструментов, способных существенно ухудшить положение друг друга в данной области, а также слабая предсказуемость последствий их применения, играет роль сдерживающего фактора в их региональной политике. В то же время западные государства, и особенно США, на безопасности которых конфликтное развитие событий в Афганистане непосредственно не отражается, в меньшей степени связаны подобными ограничителями в борьбе за получение контроля над регионом.

Отсутствие действенной системы безопасности в Афганистане и его географическое расположение между несколькими влиятельными и относительно устойчивыми политическими акторами, выступающими в роли самостоятельных геополитических

единиц, а также обилие актуальных и потенциальных этнических, территориальных и иных конфликтов привело к появлению образа «зоны нестабильности». В этом свете представляется возможным выделить ряд приоритетных стратегических задач России в Афганистане. В соответствии с Концепцией внешней политики России у Москвы есть важные национальные интересы в Афганистане, первостепенным из которых является прекращение исходящих отсюда угроз безопасности [24]. Однако нам необходимо учитывать имеющийся у нас афганский опыт, исходя из которого участие России в укреплении безопасности в регионе должно основываться на принципах отказа от военного вмешательства во внутривнутриполитические конфликты в региональных государствах в целом и Афганистане в частности.

Поэтому России необходимо учитывать интересы сторон и применять «мягкие» инструменты воздействия на их позиции при одновременном отказе от явной и публичной демонстрации силы. Целесообразно при этом использовать имеющееся влияние у достаточно влиятельных сил (Иран, Индия, Китай), заинтересованных в скорейшей стабилизации ситуации в регионе.

России следует избегать выстраивания сотрудничества в афганских вопросах только лишь с одним партнёром, так как этот единственный партнер может использовать российскую поддержку для продвижения своих собственных целей, выдавая их за интересы России. Учитывая одинаковую вовлеченность и заинтересованность в афганском процессе таких региональных акторов, как Индия, Пакистан, Китай, Иран, одновременное параллельное сотрудничество с ними как в двустороннем, так и в многостороннем форматах может принести большую пользу для реализации российской политики в Афганистане.

Возможности взаимодействия России со странами НАТО по Афганистану, исключая Северную распределительную сеть поставок невоенных грузов, в принципе невелики, а учитывая ухудшение российско-западных отношений в связи с политическим кризисом на Украине, еще больше сокращаются. Существуют некоторые возможности взаимодействия с Турцией, которая также сохраняет заинтересованность в Афганистане.

Наконец, России сегодня крайне необходимо не только дальнейшее научное исследование и постоянный мониторинг протекающих в регионе политических процессов, но и привлечение внимания региональных политических элит к проблемам региона

для скорейшей разработки и принятия к исполнению комплексной стратегии региональной политики безопасности.

Примечания

1. Задохина А.Г. Категория «национальные интересы» в российском политическом сознании // *Обозреватель-Observer*. – 2013. – № 1.
2. Коновалов В.Н. Словарь по политологии. – Ростов-на-Дону: РГУ, 2001.
3. Михайленко А.Н. Модель разрешения водноэнергетической проблемы в Центральной Азии // *Этносоциум*. – 2014. – № 3. – С. 35–44.
4. Надеждин Е. Национальная безопасность США: постоянство целей в калейдоскопе доктрин и приоритетов // Информационно-аналитический портал Евразия // URL: <http://www.evrazia.org/article/1632>
5. National Security Strategy // URL: http://www.whitehouse.gov/sites/default/files/rss_viewer/national_security_strategy.pdf
6. Enduring Strategic Partnership Agreement between the Islamic Republic of Afghanistan and the United States of America // URL: <http://www.whitehouse.gov/sites/default/files/2012.06.01u.s.-afghanistanspassignedtext.pdf>
7. Security and Defense Cooperation Agreement between the United States of America and the Islamic Republic of Afghanistan // URL: <http://mfa.gov.af/Content/files/2013-11-18%20BSA%20TEXT.pdf>
8. Интервью Специального представителя президента РФ в Афганистане Замира Кабулова Информационно-аналитическому агентству РИА «Новости». 2013. 20 ноября // URL: <http://ria.ru/world/20131120/978292723.html>
9. Карякин В.В. Военная политика и стратегия США в геополитической динамике современного мира. – М.: Граница, 2011. – С. 88.
10. Guiding Principles of Pakistan's Foreign Policy // Ministry of Foreign Affairs of the Islamic Republic of Pakistan // <http://www.mofa.gov.pk/content.php?pageID=guidingpri>
11. Afghan Taliban Not Ready for Peace Talks: Pakistan // URL: <http://www.tolonews.com/en/afghanistan/13094-afghan-taliban-is-not-ready-for-peaces-talks-pakistan>
12. Wang Yi. China Is Ready to Play a Role in Achieving Smooth Transition in Afghanistan // URL: <http://www.fmprc.gov.cn/eng/zxxx/tl082833.shtml>
13. Prime Minister of Pakistan visits Kabul // Embassy of Pakistan in Kabul // URL: <http://pakembassykabul.com/2013/12/01/prime-minister-of-pakistan-visits-kabul>
14. Joint Declaration between The People's Republic of China and The Islamic Republic of Afghanistan on Establishing Strategic and Cooperative Partnership // Embassy of China in Kabul // URL: <http://af.china-embassy.org/eng/zagx/asdfg/tl099243.htm>
15. Кузык Б.Н., Титпаренко М.Л. Китай – Россия: Стратегия соразвития 2050. Институт экономических стратегий, 2006. – С. 525.
16. Паршна Т.Н. Становление Индии как региональной державы // *Обозреватель-Observer*. – 2013. – № 9. – С. 91.

17. Development Cooperation Report 2012 // Ministry of Finance on the Islamic Republic of Afghanistan // URL: <http://www.undp.org.af/Publications/2013/Development%20Cooperation%20Report%20-%202012.pdf>
 18. Цит по: Гурьев А.А. Турция расширяет свое присутствие в Афганистане // URL: <http://www.iimes.ru/?p=3563>
 19. Walker J.W. Turkey's global strategy: introduction: the sources of Turkish grand strategy 'strategic depth' and 'zero-problems' in context // URL: http://eprints.lse.ac.uk/3495/1/Turkey%27s%20Global%20Strategy_introduction%281sero%29.pdf
 20. Панкратенко И. Исламская Республика Иран – империя и сеть. Центр стратегической конъюнктуры // URL: http://conjuncture.ru/pankratenko_26-06-2012_iran_geostrategy
 21. Агаджанян М. Афганистан перед выборами: Иран поддержит соседа. Информационное агентство Regnum // URL: <http://www.regnum.ru/news/polit/1787068.html#ixzz31hBN5ima>
 22. Варганян А.М. Стратегия развития Ирана до 2025 года: Промежуточные итоги. Институт Ближнего Востока // URL: <http://www.iimes.ru/rus/stat/2010/06-09-10.htm>
 23. Симбар Р. Первостепенные задачи внешней политики Ирана. Медиа интернет-портал INOSMI // URL: <http://inosmi.ru/world/20140326/218970742.html#ixzz2zmLgnPJc>
 24. Концепция внешней политики Российской Федерации, утвержденная Президентом Российской Федерации В.В. Путиным 12 февраля 2013 г. // URL: <http://www.mid.ru/bdomp/ns-osndoc.nsf/e2f289bea62097f9c325787a0034c255/c32577ca0017434944257b160051bf7f>
- «Обозреватель-Observer», М., 2014 г., № 8, с. 55–67.*

А. Коротаев,

доктор исторических наук, зав. лабораторией,

Л. Исаев,

старший преподаватель (НИУ ВШЭ)

АНАТОМИЯ ЕГИПЕТСКОЙ КОНТРРЕВОЛЮЦИИ

События последних месяцев в Египте всё больше напоминают контрреволюцию – после свержения президента Мухаммеда Мурси к власти вновь возвращаются те политические силы, против которых была направлена Египетская революция 25 января 2011 г. При этом вряд ли стоит рассматривать контрреволюцию как нечто однозначно негативное, как это сейчас принято в среде египетской революционно настроенной молодежи. С нашей точки зрения, египетская контрреволюция имеет и много позитивных сторон (хотя она привела в последние месяцы к явному усилению авторитарных тенденций). Да, события эти вполне могут быть названы «контрреволюцией», так как вернули к власти тот самый блок

военных, экономических и бюрократических элит, который правил страной до революции 2011 г. Но, как нам уже доводилось показывать это ранее, правил он Египтом очень даже эффективно, обеспечивая последние годы перед революцией весьма успешное (в особенности на общемировом фоне) экономическое и социальное развитие страны [8, 9, 10, 15, 17, 18, 19, 21].

Конечно же, нельзя сказать, что Египет вернулся сейчас в ту же точку, в которой он находился до революции. При этом ряд новых обстоятельств явно способствует дестабилизации режима. Речь идет прежде всего о радикализации движения «Братьев-мусульман» и появлении у них мощной медиа-поддержки в виде специального спутникового канала «Аль-Джазира» «Мубашер Мыр». Однако еще больше новых (появившихся в ходе египетской революции и контрреволюции) моментов, напротив, способствуют скорее стабилизации режима.

Борьба двух элитных групп

Египетская революция в 2011 г. смогла одержать неожиданно легкую победу во многом благодаря следующим двум обстоятельствам.

Первое – сильнейший внутриэлитный конфликт. Прежде всего – это конфликт между военными («старой гвардией») и экономической элитой («молодой гвардией»), группировкой ведущих египетских бизнесменов во главе с Гамалем Мубараком [13]. Армейская верхушка контролировала (и контролирует) не только Вооруженные силы Египта, но и значительную часть египетской экономики. Речь идет, помимо военных предприятий, и о больших земельных массивах, недвижимости, автозаправочных станциях, строительных и транспортных предприятиях, фабриках и заводах, выпускающих не только продукцию оборонного назначения, но и телевизоры, холодильники, макароны, оливковое масло, крем для чистки обуви и т.д.¹ Доли египетской экономики, контролируемой военными, оцениваются различными аналитиками в пределах от 10 до 40%² [24, 27, 29]. Эту группировку египетской элиты очень

¹ При этом находящиеся в фактической собственности египетские военные предприятия обладают тем важным конкурентным преимуществом, что они могут пользоваться практически дармовым трудом египетских военнослужащих-срочников.

² При этом последняя оценка представляется откровенно завышенной.

пугало возвышение «молодой гвардии» ведущих египетских бизнесменов под руководством Гамалы Мубарака. Ведь «молодая гвардия» контролировала экономический блок египетского правительства, которое проводило начиная с 2004 г. эффективные реформы, приведшие к заметному ускорению темпов роста египетской экономики. В июле 2004 г. на пост премьер-министра Египта был назначен Ахмед Назиф, собравший вокруг себя достаточно грамотную команду экономистов, со товарищей Гамалы Мубарака, в большинстве своем получивших образование на Западе. Так, пост министра финансов достался Юсефу Бутросу-Гали, министра внешней торговли и индустрии – Рашиду Мухаммеду Рашиду, окончившему Гарвардскую бизнес-школу, портфель министра инвестиций получил в прошлом спецпредставитель президента при Всемирном банке Махмуд Мохиаддин и т.д. Таким образом, финансово-экономический блок правительства постепенно переходил в руки «молодой гвардии», что не могло не беспокоить военных.

«Последние несколько десятилетий, – пишет американский социолог Непштад, – египетские военные не тратили всё свое время лишь на обеспечение национальной безопасности; они также приобрели ценную недвижимость и многочисленные предприятия. По некоторым оценкам, военные контролируют 40% экономики. Перед событиями 2011 г. египетские генералы выражали озабоченность планом президента Мубарака назначить Гамалю своим преемником. Многие были уверены, что если Гамаль станет президентом, он начнет осуществлять политику приватизации, которая приведет к демонтажу экономической империи египетских военных» [27, р. 489]. Действительно, были все основания ожидать, что ведущие египетские бизнесмены из круга Гамалы Мубарака в случае его прихода к власти «наложат руку» на собственность военных – благо и обосновать это было бы совсем не сложно ссылками на (вполне реальную) неэффективность использования соответствующих объектов собственности.

Подобное развитие событий становилось еще более вероятным, учитывая откровенное засилье «молодой гвардии» в Совете Шура и Национал-демократической партии, где ключевой пост руководителя политического комитета с 2002 г. сохранялся за Гамалем Мубараком. Неудивительно, что как только у военных появилась возможность расправиться с молодыми бизнесменами, их гнев был направлен прежде всего против правящей Национально-демократической партии (НДП).

Египетский внутриэлитный конфликт позволяет понять многие обстоятельства египетской революции, которые, на первый взгляд, могут казаться загадочными. Например, в течение всей революции армия достаточно эффективно охраняла все важные государственные объекты, жестко пресекая любые попытки протестующих их захватывать. Однако уже в самые первые дни революционных событий (28–29 января 2011 г.) армия позволила оппозиционным манифестантам захватить, разгромить и сжечь штаб-квартиру Национально-демократической партии. Но если разобраться, то ничего странного в этом не было – ведь реальным руководителем этой партии был именно Гамаль Мубарак, а значит, армейская верхушка руками протестующих наносила мощный удар по элитарной группировке своего заклятого врага [16].

В контексте до сих пор модного толкования египетских событий января-февраля 2011 г. как «противостояния революционных народных масс и авторитарного режима» очень странно выглядела знаменитая «Битва на верблюдах». Напомним: протестующих на площади Тахрир пытались разогнать при помощи компании верблюжатников – работников туристических сервисов из района пирамид, занимавшихся прокатом для туристов лошадей и верблюдов. Верхом на верблюдах «всадники» атаковали протестующих, что и придало экзотический колорит как событиям 2 февраля, так и всей египетской революции.

Но если это и вправду было «противостояние народных масс и авторитарного репрессивного режима», то зачем было этому режиму прибегать к такого рода непонятной «самодеятельности», а не воспользоваться для разгона протестующих самым элементарным профессиональным репрессивным аппаратом? Все дело здесь как раз в том и состоит, что уже 2 февраля протестующим на Тахрире противостоял не профессиональный репрессивный аппарат, контролировавшийся «старой гвардией» и занявший скорее позицию доброжелательного нейтралитета по отношению к манифестантам, а группировка бизнес-элиты, которая данный аппарат не контролировала. Соответственно эта группировка была вынуждена бросить против манифестантов, которые требовали смещения ее лидера, полукриминальный элемент, нанятый на личные деньги бизнесменов [6, 15, 16]. Если бы протестующие на Тахрире подверглись удару государственных репрессивных сил, а не нанятых бизнесменами люмпенов, вряд ли результатом конфронтации была бы столь легкая «победа революционных масс».

Спустя три дня после «Битвы на верблюдах», хотя Хосни Мубарак остался председателем НДП, новым генеральным секретарем партии был назначен Хусам Бадрави, представитель ее либерального крыла, известный своими связями с оппозицией. Но важнее всего было то, что Гамаль Мубарак и его сторонник Сафват аш-Шериф, генеральный секретарь НДП, были сняты со своих партийных должностей, как основные организаторы и инициаторы столкновений.

Эти же «заслуги» припомнили военные Гамалю и его команде уже после отставки Хосни Мубарака, когда власть формально находилась в руках Высшего совета Вооруженных сил под руководством Мухаммеда ат-Тантави. Так, уже в марте 2011 г. Следственный комитет при Высшем совете Вооруженных сил Египта опубликовал отчет, переданный впоследствии Генеральному прокурору, относительно событий, развернувшихся на площади Тахрир 2 февраля 2011 г. В отчете было сказано, что «некоторые члены Национально-демократической партии во взаимодействии с бывшими членами парламента от НДП и офицерами полиции были причастны к подстрекательству дюжин головорезов на лошадях и верблюдах из туристической зоны неподалеку от пирамид Гизы атаковать участников демонстраций на площади Тахрир с применением холодного оружия с целью дискредитировать Мубарака и вынудить его покинуть свой пост» [6]¹.

¹ Причастными к организации стычки на Тахрире были Абдель Насер аль-Габри и Юсеф Хаттаб, депутаты от НДП в Народной ассамблее и Совете Шура, представляющие округ Харам в Гизе. Как минимум 26 участников столкновений, выступавших на стороне Мубарака, дали показания, что аль-Габри и Хаттаб платили каждому из нападавших 300 египетских фунтов (около 60 долл. США). Еще двумя бизнесменами из НДП, покрывавшими расходы на организованные Гамалем Мубараком и аш-Шерифом акции, были Ибрагим Камель, multimillioner, зарабатывающий на инвестициях в Египте, Великобритании и России, а также Мухаммед Абу Энейм, бывший председатель индустриального комитета в парламенте и председатель Совета директоров Cleopatra Group [16]. Кроме того, причастными к событиям на площади Тахрир 2 февраля были министр трудовых ресурсов Айша Абдель Рахман и председатель египетской федерации профсоюзов Хусейн Мегавер, которые «осуществляли поставки боеприпасов из южного каирского округа Маади для использования их верблюжатниками на площади Тахрир против демонстрантов». Они также сыграли свою роль в «транспортировке камней из южного района Каира Маади, которые впоследствии были использованы верблюжатниками против протестующих на площади Тахрир» [6]. В свою очередь поведение «молодой гвардии» выглядело ходом ва-банк: после обращения Хосни Мубарака к нации и его обещания не передавать власть своему сыну

Рождение и падение оппозиционного блока

Второе обстоятельство, обеспечившее неожиданно быстрый успех протестующих, – это создание широкого оппозиционного блока, в котором объединились и стали вполне скоординированно действовать левые молодые либеральные революционеры-секуляристы и исламисты [20, 22]. При этом исламисты во многом сыграли ключевую роль в успехе революции.

После того как Национальной ассоциацией молодежи была выбрана дата начала манифестаций, лишь две политические партии Египта подтвердили свое участие в демонстрациях: «Аль-Гад» и Демократический фронт. Однако основной вопрос заключался в том, примут ли «Братья-мусульмане» участие в намеченных акциях протеста. Поскольку эта ассоциация была самой опытной, организованной и многочисленной оппозиционной силой в Египте, ее решение участвовать в демонстрациях во многом носило судьбоносный характер. Комментируя возможное участие «Братьев» в акциях протеста, намеченных на 25 января, член движения Кифайя и Национальной ассоциации перемен Карим аль-Хифнави назвал это «бесспорно положительным аспектом», а также отметил, что даже если «Братья» обычно участвуют в протестах не как группа, а индивидуально, это служит катализатором к участию других оппозиционных групп [7].

20 января 2011 г. на сайте ад-Дустура появилось выступление одного из лидеров «Братьев-мусульман» Эссам аль-Ирьяни, в котором говорилось о том, что ассоциация не будет принимать участия в демонстрациях, запланированных Национальной ассоциацией перемен. Свою позицию «Братья» аргументировали в первую очередь тем, что инициатива вывести людей на улицы, исходившая из сети Facebook, была адресована не политическим партиям и движениям, а напрямую народу [12, 16]. В этой связи «Братья-мусульмане» приняли решение не участвовать в акциях протеста как организованная группа, но эта позиция руководства

становилось всё более очевидным, что, в отсутствие среди кандидатов на президентский пост Гамалы Мубарака, с большой долей вероятности место уходящего президента достанется выходцу из военной среды, что выглядело бы фатальным сценарием для «молодой гвардии». Отсюда ее попытка воспользоваться ситуацией, когда к утру 2 февраля 2011 г. народ постепенно начал уходить с площади Тахрир, и окончательно «добить» протестующих, продемонстрировав тем самым свою политическую силу и амбиции.

ассоциации нисколько не запрещала ее членам участвовать в демонстрациях индивидуально, что, собственно говоря, и произошло. Наконец, во второй половине дня 28 января 2014 г. «Братья-мусульмане» приняли официальное решение о полномасштабном присоединении к протестам.

Однако союз либеральных революционеров-секуляристов с исламистами кончился, как только общий враг был повержен. Первые дни послемубараковского Египта это отчетливо продемонстрировали. Уже на референдум по голосованию за Временную конституционную декларацию страны в марте 2011 г. исламисты и либералы шли как заклятые враги, заняв непримиримые позиции по отношению друг к другу. И если «Братья-мусульмане» призывали одобрить выносимый на референдум документ, то все потенциальные кандидаты в президенты светской ориентации – Мухаммед аль-Барадеи, Амр Мусса, Хишам Бастависи, Хамдин Сабахи – проголосовали против поправок к Конституции.

Наблюдаемая же сейчас ситуация похожа на распределение сил в январе 2011 г. «с точностью до наоборот».

Революция с последующей контрреволюцией привели к самому глубокому расколу среди январского (2011) оппозиционного «макроблока». При этом к расколу сразу по нескольким направлениям. Внутри этого макроблока расколотым оказался даже исламистский блок, ведь режим сейчас поддерживают вторая по силе исламистская партия – партия исламистов-фундаменталистов-салафитов «Хизб ан-Нур», а также целый ряд видных исламистов. Поддержка секуляристско-военного режима египетскими исламистами-салафитами (т.е. теми, кого у нас называют «ваххабитами») требует отдельного комментария.

Здесь следует отметить, что салафиты, чья партия «Хизб ан-Нур» заняла второе место на парламентских выборах 2011–2012 гг., оказались в положении неопределенности. С одной стороны, поддержка контрреволюции и выступление против «Братьев-мусульман» гарантировали им право на дальнейшее существование в политической жизни страны (при этом, как мы увидим ниже, определенную роль здесь сыграло и то обстоятельство, что в качестве основного внешнего спонсора «Хизб ан-Нур» выступает Саудовская Аравия [4, 23]). Более того, их главный идеологический конкурент в лице «Братьев» был «смят» переходным правительством в последние несколько месяцев. Однако, с другой стороны, перспективы салафитов отнюдь не безоблачны: «Братья-мусульмане» дискредитировали саму идею исламистского правле-

ния в Египте (по крайней мере в Каире и наиболее модернизированной части страны). Если в преддверии выборов 2011–2012 гг. лозунг «Ислам – вот решение!» практически никем не оспаривался, то на сегодняшний день осознание краха этой идеи преобладает как минимум в Каире. Какую альтернативу в такой ситуации смогут предложить салафиты, пока не понятно. Во многом именно этим обусловлена та выжидательная позиция, которую на сегодняшний день занимают лидеры «Хизб ан-Нур». Не исключено, что на ближайшие парламентские выборы салафиты пойдут с умеренной исламистской программой, похожей на ту, которая два года назад принесла успех контролируемой «Братьями-мусульманами» Партии свободы и справедливости. Такой ход был бы вполне логичным: во-первых, «Хизб ан-Нур» подобрала бы часть электората запрещенных единомышленников, а во-вторых, она смогла бы сохранить значительную часть собственных избирателей, прежде всего в египетской глубинке [14].

Отдельного комментария заслуживает и то, что в июле 2013 г. Саудовская Аравия выступила в качестве верного союзника антиисламистского блока, включавшего в себя весьма широкий фронт сил – либералов, националистов, левых, ультралевых – вплоть до троцкистов [1, 2, 3, 26]. Дело в том, что для Саудовской Аравии «Братья-мусульмане» представляют собой самую реальную угрозу. Вспомним, что в 1937 г. у нас признать себя «славянофилом» было несравненно менее рискованным, чем «троцкистом» (притом, что для «внешнего мира» разница между сталинистами и троцкистами выглядит малосущественной). Так и для саудитов современные троцкисты – это какая-то малореальная экзотика; а вот «Братья-мусульмане» для них – практически то же, что троцкисты для Сталина, это именно те левые мусульмане, которые фактически ставят под сомнение легитимность их режима и предпринимают реальные усилия по его свержению [2, 3, 26]. И в такого рода контексте уже совершенно понятна готовность Саудовской Аравии (в альянсе с имеющими сходные проблемы ОАЭ и Кувейтом) блокироваться с кем угодно, включая антиисламистски настроенных либералов и коммунистов, не говоря уже о египетских военных и экономических элитах. Цель этого альянса – ослабить «в его логове» того противника, который реально угрожает самому существованию аравийских монархических режимов (за исключением, естественно, катарской монархии). С другой стороны, как мы уже отмечали выше, египетским «ваххабитам» удаление «Братъев-мусульман» с легальной политической арены

и объективно (вне связи с саудовскими интересами) весьма выгодно, поскольку позволяет значительно усилить свои позиции и в том числе потенциально еще больше расширить представительство в египетском парламенте в качестве теперь уж главной легальной исламистской партии страны.

Расколотым оказался и секуляристский лево-либеральный блок, большинство членов которого были столь напуганы годом правления «Братьев-мусульман», что продолжают поддерживать режим. В целом оппозиционные силы остаются глубоко расколотыми – ведь выступающая против режима левая либерально-революционная молодежь решительно отказывается от какой-либо идеи нового блока с «Братями-мусульманами», – достаточно сказать, что один из их главных лозунгов «Йаскут, йаскут или хан, ин кана `аскар ау ихван» переводится «Долой, долой всех тех, кто изменил – будь это военные или “Братья-мусульмане”».

Фиаско «братства»?

Падение режима М. Мурси было вполне закономерным. М. Мурси уже в первые месяцы своего правления вплотную столкнулся с необходимостью проведения крайне непопулярных мер по преодолению социально-экономического кризиса в стране. Сигналом того, к каким политическим последствиям это может привести, послужило голосование на референдуме в декабре 2012 г., когда поддержка «проталкиваемой» исламистами конституции была не столь очевидна, как это имело место, скажем, в марте 2011 г. на голосовании по принятию временной конституционной декларации или на парламентских выборах в декабре 2011 – январе 2012 г. «Братья-мусульмане», став жертвой головокружения от успехов, отказались идти на компромисс с другими политическими силами Египта и вступать с ними в коалиции. Это во многом можно объяснить и тем, что у движения еще никогда не было опыта не только управления государством, но и участия в легальном политическом процессе. «Братство» за год своего правления настроило против себя практически все главные политические силы Египта, что и предопределило его падение.

Если понаблюдать за поведением основных египетских биржевых индексов, то можно выявить крайне интересные закономерности. Так, за два дня до начала протестов, направленных против президента Мурси, 24 июня 2013 г. главный египетский биржевой индекс EGX-30 начал устойчиво расти: за период между

этой датой и моментом закрытия торгов 2 июля 2013 г., т.е. непосредственно перед свержением М. Мурси, он вырос более чем на 10% – с 4523 до 4986 пунктов, а сразу после переворота 4 июля – до 5335 пунктов (так что общий рост за период 24 июня – 4 июля составил 18%) [15]. Это свидетельствует о том, что уже перед самым свержением Мурси существовала информация о предполагаемой попытке смены власти в стране в совершенно определенном направлении, что и стимулировало биржевых игроков «вкладываться» в акции египетских компаний.

После победы «Братьев-мусульман» на парламентских выборах 2011–2012 гг., прихода к власти М. Мурси, роспуска Высшего совета Вооруженных сил и отстранения от должности министра обороны Мухаммеда Тантави и начальника генштаба Сами Аднана с последовавшими кадровыми перестановками в рядах военных ситуация стала угрожающей и для египетского генералитета. Уже к 2013 г., будучи одним из наиболее крупных «бизнесменов» страны, египетская армия наряду с уцелевшими в постмубаракское время бизнесменами, работавшими в «команде Гамалея Мубарака», осознали необходимость совместного противостояния «Братьям», что подтверждается динамикой изменения египетских биржевых индексов после открытия торгов 24 июня 2013 г. [15].

Можно с большой долей вероятности утверждать, что за несколько дней до начала выступлений против президента М. Мурси уже поступила информация о том, что военные намерены установить свой контроль над страной, а в этом случае Египет получит долгожданный заем Арабского валютного фонда и других финансовых игроков Залива. В свою очередь гарантии притока валюты в страну стимулировали биржевых игроков к тому, чтобы вкладываться в египетские акции, и обеспечили рост биржевых индексов.

Еще одно важное обстоятельство: с момента ухода Х. Мубарака с президентского поста в Египте начали происходить перебои с бензином и электроэнергией, ситуация постоянно ухудшалась, достигнув к лету 2013 г. своей кульминации. Падение объемов добычи природного газа, снижение числа туристов, а соответственно и притока иностранной валюты, падение курса египетского фунта – всё это ограничивало способность правительства Х. Кандиля платить за топливо, как импортированное, так и произведенное в стране международными нефтяными компаниями. Кроме того, на сложившуюся в сфере электроэнергии ситуацию сильное влияние оказывали вопросы безопасности. Так, в начале июня 2013 г. две электростанции Египта – в Банхе и Айн ас-Сохне – не функциони-

ровали ввиду того, что правительство не смогло обеспечить безопасность их сотрудников. Уровень же национального потребления электроэнергии в Египте возрос к лету 2013 г. до 29 500 МВт в день, в то время как было произведено лишь 27 000 МВт в день [11]. На улицах страны начали появляться многокилометровые очереди к АЗС, феллахам всё больше не хватало мощностей для ирригации и т.д.

Однако после переворота 3 июля 2013 г. ситуация заметно улучшилась, что также может служить косвенным подтверждением того, что в июне перебои с поставками топлива и электроэнергии были связаны и с прямым саботажем участвовавших в заговоре бизнесменов. Похоже, что имел место довольно высокий уровень спланированности и скоординированности событий, приведших к отставке президента М. Мурси.

В пользу этой точки зрения может говорить и тот факт, что после свержения М. Мурси пост исполняющего обязанности премьер-министра достался Хазему аль-Библави. Будучи юристом по образованию, он начинал свою карьеру в качестве советника министра финансов Кувейта в 70-х годах, а десять лет перед событиями «арабской весны» работал советником в Арабском валютном фонде в Дубае. Не исключено, что достижение договоренности о предоставлении Египту займа по линии данной организации было во многом его заслугой, в обмен на что он и получил пост премьера. Нельзя исключать и того, что назначение хорошо знакомого финансовым структурам Залива Х. аль-Библави на пост премьера (или вице-премьера) в том правительстве, которое планировалось поставить у власти после переворота, было одним из условий гарантий предоставления «путчистам» нескольких миллиардов долларов сразу же после «июльской революции»

Было бы неверно считать, что «Братья-мусульмане» проводили осознанно особую социально-экономическую политику, базировавшуюся на их идеологии. Это видно хотя бы из того, что аль-Библави, став премьером, фактически продолжил финансовую политику кабинета Х. Кандиля. Это хорошо видно на графиках, демонстрирующих продолжившийся в июле 2013 г. темп роста эмиссии денежной массы, а также индекса потребительских цен [15].

Не менее важным для экономики Египта является и полученный при М. Мурси заем со стороны Катара: с апреля по май 2013 г. наметился рост золотовалютных резервов Египта, который достиг в мае отметки в 16,04 млрд долл. США. Так, в начале апре-

ля 2013 г. египетская правительственная делегация направилась в Доху, где было подписано соглашение об оказании катарцами финансовой помощи Каиру в размере 3 млрд долл. США [5]. Аналогичную динамику демонстрируют и египетские биржевые индексы: в преддверии визита египетской делегации в Катар, 3 апреля 2013 г., EGX-30 прекратил свое падение на отметке 4926,22 пункта.

Наконец, точку в правлении «Братьев-мусульман» поставил конфликт между Саудовской Аравией, к которой присоединились Кувейт, ОАЭ и Бахрейн, и Катаром наряду с Турцией, оказывавшей поддержку М. Мурси. Подтверждением этого служит тот факт, что сразу же после свержения М. Мурси и его ареста Саудовская Аравия, Кувейт и ОАЭ заявили о предоставлении финансовой помощи Египту в размере 12 млрд долл. США, большая часть из них – 5 млрд долл. – должны поступить от Эр-Рияда, 4 млрд – от Кувейта и на 1 млрд меньше от ОАЭ. При этом предполагалось, что финансирование будет осуществляться тремя путями: посредством размещения депозитов в египетском Центральном банке; в форме поставки энергопродуктов; посредством прямых денежных переводов [25]. В принципе, данной суммы Египту должно было бы хватить как раз на полгода, т.е. до планировавшихся на февраль 2014 г. выборов в Народную ассамблею, учитывая, что в канун выборов субсидии являются «священной коровой» для любой власти и не подвергаются сокращениям. Таким образом, одобренный вышеуказанными странами Персидского залива транш Египту имел под собой четко просматривающиеся политические цели.

Итак, революция заставила египетскую экономическую элиту пойти на примирение с военными, и в июне 2013 г. они уже выступили единым хорошо скоординированным фронтом, обеспечившим столь быстрое свержение Мурси [15]; и при этом никаких признаков нового раскола между двумя этими группировками египетской элиты пока не видно. Экономическая элита поняла, что продолжать какие-либо серьезные попытки захватить собственность военных «себе дороже», что лучше признать доминирующее положение военных в правящем блоке, а также неприкосновенность их «экономической империи» (в том числе и путем конституционных изменений). Она поняла, что любые серьезные попытки выйти в правящем блоке на лидирующие позиции могут

закончиться тем, что она потеряет несравненно больше, чем может приобрести¹.

Армия вернулась. Надолго?

Другой вопрос – насколько прочным окажется нынешний союз армии и экономической элиты, уцелевшей с мубараковских времен. Очевидно, что в ближайшее время идти против военных не способен в Египте никто. Армия вновь популярна в стране фараонов. Возглавивший переворот министр обороны Абд аль-Фаттах ас-Сиси в отличие от своего предшественника поступил куда дальновиднее и предпочел увести военных «в тень», выполняя роль «серого кардинала», практически сразу же отдав бразды правления временному правительству. Уйдя тем самым из-под огня, ас-Сиси обеспечил неуязвимое положение военным, сохранив, однако, контроль над происходящим в стране. При таком раскладе вступать в противоборство с армией за лидирующие позиции в будущей политической элите страны выглядит самоубийством. Даже салафиты предпочли поступиться собственными принципами и встать на сторону ас-Сиси, нежели оказаться «смятыми» подобно тому, как это произошло с «Братями». Альянс же с военными для экономической элиты – «синица в руках», гарантированная рента, которую египетский генералитет готов этой элите платить за лояльность.

С другой стороны, и военным сегодня необходима команда грамотных экономистов, чтобы вывести страну из глубокого финансово-экономического кризиса. При этом здесь очевиден конфликт между остатками мубараковской команды и левыми секуляристами, вроде Хамдина ас-Сабахи, чьи взгляды на программу экономических реформ диаметрально противоположны.

Вероятно, вектор дальнейшего экономического развития будет определен на ближайших выборах, победа на которых – риск для победителя; ведь роль арбитра, оценивающего эффективность

¹ Потенциальный раскол в правящем блоке скорее связан с тем, что в него вошло и некоторое количество левых секуляристов (вспомним того же Хамдина Сабахи и его «Египетское народное движение» (ат-Тайяр аш-ша`бий аль-мисрий), а вот продолжение сотрудничества этой части правящего блока как с военной, так и [в особенности] с экономической элитой гарантировать несравненно сложнее – скорее можно ожидать, что между левыми и правыми секуляристами всё-таки рано или поздно произойдет окончательный раскол.

претворяемой в жизнь социально-экономической политики, будет осуществлять армия. Именно ей за последние три года удалось извлечь максимальную выгоду как из революции, так и из контрреволюции: ослабив всех своих главных соперников, от гамалевских бизнесменов до исламистов, военные укрепили свои позиции.

Новая египетская власть становится всё более милитаризованной и авторитарной. Портреты президента ас-Сиси все чаще соседствуют с портретами лидера революции 1952 г. Гамалея Абделя Насера.

Реконструкция политической системы, начатая в Египте в 2011 г., всё более явственно обнаруживает выход египетского общества в некоторых (хотя и не во всех) отношениях к той нулевой отметке, с которой собственно и начинались потрясения. 26–27 мая 2014 г. были проведены президентские выборы, в которых у маршала практически не было конкурентов. Амр Муса, аль-Барадеи, Абуль Футух и другие отказались от участия в президентской гонке, лидеры запрещенного движения «Братья-мусульмане» вообще не имели такой возможности. Военные через своего ставленника вновь получают президентское кресло, которое, за исключением продлившегося лишь год правления М. Мурси, с 1952 г. принадлежало выходцам из армейской верхушки.

Но есть один любопытный нюанс: в соответствии с принятой в январе 2014 г. Конституцией должность министра обороны выглядит заметно более привлекательной, нежели пост президента. Именно министр обороны является верховным главнокомандующим (ст. 201), он выведен из подчинения президенту (ст. 234) и подотчетен непосредственно председателю Высшего совета Вооруженных сил (а эти две должности в Египте, как правило, совмещаются). Ввиду нестабильной ситуации в стране должность президента выглядит более уязвимой по сравнению с постом министра обороны во многом из-за того, что лидеру страны в ближайшее время предстоит провести ряд непопулярных социально-экономических реформ.

Интересный факт: в Конституции прописано, что особое положение министра обороны будет сохраняться на протяжении первых двух избирательных циклов (ст. 234), т.е. того периода времени, за который страна, как ожидается, должна будет выйти из затянувшегося социально-экономического кризиса. Поэтому можно полагать, что для ас-Сиси было бы выгоднее занять пост президента после завершения двух избирательных циклов.

Позиция Высшего совета Вооруженных сил Египта относительно президентского будущего ас-Сиси во многом объясняется тем, что для египетских генералов было выгодно выдвинуть своего человека на пост президента, «разыграв» между собой освобожденную должность министра обороны. Все это может свидетельствовать о наличии борьбы интересов внутри армейской верхушки Египта, в которой существующее распределение сил оказалось, по мнению некоторых наблюдателей, не в пользу уже экс-министра обороны. При этом, выдвинув ас-Сиси на пост президента страны, военные при нынешней Конституции получают возможность поставить нового президента под свой контроль, избавив себя тем самым от ситуации, при которой ас-Сиси мог бы проводить независимую от военных политику подобно тому, как это случилось в ходе правления Х. Мубарака, когда экономическая элита, окружавшая его сына Гамаля, вступила в конфликт с армией.

Но и ас-Сиси не лыком шит. Перед уходом из правительства он успел назначить на важнейшую должность начальника штаба Вооруженных сил генерала Махмуда Хегази, которого ранее он сделал руководителем военной разведки. Они родственники: дочь Хегази замужем за одним из трех сыновей ас-Сиси.

В целом, несмотря на стойкое сопротивление «Братьев-мусульман» «новому старому» египетскому режиму и неизбежные в ближайшие месяцы и годы самые серьезные финансово-экономические проблемы (и связанную с этим необходимость непопулярных социально-экономических мер), он пока обладает достаточно высокой устойчивостью благодаря успешному преодолению конфликта между военной и экономической элитами страны и сохраняющемуся глубочайшему расколу среди сил, оппозиционных режиму ас-Сиси.

References

1. Abdel Kouddous S. What Happened to Egypt's Liberals After the Coup? The Nation, 2013. Available at: <http://www.thenation.com/article/176445/what-happened-egypts-liberals-after-coup#> (Accessed 12 January 2014.)
2. Al-Alawi I., Schwartz S. Saudi Arabia Moves Against Muslim Brotherhood Amid Increased Pressure for Reform. The Weekly Standard, 09.10.2013. Available at: http://www.weeklystandard.com/blogs/saudi-arabia-moves-against-muslim-brotherhood-amid-increased-pressure-reform_762334.html (Accessed 12 January 2014.)
3. Baer R. Why Saudi Arabia is Helping Crush the Muslim Brotherhood. New Republic, 26.08.2013. Available at: <http://www.newrepublic.com/article/114468/why-saudi-arabia-helping-crush-muslim-brotherhood> (Accessed 10 January 2014.)

4. Daou M. How Saudi Petrodollars Fuel Rise of Salafism. France 24, 30.09.2014. Available at: <http://www.france24.com/en/20120929-how-saudi-arabia-petrodollars-finance-salafist-winter-islamism-wahhabism-egypt/> (Accessed 10 January 2014.)
5. Daragahi B. Qatar Gives Egypt \$3 bn Aid Package. Financial Times, 10.04.2013. Available at: http://www.ft.com/cms/s/0/790a7d52_alf4_1le2_8971_00144feabdc0.html#axzz2e5gDeWxu (Accessed 11 January 2014.)
6. Essam El-Din G. NDP's Battle of the Camel. Al-Ahram Weekly, 17–23 March 2011, no. 1039.
7. Fahmy H. Muslim Brotherhoods Reconsiders Refusal to Participate in Jan 25 Demo. Daily Egypt, 21 January 2011.
8. Grinin L.E. Arabskja vesna i rekonfiguracija Mir-sistemy. [Arab Spring and Reconfiguration of the World-system]. Sistemnyi monitoring global'nykh i regional'nykh riskov: Arabskaya vesna 2011 goda [System Monitoring of Global and Regional Risks: Arab Spring of 2011]. Moscow, Librokom, 2012, pp. 188–223. (Гришин Л.Е. Арабская весна и реконфигурация Мир-Системы. Системный мониторинг глобальных и региональных рисков: Арабская весна 2011 года. Москва, Librokom, 2012, с. 188–223.)
9. Grinin L., Korotayev A. Does «Arab Spring» Mean the Beginning of World System Reconfiguration? World Futures, 2012, vol. 68, no. 7, pp. 471–505.
10. Grinin L.E., Korotayev A.V. Tsikly, krizisy, lovushki sovremennoi Mir-sistemy. Issledovanie kondrat'evskikh, zhjugljarovskikh i vekovykh ciklov, global'nykh krizisov, maltuzianskikh i postmaltuzianskikh lovushek. [Cycles, Crises, Traps of the Modern World-System. Research of Kondratieff, Juglyar and Age Old Cycles, Global Crises, Malthusian and Postmalthusian Traps]. Moscow, Librokom, 2012. (Гринин Л.Е., Коротаев А.В. Циклы, кризисы, ловушки современной Мир-Системы. Исследование кондратьевских, жюглярских и вековых циклов, глобальных кризисов, мальтузианских и постмальтузианских ловушек. Москва, Librokom, 2012.)
11. Ismail A. With Electricity and Water in Short Supply, Egyptians Grow Tense. McClatchyDC, 24.06.2013. Available at: http://www.mcclatchydc.com/2013/06/24/194616/with_electricity_and_water_in.html#.UjIWMFHnCNg (Accessed 12 January 2014.)
12. Isaev L.M. Demokraticeskaya zima v Severnoj Afrike [Democratic Winter at the Northern Africa]. Neprikosnovennyj zapas. Debaty o politike i kul'ture, 2011, no. 3, pp. 176–189. (Исаев Л.М. Демократическая зима в Северной Африке. Неприкосновенный запас. Дебаты о политике и культуре, 2011, № 3, с. 176–189.)
13. Isaev L.M. Gruppy riskov politicheskoj nestabil'nosti v Egipte [Risks Groups of the Political Stability in Egypt]. Sistemnyi monitoring global'nykh i regional'nykh riskov: Arabskaja vesna 2011 goda [System Monitoring of Global and Regional Risks: Arab Spring of 2011]. Moscow, Librokom, 2012, pp. 275–286. (Исаев Л.М. Группы рисков политической нестабильности в Египте. Системный мониторинг глобальных и региональных рисков: Арабская весна 2011 года. Москва, Librokom, 2012, с. 275–286.)
14. Isaev L.M. Generaly ushli, generaly vernulis': egipetskoj revolucii tri goda [Generals are gone, generals are back: Three Years of the Egyptian Revolution]. Neprikosnovennyj zapas. Debaty o politike i kul'ture, 2014, no. 1. (Исаев Л.М.

Генералы ушли, генералы вернулись: египетской революции три года. Не-прикосновенный запас. Дебаты о политике и культуре, 2014, № 1.)

15. Isaev L.M., Korotaev A.V. Egipetskij perevorot 2013 goda: opyt jekonomitricheskogo analiza [Egyptian Coup 2013: An Experience of Econometric Analysis]. Azija i Afrika segodnja, 2014, no. 2, pp. 14–20. (Исаев Л.М., Коротаев А.В. Египетский переворот 2013 года: Опыт эконометрического анализа. Азия и Африка сегодня, 2014, № 2, с. 14–20.)
16. Isaev L.M., Shishkina A.R. Egipetskaja smuta XXI veka [Egyptian Distemper of the XXI Century]. Moscow, Librokom, 2012. (Исаев Л.М., Шишкина А.Р. Египетская смута XXI века. Москва, Либроком, 2012.)
17. Korotaev A.V., Hodunov A.S., Burova A.N., Malkov S.Ju., Halturina D.A., Zin'kina Ju.V. Social'no-demograficheskij analiz Arabskoj vesny [Social and Demographics Analysis of the Arab Spring]. Sistemnyj monitoring global'nyh riskov: Arabskaja vesna 2011 goda [Sistem Monitoring of Global and Regional Risks: Arab Spring of 2011]. Moscow, Librokom, 2012, pp. 28–76. (Коротаев А.В., Ходунов А.С., Бурова А.Н., Малков С.Ю., Халтурина Д.А., Зинькина Ю.В. Социально-демографический анализ Арабской весны. Системный мониторинг глобальных и региональных рисков: Арабская весна 2011 года. Москва, Либроком, 2012, с. 28–76.)
18. Korotaev A.V., Zin'kina Ju.V. Egipetskaya revolyutsiya 2011 goda [Egyptian Revolution of 2011]. Azija i Africa segodnja, 2011, no. 6, pp. 10–16. (Коротаев А.В., Зинькина Ю.В. Египетская революция 2011 г. Азия и Африка сегодня, 2011, № 6, с. 10–16.)
19. Korotaev A.V., Zin'kina Ju.V. Egipetskaya revolyutsiya 2011 goda: Sociodemograficheskij analiz [Egyptian Revolution 2011: Socio-Demographic Analysis]. Istoricheskaja psihologija i sociologija istorii, 2011, vol. 4, no. 2, pp. 5–29. (Коротаев А.В., Зинькина Ю.В. Египетская революция 2011 года: Социодемографический анализ. Историческая психология и социология истории, 2011, т. 4, № 2, с. 5–29.)
20. Korotaev A.V., Zin'kina Ju.V. Egipetskaya revolyutsiya 2011 goda. Strukturno-demograficheskij analiz [Egyptian Revolution of 2011. A Structural-Demographic Analysis]. Asia i Africa segodnja, 2011, no. 7, pp. 15–21. (Коротаев А.В., Зинькина Ю.В. Египетская революция 2011 г. Структурно-демографический анализ. Азия и Африка сегодня, 2011, № 7, с. 15–21.)
21. Korotaev A.V., Zin'kina Ju. Egyptian Revolution: A Demographic Structural Analysis. Entelequia. Revista Interdisciplinar, 2011, no. 13, pp. 139–169.
22. Korotaev A.V., Zin'kina Ju.V. Strukturno-demograficheskie faktory Arabskoj vesny [Structural and Demographics Factors of the Arab Spring]. Protestnye dvizheniya v arabskikh stranakh. Predposylki, osobennosti, perspektivy [Protests Movements in the Arab Countries. Preconditions, Peculiarities, Perspectives]. Moscow, Librokom, 2012, pp. 28–40. (Коротаев А.В., Зинькина Ю.В. Структурно-демографические факторы «арабской весны». Протестные движения в арабских странах. Предпосылки, особенности, перспективы. Москва, Либроком, 2012, с. 28–40.)
23. Lavizzari A. The Arab Spring and the Funding of Salafism in the MENA Region. International Security Observer, 22.05.2013. Available at: <http://securityobserver.org>.

- org/the-arab-spring-and-the-funding-of-salansm-in-the-mena-region/ (Accessed 15 January 2014.)
24. Marshall S., Stacher J. Egypt's Generals and Transnational Capital. Middle East Report, 2012. Available at: <http://www.merip.org/mer/mer262/egypts-generals-transnational-capital> (Accessed 15 January 2014.)
 25. Mustafa H., Flanagan B. Gulf's \$12 bn Aid to Egypt Seen as «Lifeline», Not a Cure. Al Arabiya News, 11.07.2013. Available at: http://english.alarabiya.net/en/business/economy/2013/07/11/Gulf_s_12bn_aid_to_Egypt_seen_as_lifeline_not_a_cure.html (Accessed 12 January 2014.)
 26. Nasr V.R. Islamic Comrades No More. The New York Times, 28.10.2013. Available at: http://www.nytimes.com/2013/10/29/opinion/international/nasr-islamic-comrades-no-more.html?_r=0 (Accessed 15 January 2014.)
 27. Nepstad S.E. Nonviolent Resistance in the Arab Spring: The Critical Role of Military-Opposition Alliances. Swiss Political Science Review, 2011, vol. 17, no. 4, pp. 485–491.
 28. Roy D.A. The Hidden Economy in Egypt. Middle Eastern Studies, 1992, vol. 28, no. 4, pp. 689–711.
 29. Tadros S. Egypt Military's Economic Empire. Al Jazeera in Depth, 15.02.2012. Available at: <http://www.aljazeera.com/indepth/features/2012/02/2012215195912519142.html> (Accessed 9 January 2014.)

«Мировая экономика и международные отношения», М., 2014 г., № 8, с. 91–100.

С. Раванди-Фадаи,

кандидат исторических наук (ИБ РАН)

ОСНОВНЫЕ ЧЕРТЫ ЭТНОКОНФЕССИОНАЛЬНОЙ СИТУАЦИИ В СОВРЕМЕННОМ ИРАНЕ

Иран – страна многонациональная и поликонфессиональная. Однако если в конфессиональном отношении население Ирана более или менее гомогенно (свыше 90% исповедуют ислам¹), то его национальный состав является весьма пестрым.

После победы исламской революции и прихода к власти шиитского духовенства в новой иранской Конституции сохранились те же принципы взаимоотношений государства с конфессиональными меньшинствами, которые были заложены еще в первой иранской Конституции, принятой в период Каджаров. Основной причиной послужило то, что эти религиозные меньшинства, сыгравшие важную роль в истории Ирана, являются неотъемлемой частью населения страны. Согласно ст. 13 Конституции ИРИ, свободу религиозного исповедания получили иранские зороастрийцы, иудеи и христиане². По ст. 15 Конституции ИРИ им была гаранти-

рована свобода религии, языка и культуры³. Каждая группа имеет своего представителя в меджлисе.

Основными религиозными меньшинствами в Иране являются следующие: армяне, ассирийцы и халдеи, евреи, зороастрийцы. К этому списку религиозных меньшинств Ирана можно добавить и приверженцев бахаи, хотя эта группа официально запрещена в Иране (как и до исламской революции).

Все перечисленные группы имеют древнюю историю.

Зороастрийцы – приверженцы древнейшего культа, возникшего в первых веках 1 тыс. до н.э. в восточных областях Иранского нагорья и получившего широкое распространение в ряде стран Среднего Востока. Зороастризм был господствующей религией в древних иранских государствах, а с начала эпохи Сасанидов являлся даже государственной религией. После завоевания Ирана арабами и падения Сасанидов население постепенно приняло ислам. Лишь незначительная часть зороастрийцев, несмотря на гонения и репрессии, сохранила свою старую веру. В настоящее время в Иране проживают около 50 тыс. зороастрийцев⁴.

Иудеи (евреи). Еще в 538 г. до н.э. персидский царь Курош (Кир) Великий, основатель династии Ахеменидов, завоевав Вавилон и включив его в состав Персидской державы, освободил их поработенных предков. Тогда же Курош издал указ, по которому изгнанным из Иудеи евреям было дано право вернуться на родину; им были выделены денежные средства на восстановление храма в Иерусалиме. Пользуясь протекцией Куроша, часть освобожденных евреев осела в империи Ахеменидов, и в наши дни Иран по-прежнему является домом для самого большого еврейского сообщества (28 тыс. человек) вне Израиля на Ближнем и Среднем Востоке. Самые большие еврейские общины располагаются в Тегеране, Ширазе, Исфахане и Хамадане. В стране насчитывается до 40 синагог, из них активно действуют 23, причем только в иранской столице функционируют 11 синагог. В Иране много святых для иудеев мест: на юге страны – мавзолее ветхозаветного иудейского пророка Даниила; мавзолее Эстер (Эсфирь), спасшей свой народ от истребления в V в. и похороненной на западе Ирана в г. Хамадане. Мавзолеем Галеви находится недалеко от г. Кума. Все эти места, а также могилы выдающихся еврейских ученых посещают иудеи, мусульмане и христиане Ирана. Настоящим центром исторического наследия евреев Ирана является Исфаган: в городе расположены еврейское кладбище, возраст которого

составляет более 2 тыс. лет, красивейшая синагога и еврейские мавзолеи⁵.

Христиане⁶. В парфянский период (до III в. н.э.) в Персии было создано несколько епархий, причем Персидская христианская церковь занималась распространением христианства и вне Персии (например, в Китае и Индии). В исламский период в стране существовало несколько христианских общин, самой многочисленной из которых была несторианская. Христианские меньшинства сохраняли свою идентичность и не смешивались.

Во время правления шаха Аббаса I (1588–1629) в Персию прибыли посланные Римской католической церковью проповедники нескольких католических орденов, включая кармелитов⁷, которые переселились в Исфахан и основали здесь значительную католическую общину. В XIX в. к приезжавшим в Персию миссионерам добавились французские католики и протестанты⁸. Поначалу ассирийцы (несториане) смотрели на католических миссионеров с недоверием. Армянская же община была настроена враждебно по отношению к католической пропаганде, поскольку опасалась за сохранность своей религиозной и этнической идентичности, связанной с другими традициями христианства. Разногласия между иранскими армянами и миссионерами начались еще в 1700 г.⁹ Чтобы сгладить накал противостояния, англиканская церковь в какой-то момент даже была вынуждена официально заявить, что ее проповеди не направлены на персидскую армянскую паству¹⁰.

Среди основного населения Персии миссионеры пользовались симпатией, поскольку строили школы и больницы¹¹. Эти школы посещали и дети мусульманской элиты. Тем не менее при Реза-шахе миссионерскую деятельность в Иране стали ограничивать. В 1931 г. запретили миссионерство в провинциях, а в 1932 г. гражданам любой конфессии было запрещено посещать миссионерские школы¹². Одновременно в 1930-е годы началось строительство местных учебных заведений, и спрос на миссионерские школы упал.

Армяне – самая большая христианская община в Иране. Как и еврейская, армянская община имеет многовековую историю. Первое упоминание об армянах на территории Ирана содержится в Бехистунской надписи (находится в 40 км к востоку от Керманшаха, 515 г. до н.э.). В ней Дарий I упоминает Армению как часть Персидской империи. В XI в. армяне бежали на Иранское нагорье от преследований монголов, от турок-сельджуков, а в начале XX в., особенно в период Первой мировой войны, – от турецких

погромов. К концу XIX в. в Персии проживали уже около 100 тыс. армян¹³. Большая их часть принадлежит к Армянской апостольской церкви, епархии которой находятся в Тегеране, Тебризе и Исфахане. Небольшое число армян являются католиками и протестантами (евангелистами). Большинство армян проживают в городах, а также в селах вокруг Исфахана и Тебриза и между Араком и Хамаданом. Начиная с эпохи Пехлеви армяне имеют двух представителей в иранском парламенте (один – с севера, другой – с юга). Это единственная немусульманская группа, у которой два представителя в меджлисе.

Ассирийцы и халдеи. Древняя Ассирийская церковь Востока (часто именуется несторианской) является так называемой дохалкидонской церковью, выделившейся в самостоятельную еще в V в. и объединившей большое количество христиан Сирии, Месопотамии и Персии. Ассирийцы, принявшие впоследствии примат папы римского и основные догматы католической церкви, создали собственную параллельную церковную иерархию и стали именоваться халдеями. В настоящее время эта униатская церковь распространена на территориях Ирана и Ирака.

Легенду о том, что несториане – это потомки Древней Ассирии (Ашурестана), активно поддерживали в конце XIX в. англиканские миссионеры¹⁴. Впрочем, теория относительно сходства названий «Сирия» и «Ассирия» говорит о том, что оба слова происходят от одного корня и имеет смысл называть все разветвления христианства на Востоке ассирийскими¹⁵. Например, члены яковитской общины в Турции называются ассирийскими яковитами¹⁶, тогда как халдеи называются ассирийскими католиками¹⁷. Американский исследователь Дж. Якуб утверждает, что все ассирийцы – это приверженцы несторианской церкви и к ним причисляются и католики, и протестанты¹⁸.

Эти утверждения вызывают недоумение и основаны на путанице из-за неясности в вопросе: ассирийцы – это этническая или религиозная община? Например, исследователь Ариан Ишая видит в них отдельную этническую группу, населяющую территорию у сегодняшних границ между Ираном и Турцией уже много веков. Это доказывает, что они присутствуют в Персии уже с I в. н.э., а скорее всего и ранее. Получается, что ассирийцы исповедуют христианство разных толков, а потому существуют несторианская, халдейская, православная, яковитская и протестантская общины¹⁹. С этой точки зрения халдеи в этническом плане являются ассирийцами, и они сами говорят о своей ассирийской идентичности,

которая не имеет прямого отношения к их конфессиональной принадлежности.

Ассирийцы-униаты имеют в Иране три епархии – в Тегеране, Урмии и Ахвазе²⁰, тогда как несториане – только Тегеранскую. В политическом измерении тонкость вопроса самоидентификации халдеев заключается в том, что они могут претендовать на отдельное место в меджлисе для своего представителя, если признают себя отдельной этнической группой. Во время обсуждения новой Конституции в 1979 г., когда оговаривали число депутатов от религиозных меньшинств в Совете экспертов, представитель ассирийской и халдейской общины утверждал, что у ассирийцев и халдеев должны быть по два депутата от каждой группы²¹. Этот пункт Конституции 1906–1907 гг. тем не менее был оставлен без изменения, и ассирийцы и халдеи получили только по одному депутатскому месту.

Во время Первой мировой войны большинство христиан проживало на территории Азербайджана (Урмия-Резайе)²², в Османской империи, Персии и России²³. В 1897 г. иранские несториане, возглавляемые азербайджанскими ассирийцами, обратились с просьбой к Русской православной церкви принять их, в результате чего русское влияние в этом регионе значительно усилилось в противовес западным миссионерам. Это имело неоднозначные последствия. С одной стороны, противостояние как между христианами и мусульманами, так и между различными христианскими течениями усилилось, а с другой – присутствие Русской армии послужило христианам своего рода щитом, особенно от враждебно настроенных курдов²⁴.

В середине 1970-х годов почти 15 тыс. из 30 тыс. ассирийцев жили в Тегеране, а около 40% и сейчас еще живут в Урмии и ее окрестностях²⁵. В 1990-х годах число ассирийцев и халдеев в Иране сократилось до 16–18 тыс.²⁶ Большинство из них составляют первые, тогда как халдеи традиционно проживают в провинции Хузистан, в основном в Ахвазе. Патриархия Ассиро-халдейской церкви располагается в Багдаде²⁷.

* * *

Наиболее острые проявления национальных и конфессиональных противоречий в Иране пришлись на 1981–1983 гг., когда шли процессы полной исламизации во всех сферах жизни: в общественной, культурной, образовательной. В первые годы после побе-

ды исламской революции отношение к религиозным меньшинствам было неоднозначным: основной пик проблем в этой области пришелся на начало 1980-х годов. Остановимся на трех аспектах проблемы религиозных меньшинств в Иране – религиозной жизни, образовании и общественных отношениях.

Что касается религии, то каждое религиозное меньшинство имеет право справлять свои обряды, ритуалы и праздники. Но если это касается публичного шествия или религиозного представления, то для получения разрешения на это они обязаны обратиться в Министерство культуры и исламской ориентации²⁸ и предоставить тексты выступлений. Если текст будет не на персидском языке, то к оригиналу должен быть приложен перевод на персидский²⁹.

Каждый год в Иране издаются религиозные календари, и перед тем, как их направляют в типографию, они должны пройти цензуру Департамента публикаций Министерства культуры и исламской ориентации. С первых дней исламской революции лидеры основных религиозных меньшинств были предупреждены о запрете на прозелитизм (распространение своей религии, особенно на обращение мусульман в другую религию). Все лидеры религиозных меньшинств подписали декларацию о недопущении мусульман в свои религиозные центры³⁰.

Даже в разгар исламской революции в Иране не было зафиксировано значительных разрушений или конфискаций храмов, синагог. Имевшие место отдельные случаи носили локальный характер и не являлись следствием государственной политики. Но такие случаи все-таки были. Так, например, в 1979 г. были осквернены два зороастрийских храма, а в начале 1980 г. наблюдались случаи вандализма на некоторых армянских кладбищах и в церквях (в северных городах Ирана – Реште, Анзали, Горгане, Сари)³¹. Известен эпизод, когда «стражи исламской революции», рассмотрев росписи на библейские сюжеты главной армянской церкви в Тегеране, выразили недовольство изображением Христа в полуголом виде и потребовали покрыть его фигуру одеждой. Художнику, который жил за границей, пришлось прилететь в Тегеран и внести изменения в роспись³². Пожалуй, лишь этот последний эпизод можно связать с государственной политикой, так как инициатором акции являлся Корпус стражей исламской революции (КСИР).

Свою специфику в отношении религиозных и национальных меньшинств имеет и судебная система Ирана. В основном это

касается имущества или статуса личности (бракосочетания, разводы, усыновления, получение наследства и т.п.). Существует особый комитет под наблюдением религиозного лидера для каждой конфессиональной общины. Окончательное решение утверждает специальное государственное агентство, но обычно оно поддерживает решения лидеров комитетов религиозных меньшинств (например, комитет общины разрешил кому-то развестись, и чаще всего государственное агентство поддерживает это)³³.

Нередко возникают и проблемы бюрократического характера, приведем пример. Пожилой женщине не разрешили получить наследство, несмотря на то что она предоставила все необходимые документы и разрешения от соответствующих религиозных комитетов, поскольку чиновник был женоненавистником и считал, что женщинам наследство не полагается. Женщина подала в суд, и мусульманский судья удовлетворил ее иск, хотя чиновник продолжал отказываться выполнять решения суда. В конце концов он подчинился давлению сверху³⁴. Но с такими проблемами могут столкнуться и сами шииты. То же самое касается и членов семьи, которые приходят с просьбой о разводе или установлении опекуна над детьми. Решение комитета отправляется на окончательную апелляцию в вышеупомянутое агентство³⁵. Если представитель религиозного меньшинства обращается в суд, чтобы обойтись без решения своего религиозного комитета, в большинстве случаев суд требует вынесения решения религиозного комитета соответствующей общины, несмотря на то что у агентства авторитет выше, но чаще всего оно не идет против решения религиозного комитета.

Образование – самый сложный момент межнациональных отношений. На протяжении всех лет после исламской революции наблюдались изменения в политике образования религиозных меньшинств в ИРИ. Так, в 1979–1981 гг. школы работали, как и при шахском режиме. Считалось, что школы работали хорошо благодаря Мехди Базаргану, Мохаммаду Бехешти и Мохаммаду Джавад Бахонару³⁶. Но после снятия Базаргана, начала войны с Ираком и убийства Бехешти и Бахонара борьба за влияние над школами усилилась. В конце 1981 г. стала осуществляться государственная политика давления на школы. Религиозно-образовательные вопросы очень быстро политизировались. В первую очередь власти потребовали, чтобы некоторые школы изменили свои названия. Например, ассирийская школа для девочек «Сусан» стала называться «Марьям». Больше всех пострадали зороастрийские школы, но некоторым всё-таки удалось сохранить свои названия,

например известной школе «Ануширван» для мальчиков в Тегеране. Большое давление было оказано на школы, которые носили имена шахов и шахинь³⁷. Нужно отметить, что аналогичная политика проводилась по всей стране, когда менялись названия городов, поселков и улиц.

Государство потребовало обязательного разделения всех школ по половому признаку по всей стране. Что касается религиозных меньшинств, то они должны были сами решить, как разделить школы по половому признаку. Был издан также указ, который запрещал нахождение храма, церкви или синагоги на территории школы, чтобы мусульмане, посещающие эту школу, не были бы обращены в эту религию. Еврейских школ «Абришами» и «Рахе данеш» в Тегеране, где синагога находится на верхнем этаже, эта проблема не коснулась. Однако этот указ был приведен в исполнение в отношении армянской школы «Кушеш» в Тегеране, где пришлось построить стену, чтобы отделить церковь от здания школы. Что касается ассирийской школы, то отделить ее от храма ввиду небольшой площади школы было невозможно. В результате государство приобрело эту школу и закрыло ее. Ассирийская община оспаривала это решение до конца 1990-х годов, но безрезультатно³⁸. До 1997 г. не была также решена проблема с возвратом еврейской общине школы для мальчиков в Тегеране³⁹. Эти споры представляли собой открытый диалог между государством и религиозными меньшинствами и чаще всего не освещались в СМИ. Из-за нехватки школ для мусульман и небольшой записи в ассирийские, зороастрийские и халдейские эти конфессиональные школы принимают мусульманских учащихся, но они ходят в другие классы, когда изучают религию. Некоторые учащиеся из религиозных меньшинств поступают в мусульманские школы, но их намного меньше, чем до революции. Частично благодаря большому числу учащихся и упорству Армянской апостольской церкви в большинство армянских школ ходят в основном армяне и небольшое число ассирийцев и халдеев⁴⁰.

Следует отметить три важных момента в политике ИРИ в 1983 г., повлиявших на свободу образования среди религиозных меньшинств:

1. Назначение мусульманских директоров, учителей, мулл и радикальных элементов в школах для меньшинств.
2. Сокращение или отмена преподавания на языке религиозного меньшинства.
3. Прямое вмешательство в преподавание основ религии.

Хотя языковой вопрос не затронул зороастрийцев и слегка коснулся евреев, он имел большое значение для армян, ассирийцев и халдеев. Для последних трех групп язык и религия взаимосвязаны. Хотя в дореволюционное время тоже назначали мусульманских директоров и преподавателей, это мешало работе школ. Например, в 1983 г. директором зороастрийской школы «Ануширван» была назначена женщина-мусульманка. Она стала посмеиваться над зороастрийскими принципами, не разрешала школьникам собираться по пятницам, чтобы изучать зороастризм (пятница в Иране – выходной, и очень многие изучают в этот день свою религию). По своей инициативе она организовала изучение ислама, а ее высказывания вызвали недовольство среди зороастрийских учащихся. В армянской школе «Анушан» мусульманский мулла преподавал религию детям христиан в течение года. В школе для мальчиков «Гоухар» ректор заставил учащихся кричать «Аллах Акбар» при входе в класс. Когда они отказались, он запретил им ходить на занятия и закрыл школу на несколько дней. Но в тех случаях, когда религиозные меньшинства начинают протестовать, Министерство культуры и исламской ориентации вмешивается, и занятия возобновляются. Эти проблемы были неоднократно озвучены представителями религиозных меньшинств в меджлисе⁴¹.

Проблема языка в основном коснулась армян, так как зороастрийцы говорят на персидском, и преподавание ведется на персидском языке. Халдеи и ассирийцы (их меньшинство) сразу согласились, что обучение будет вестись не на арамейском языке.

В ноябре 1981 г. было запрещено преподавание на армянском языке в армянских школах. В ответ армянские школы не работали одну неделю по всей стране. Когда учащиеся вернулись в школы, то они отказались заниматься или участвовать в занятиях. Давление на армянскую общину продолжало усиливаться. Правительство решило отнять известный стадион «Арагат» в Тегеране, который принадлежал армянской общине⁴². Возможно, что это было личным желанием некоторых политиков, а может быть, это была организованная попытка оказать давление. После всех этих событий Министерство образования выпустило буклеты, в которых было указано, что религиозные меньшинства должны обучаться на персидском языке⁴³. Конфликт продолжался в течение всего 1982 г., стороны вели переговоры, обменивались письмами, продолжались дискуссии между представителями общины и представителями государства. В армянских школах продолжалось преподавание на армянском языке, велись занятия по христиан-

ским основам религии. К началу 1983 г. армянской общине стало ясно, что новый режим угрожает образовательной и языковой автономии. В открытом письме в Министерство образования прелат Артак Манукян передал ряд требований от армянской общины⁴⁴. Армянские депутаты в парламенте продолжали настаивать на взаимной связи между языком, культурой и религией. Они выдвинули аргумент, что если основы христианской религии будут преподаваться не на армянском языке, это будет рассматриваться как попытка обратить мусульманина в эту религию⁴⁵. Но этот шаг не привел ни к какому результату. В ответ на требования армянской общины министр образования сделал следующее заявление: религиозное обучение в школах для всех меньшинств должно вестись на персидском языке, время, выделенное на преподавание на армянском языке, должно быть сокращено и по возможности убрано из учебных программ⁴⁶.

В конце 1983 г. Министерство образования отправило инструкцию прелату А. Манукяну, в которой просило подготовить вопросы, которые будут на экзамене по религии. Вопросы были предоставлены на армянском языке, Министерство попросило их перевод; перевод был отправлен. Министерство попросило, чтобы этот перевод и был использован. Прелат повторил, что, как и в прошлые годы, экзамены будут проводиться только на армянском языке. Министерство на это письмо не ответило, но в день экзаменов вопросы были представлены на персидском языке, при этом было заявлено, что прелат согласился вести экзамены на персидском. Это вызвало недоумение, большинство учащихся отказались сдавать экзамен, в ответ чиновники Министерства образования не стали принимать экзамен⁴⁷.

В ноябре 1983 г. Министерство образования издало формальный указ директорам школ всех религиозных меньшинств, к которому были приложены все пункты, высказанные еще в 1981 г.: преподавание религии должно вестись только на персидском языке; все тексты должны быть согласованы с Министерством образования; все школы должны получить разрешение на проведение любых обрядов, включая и религиозные праздники; женщины-преподаватели и учащиеся должны соблюдать исламские принципы ношения одежды; преподавание на армянском языке должно сократиться до двух часов в неделю⁴⁸.

Несмотря на этот указ Министерства образования, некоторые школы продолжали работать, как и раньше, другие – убрали армянский язык из учебного плана, сократили преподавание

армянского языка до двух часов. В ряде школ продолжали преподавать религию, в других – перестали. В течение 1984 г. давление усиливалось, Министерство образования отменило даже запланированные выборы Епархиального совета⁴⁹.

Весной 1984 г. конфликт по поводу преподавания религии на армянском языке достиг кульминационного момента, когда внезапно закрыли более 12 армянских школ⁵⁰. Государство не уступало, и на одной из пятничных молитв Рафсанджани, который был в то время председателем меджлиса, сказал, что «армянские учащиеся хотят, чтобы преподавали по их религиозным книгам на армянском языке, но это противоречит Конституции ИРИ. Армяне могут изучать свою религию на армянском языке вне государственных школ»⁵¹.

К лету 1984 г. международные СМИ уже открыто освещали этот конфликт по всему миру. Армянская церковь Тегерана выступила с заявлением, в котором осудила внешнее вмешательство. Она назвала конфликт внутренним делом, который необходимо решить дружеским путем, непосредственным диалогом с властью. В этом заявлении подчеркивалась солидарность армянского народа с иранцами в революции и в войне с Ираком⁵². Община была обеспокоена, что любой международный голос, поднятый в защиту армянских прав и против иранского государства, может быть использован, чтобы подорвать авторитет ИРИ и ухудшить отношения между армянами и иранским государством. Напомним, что в тот момент Иран воевал с Ираком, которого поддерживал Запад.

Надо учитывать еще один фактор. Иранские власти столкнулись с дилеммой: если разрешить преподавать армянам на родном языке, то как быть с арабами, с азербайджанцами и т.п.? В связи с этим хотелось бы отметить, что вопрос о том, в какой степени государство должно разрешать отдельным этническим группам развивать свою особую идентичность, является крайне непростым. В конце концов участники конфликта согласились вести занятия на армянском языке два часа в неделю⁵³. Но единообразия по всему Ирану в этом вопросе не было. Например, в Исфахане отводили больше часов для изучения языка (от 6 до 8 часов). В Реште или в Тебризе местные власти контролировали это правило не очень строго. Тегеран отличался большей строгостью и жесткостью контроля над национальными школами. Там за решением проблемы необходимо было обращаться непосредственно в Министерство образования, а в провинции можно было апеллировать к местному ведомству образования⁵⁴.

Таким образом, языковой конфликт говорит о некоторых интересных чертах теократического режима и о его отношении к религиозным меньшинствам. Судя по всему, у исламского режима не было единообразной и строгой позиции, позволялось высказывать разные мнения, отношения между меньшинством и властью нередко зависели от позиции местной власти и ее отношений с центром.

Любопытен еще один эпизод. Для изучения религии в школах религиозных меньшинств в Иране была выпущена книга «Религиозные учения для религиозных меньшинств: евреев, зороастрийцев и христиан». Автор книги не известен, и она использовалась только на курсах по религии, разрешенных в школах для религиозных меньшинств. Этот курс преподавался мусульманскими преподавателями (3 часа в неделю). Содержание книги частично исламское, частично общего духовного характера. Представители национальных меньшинств неоднократно отправляли против этой книги индивидуальные и коллективные письма-протесты. Возражения недовольных были следующими:

1) учебник нарушает ст. 13 Конституции ИРИ, которая гарантирует свободу «религиозного воспитания согласно своему учению»;

2) поскольку в книге приведены и открытые, и скрытые смыслы, выдержки из Корана, это означает, что ее целью является распространение ислама среди обучающихся представителей национальных (конфессиональных) меньшинств;

3) требование обнародовать имя автора и степень его образованности.

В письмах также подчеркивалось, что иудеи, зороастрийцы и христиане сами могут подготовить религиозные учебники для своих общин. Недовольство достигло своего апогея в 1982 г. Письма были проигнорированы. Необходимо напомнить, что все учебные пособия, изданные при шахе, были пересмотрены спустя девять недель после того, как аятолла Хомейни вступил в 1979 г. на иранскую землю. Новые учебные пособия жестко критиковали западный национализм, социализм, сионизм, светский образ жизни.

Пик проблем с религиозными и этническими меньшинствами пришелся на разгар исламской революции. Новые иранские власти запретили представителям религиозных меньшинств занимать руководящие должности, а также нести службу в армии. В первые годы после революции немусульмане не допускались к работе, связанной с общественным питанием, поскольку счита-

лось, что они могут осквернить пищу для мусульман. Дискриминация в отношении религиозных меньшинств осуществлялась и в армии. В самом начале революции в иранском парламенте в ходе обсуждения законов о военной службе было принято решение, что при призыве в армию немусульмане могут служить только как рядовые; они не имели права работать в Министерстве обороны и в его учреждениях или подниматься вверх по служебной лестнице. Запреты объяснялись тем, что если немусульманин достигнет определенных высот по службе, то в таком случае он станет отдавать приказы мусульманину, а это противоречит Корану и Конституции ИРИ, в которой говорится, что «армия в Иране является исламской»⁵⁵ и вся страна подчиняется исламскому правительству. Представители религиозных меньшинств выступили с протестами, потребовав, чтобы положение в Законе о военной службе о том, что «работник должен быть мусульманином», заменили на «должен принадлежать к одной из официально признанных религий в стране». Требование представителей религиозных меньшинств одобрено не было⁵⁶.

Примечания

- ¹ Очень сложно, а вернее, почти невозможно, получить точные данные о численном составе религиозных меньшинств Ирана: разные источники дают различную информацию, разброс цифр достаточно велик. Есть основания полагать, что некоторые источники стараются скрыть число мусульман, перешедших в другую религию, тогда как другие источники могут, наоборот, преувеличивать численность представителей религиозных меньшинств.
- ² Статья 13 Конституции ИРИ гласит: «Иранские зороастрийцы, иудеи и христиане являются единственными религиозными меньшинствами, которые могут свободно осуществлять свои религиозные обряды в рамках закона и поступать в гражданских делах и в сфере религиозного воспитания согласно своему учению» (Весна свободы. – М., 1994. – С. 73).
- ³ Статья 15 Конституции ИРИ гласит: «Официальным и общим языком и алфавитом для иранского народа являются персидский язык и персидский алфавит. Официальные документы и тексты, официальная переписка и учебники должны быть написаны на этом языке этим алфавитом, однако местные национальные языки могут свободно использоваться наряду с персидским языком в прессе и иных средствах массовой информации, а также для преподавания национальных литератур в школах» (Весна свободы. – М., 1994. – С. 73–74).
- ⁴ Подробнее см.: Дорошенко Е.А. Зороастрийцы в Иране. (Историко-этнографический очерк). – М., 1982.
- ⁵ См.: Раванди-Фадаи Л.М. Еврейская и армянская диаспоры в Иране: Гуманитарный аспект. – <http://www.central-eurasia.com/iran/?uid=348>

- ⁶ Подробнее о религиях в Персии см.: протоиерей Смирнов А.В. Курс истории религии. – М., 2013. – С. 207–227.
- ⁷ Члены католического монашеского ордена, связанного традициями с духовностью монахов-отшельников (эремиты) с горы Кармель (Палестина) во второй половине XII в.
- ⁸ Для подробного ознакомления распространения христианства в Иране см.: Russell. Christianity. P. 523–528; Sundermann W. Christin Manicheism. P. 535–539; Armajani Y. Christians – Christian Missionsin Persia. – P. 544–547. – Encyclopaedia Iranica. Vol. V. L, 1973; а также: Waterfield R.E. Christians in Persia: Assyrians, Armenians, Roman Catholics and Protestant. – L, 1973. – P. 175–176.
- ⁹ Joseph J. Muslim-Christian Relations and Inter-Christian Rivalries in the Middle East: The case of the Jacobites in an Age of Transitions, Albany. – N.Y., 1983. – P. 38–39.
- ¹⁰ Waterfield R.E. Op. cit. – P. 165.
- ¹¹ Schwartz R.M. Missionaries on the Rezayeh Plain. – Iran, Muslim World, 69, № 2 (апрель 1979). – P. 81.
- ¹² Waterfield R.E. Op. cit. – P. 169.
- ¹³ См.: Раванди-Фадаи Л.М. Еврейская и армянская диаспоры в Иране: гуманитарный аспект.
- ¹⁴ Joseph J. The Nestorians and Their Muslim Neighbors: A Study of Western Influence on Their Relations. Princeton, 1961. – P. 3–18.
- ¹⁵ Joseph J. Muslim-Christian Relations and Inter-Christian Rivalries in the Middle East. – P. 150.
- ¹⁶ Naby E. The Iranian Frontier Nationalities: The Kurds, the Assyrians, the Baluchis, and the Turkmens. – Soviet Asian Frontiers. N.Y., 1979. – P. 84.
- ¹⁷ Jay M. Rasooli, Cady H. Allen. The Life Story of Dr. Sa'eed of Iran: Kurdish Physician to Princes and Peasants, Nobles and Nomads. Pasadena (CA), 1983. – P. 23.
- ¹⁸ Yacoub J. The Assyrian Question. Chicago, 1986. – P. 5.
- ¹⁹ Ishaya A. Family and Household Composition Among the Assyrians of Iran: The Past and the Present. – Women and the Family in Iran. Leiden, 1985. – P. 215.
- ²⁰ Macuch R. Assyrians in Iran: The Assyrians Community (Asurian) in Iran. – Encyclopaedia Iranica. – Vol. II. – P. 820.
- ²¹ Комиссия 61 сессии, 15 абана 1358. – P. 1667–1668.
- ²² Yacoub J. The Assyrian Question. Chicago, 1986. – P. 5.
- ²³ Joseph J. The Nestorians and Their Muslim Neighbors. – P. 38–39.
- ²⁴ Ibid. – P. 120–129.
- ²⁵ Ishaya A. Op. cit. – P. 221.
- ²⁶ Sanasarian E. Religious Minorities in Iran. – N.Y., 2000. – P. 43.
- ²⁷ Joseph J. Muslim-Christian Relations and Inter-Christian Rivalries in the Middle East. – P. 144–146.
- ²⁸ Министерство называлось Vezarat-e ErshadeEslami (Министерство исламской ориентации) до того, как в парламенте изменили название на Vezarat-e Farhangva Ershad-e Eslami (Министерство культуры и исламской ориентации). В ведении министерства находятся паломничество, туризм, издательские дома и публикации в ИРИ, а также все новостные агентства (СМИ).

- ²⁹ Ruznameyerasmi: Mozakerate Jalaseye Alaniye Shoraye Islami, Mashruh-e Mozakerat-e Majles-e Shoraye Eslami (Tehran: Majles-e Shoraye Eslami), 30 Azar 1365. – P. 27.
- ³⁰ Единственный, кто отказался подписывать эту декларацию, был президент Совета протестантской церкви в Иране епископ Хаик Ховсепян (в 1994 г. его не стало). См.: Mexr Mojdeh 15, № 1–2 (весна-лето 1994). – С. 4.
- ³¹ Mozakerat-e Majles, 9 Ordibihesht 1361, 303. – P. 15.
- ³² Личное интервью автора со старостой Армянской церкви в Тегеране в 2000 г.
- ³³ Sanasarian E. Op. cit. – P. 74.
- ³⁴ Ibid. – P. 75.
- ³⁵ Структура иранской судебной системы довольно сложная. Она разделена на пять видов судов: специальные гражданские суды, которые рассматривают личные дела и семейный закон; общие суды, которые относятся к гражданским делам; уголовный суд, который разделен на два уголовных суда; военный суд и исламские революционные суды.
- ³⁶ Parviz Malekpoor. Soroosh, 17 Mordad 1360. – P. 108.
- ³⁷ Sanasarian E. Op. cit. – P. 77.
- ³⁸ Ibid.
- ³⁹ Chashm Andaaз 57, September 1997. – P. 80.
- ⁴⁰ Sanasarian E. Op. cit. – P. 77.
- ⁴¹ Mozakerat-e Majlis, 16 Day 1365, 359. P. 18 и от 12 Khordad 1362, 473. – P. 14.
- ⁴² Iran Times, 4 December 1981. – P. 6.
- ⁴³ Alik, 19 January 1983. – P. 2.
- ⁴⁴ Iran Times, 15 April 1983. – P. 5.
- ⁴⁵ Mozakerat-e Majles: 9 Ordibehesht 1361, 303. P. 15; 16 Shahrivar 1361, 356. P. 17–19; 12 Khordad 1362, 473. – P. 14.
- ⁴⁶ Iran Times, 15 April 1983. – P. 5.
- ⁴⁷ Iran Times, 2 September 1983. – P. 1, 6, 14.
- ⁴⁸ Sanasarian E. Op. cit. – P. 80.
- ⁴⁹ Iran Times, 27 April 1984. – P. 2, 16.
- ⁵⁰ Iran Times, 8 June 1984. – P. 2.
- ⁵¹ Iran Times, 22 June 1984. – P. 2.
- ⁵² Iran Times, 6 July 1984. – P. 2, 16.
- ⁵³ Sanasarian E. Op. cit. – P. 82.
- ⁵⁴ Ibid. – P. 83–84.
- ⁵⁵ Статья 144 Конституции ИРИ гласит: «Армия Исламской Республики Иран должна быть исламской, т.е. религиозной и народной армией, и должна принимать на службу достойных лиц, преданных целям исламской революции и готовых пожертвовать ради них» (Весна свободы. – V/? 1994/ – С. 94).
- ⁵⁶ Sanasarian E. Op. cit. – P. 84–93.

«Государство, общество, международные отношения на мусульманском Востоке», М., 2014 г., с. 298–310.

А. Аллави
КРИЗИС В ИРАКЕ И ГРЯДУЩИЙ ПОРЯДОК
НА БЛИЖНЕМ ВОСТОКЕ.
(Размышления из прошлого
о наступившем будущем)

Что такое Ирак? Я задаю этот вопрос, потому что он – в самом сердце великого кризиса, который мы переживаем. Это не нация в традиционном смысле, поскольку у Ирака отсутствуют важные элементы государственности. Эрнест Ренан точно подметил: то, что нация предпочитает забыть, сплачивает ее не меньше, чем то, что люди помнят. Память у нации должна быть избирательной. Это очевидно, сколь настойчивыми ни были бы потуги арабских националистов превратить Ирак в уникальное арабское государство – метафорический и фактический оплот арабизма.

Ирак также не является нацией с династическими или монархическими традициями. Его нельзя сравнивать, например, с Саудовской Аравией. Ее границы были установлены в ходе завоеваний, и она является, возможно, единственной страной на Ближнем Востоке, напоминающей европейские национальные государства, корни которых уходят в королевские семьи. Почти 40 лет Ираком управляли хашимиты, но внедрить династическую идею в национальное сознание им не удалось. Иракцы не были готовы приравнять свою государственность к хашимитской династии, несмотря на геркулесовы усилия, предпринятые королем Фейсалом I. Иордания – пример намного более успешного государственного строительства хашимитов, в основном благодаря политическому гению короля Хусейна. Но и там пока рано приравнивать государство к династии.

Иракская нация не строится и на доминировании конкретного класса или общественной структуры, такой как армия. До недавнего времени иракские Вооруженные силы были самым могущественным институтом в стране и играли ключевую роль в насаждении официальной идеологии. Ирак даже считался «арабской Пруссией», поскольку военные воплощали национальные добродетели. Но в отсутствие юнкеров, которые сформировали бы основу офицерского сословия, идея армии в качестве ядра нации так и не пустила корни.

География также не определяющий фактор для иракской нации. Границы современного Ирака не совпадают с границами Древней Месопотамии – Страны двух рек, или «аль-Рафидаин» на

арабском, поскольку в ней весьма некстати высятся горы, населенные другими национальностями, простираются огромные пустыни, по которым бродят племена кочевников. Принадлежность к «рафидаинам» вряд ли может служить основой для иракской государственности, хотя патриотическая песня молодежи 1930-х годов начиналась словами: «О, сыны Рафидаина, бейтесь за свою страну!»

Ирак с его неочевидной географией не имеет цивилизационного единства, присущего, допустим, Большой Сирии или Долине Нила. И эпитет «Плодородный полумесяц», применявшийся достаточно вольно для включения Ирака в Большую Сирию, ничего не дал с точки зрения государственного строительства.

Национальную идентичность Ирака также невозможно построить вокруг религии. Мусульмане составляют подавляющее большинство иракского населения, но идея формирования нации мусульманами Ирака по примеру мусульман Британской Индии не имеет смысла, если только речь не идет об исламистском государстве. Это совершенно иной вопрос. Лишь сравнительно недавно мусульмане-шииты Ирака были признаны большинством этого арабского государства. Подобная концепция и модель не просто противоречива – неясно, в какой степени Ирак может отождествляться с населяющим его шиитско-арабским большинством.

Эту нацию также не построить вокруг почти мистической привязки к основополагающей идее или Конституции, наподобие Конституции США, Великой хартии вольностей, демократии или Декларации прав человека. Иракские конституции были примитивными и утилитарными. Составлялись они под конкретные цели для регулирования или придания легитимности достигнутым договоренностям. Вряд ли американцы с таким же пиететом относились бы к основополагающему документу своей страны, будь он состряпан за несколько недель горсткой политиков под бдительным присмотром французских экспедиционных сил. В этом случае не было бы места ни Джефферсону, ни Гамильтону, ни Мэдисону, ни «Запискам федералиста».

И Ирак – это не нация, построенная на обломках империи, наподобие Турции или Ирана, хотя там находился престол всемирной империи Аббасидов. Сознание славного прошлого, безусловно, присутствует, хотя оно и не всегда уместно. Ирак действительно считается колыбелью целого ряда древних цивилизаций, но нынешнее население может опираться на них в качестве источника национальной идентичности еще в меньшей степени, чем жители

современной Греции – апеллировать к Древним Афинам и Спарте. Иракцы не могут присвоить себе великое наследие Древнего Вавилона и Ассирии по примеру сегодняшних греков, которые используют славную историю античной Греции при обосновании современной государственности. Археология – не лучшее подспорье для национально-государственного строительства в Ираке.

В мире есть всего несколько стран, обладающих таким же сложным национальным достоянием и наследством, как современный Ирак. Как правило, преобладает одна идентичность или преданность какой-то одной идее, которая становится «хребтом нации», однако в Ираке всё иначе. Это нация раздроблена по той простой причине, что попытка навязать какую-то одну идентичность потерпела крах. Возникает вопрос: можно ли создать единую нацию из разрозненных частей?

Уверен, что это возможно. Но только если признать, что разрозненные части реальны и имеют подлинную связь с целым. Не так, как в странах, состоящих из разнородных частей, сосуществующих в силу географических причуд или из-за невозможности отказаться от своего геополитического статуса.

В Ираке живут представители разных наций, религий, сект, культур и племен. Но Ирак – не мультикультурное или многонациональное общество в современном плюралистическом смысле. Он не наследовал институционализированную многонациональную систему, свойственную Османской империи, или противоречивую мультикультурную среду, которую иммигранты привносят сегодня в страны Запада. Возможно, в прошлом и существовал значительный потенциал для внутринационального примирения и согласия как следствие потребности приспособливаться или сосуществовать на протяжении долгих столетий. Но это естественное согласие было серьезно подорвано за прошедшие десятилетия – как во время баасистской диктатуры, так и в период после вторжения и оккупации.

В Ираке мы видим осколки разнородных народов и культур, оставшиеся после долгих веков иностранного владычества, когда страна входила в чужие империи. И они были объединены в одном государстве не на более прочных основаниях, чем Турция после грязной сделки о ее разделе, заключенной в 1917 г. между господами Марком Сайксом из лондонского Уайтхолла и Франсуа Жоржем-Пико из Парижа. Границы были позже уточнены на Каирской конференции 1921 г., а в 1926 г. к Ираку присоединена бывшая провинция Османской империи под названием Мосул.

Не то чтобы это было совсем уж надуманное и искусственное образование, как утверждали некоторые, но Ирак – не такая «естественная» нация, как, например, Египет. Ее контуры определялись государством. А первое иракское государство, образованное в 1921 г. и бесславно закончившее свой путь в 2003-м, внесло еще большую путаницу.

Вторая попытка

Недееспособность первого иракского государства стала притчей во языцех и зерном для мельницы историков. Не буду останавливаться на этом слишком подробно. Все три его разновидности – монархия, республика и, наконец, баасистская диктатура – оказались неспособны создать основы равноправного гражданства или представительного и ответственного правительства, не говоря уже о прочной государственности. Однако я твердо верю, что первое иракское государство могло бы преодолеть первоначальные проблемы при более мудром и дальновидном руководстве. Но ранняя смерть Фейсала I лишила его возможности сформировать государственную конструкцию, которая не обслуживала бы исключительно интересы узких фракционных групп. Затем пронеслись политические ураганы, сотрясавшие Ближний Восток в 1940-е годы и позже.

У первого иракского государства было несколько возможностей освободиться от своего наследия. Одна из них – период поздней монархии в 1950-е годы, совпавший с накоплением большого суверенного богатства благодаря нефти. Завершилось всё кровавым переворотом 1958 г., который положил конец монархии. Другой шанс представился, когда в середине 1960-х годов премьер-министром стал либеральный Абд-эль-Рахман аль-Баззас. Все кончилось тем, что после гибели в авиакатастрофе президента Арефа власть в 1965 г. захватили военные. Волны либерализации накатывали и быстро отступали. Люди тогда не слишком горевали по поводу упущенных возможностей, но теперь, когда мы оглядываемся назад, становится понятно, что именно в такие моменты первое иракское государство могло бы свернуть с пути диктатур и войн к мирному национальному строительству и избежать последующего краха.

Вторгшись в Ирак, оккупационные силы США стали повитухой, которая помогла появиться на свет второму иракскому государству. Однако оккупационные власти демонтировали опоры

старой государственности прежде, чем стали вырисовываться контуры новой. Поскольку прежние правила объявили недействительными, а следующие еще не сформулировали, госаппарат Ирака вышел из-под контроля. Какие-то его составляющие просто развалились, какие-то перестали функционировать, а некоторые оказались безнадежно коррумпированными. Второму иракскому государству угрожают не только приверженцы прежнего режима и радикальные джихадисты, объявившие войну Америке, но и соседние страны. Все они за исключением Кувейта ощущают прямую угрозу из-за беспрецедентных перемен, происходящих в Ираке, притом каждая – по собственным соображениям. Баланс сил на Ближнем Востоке кардинально изменился.

На первом этапе периода, начавшегося после вторжения 2003 г., наметились основные черты нового государства. Если первое иракское государство опиралось на централизованную власть, сильную армию, доминирование арабов-суннитов, авторитарную политическую культуру и утверждение арабской идентичности Ирака, второе сменило почти все приоритеты на их противоположность. Кризис 2003–2007 гг. заключался в лихорадочном поиске отличительных черт нового Ирака и ожесточенном сопротивлении разных групп, стремившихся обратить вспять перемены и либо вернуться к прежнему статус-кво, либо предложить совершенно иную государственную структуру и цели. Политический процесс, начавшийся после передачи суверенитета иракскому переходному правительству в июне 2004 г., концентрировался на фундаментальных вопросах, хотя основные игроки не формулировали их в таких терминах.

Соединенные Штаты стремились говорить о новом Ираке с позиций демократии, свобод и прав человека, а также построения институтов современного демократического государства. Они и несколько иракских либералов считали, что создание основ демократии и правового государства позволит снять внутривнутриполитическую напряженность и разрешить все конфликты с помощью механизма выборов, принятия Конституции и защиты прав человека.

Все эти цели были закреплены в новой Конституции, но на деле они помогли завуалировать и затмить собой более серьезную подковерную борьбу. Именно на этом уровне вспыхивали стихийные стычки на политических съездах и в ходе важнейших событий, когда предпринимались попытки выработать критерии и наметить новые ориентиры развития.

Способны ли шииты Ирака, будучи демографическим большинством, реализовать свое естественное право на создание новых государственных структур и доминировать в них? Речь идет прежде всего о ключевых ведомствах, таких как министерства безопасности и обороны. В состоянии ли курды превратить автономию в нечто более значимое – конфедерацию с Ираком либо самостоятельное курдское государство? Смирятся ли арабы-сунниты с потерей власти, пусть и от рук иностранного оккупанта? Должно ли арабское государство лишиться унитарности и стать федеративным или даже конфедеративным? Откажется ли Ирак от борьбы за общее дело всех арабов – в частности в том, что касается исхода арабо-израильского конфликта? Перестанет ли Ирак быть враждебным Ирану? Займут ли шииты командные посты в новом Ираке и будут ли они играть руководящую роль? Потребуют ли США особого признания и статуса за вклад, который они внесли в построение нового Ирака? Все эти вопросы запутались еще больше из-за недееспособности государства, невероятного уровня насилия и борьбы против повстанцев и «Аль-Каиды».

Гражданская война

До нападения на гробницы в Самарре в феврале 2006 г. необъявленная подпольная война между Соединенными Штатами и повстанцами, между «Аль-Каидой» и шиитским гражданским населением не затрагивала широкие слои общества. После этих событий ландшафт полностью изменился. Могу без колебаний заявить, что Ирак пережил гражданскую войну с февраля 2006 по лето 2007 г. Повстанцы, «Аль-Каида», представители партий арабов-суннитов в правительстве противостояли ополченцам из Армии Махди (шиитские полувоенные отряды. – *Ред.*), бригадам Бадра (организация, курирующая МВД. – *Ред.*), а также материально-технической и кадровой поддержке, оказываемой частями Иракской армии и силами безопасности. Это не были две организованные силы, сражающиеся общепринятым способом, как происходит в большинстве других гражданских войн. Имели место стычки на местном уровне с применением всех разновидностей тактики: произвол, убийства, теракты с использованием камикадзе, политические покушения, изгнание с насиженных мест и террор, делавший невыносимой жизнь невинных людей и их семей. Официальное правительство просто наблюдало и выступало с пус-

тыми заявлениями, но шиитские партии были в полной мере вовлечены в подготовку войны и боевые действия.

Война началась не на пустом месте. Уже в 2005 г. налицо были все признаки ее приближения. Большую часть грязной работы выполняла Армия Махди. Другие снабжали ее оружием, деньгами и разведданными. В конце концов, хоть мне и неприятно об этом говорить, война завершилась очевидной победой одной из сторон. Шииты взяли Багдад под полный контроль и были готовы наводнить западные пригороды; вряд ли их можно было остановить, если бы не многонациональные силы, остановившие это наступление. На войне были убиты десятки тысяч человек – преимущественно арабы-сунниты. Итог – миллионы перемещенных лиц, этнические чистки или принудительная ссылка многих людей. Целые районы стали этнически однородными.

В чем был смысл противостояния? Это не только ограбления и расхищение частного и государственного имущества, рвущиеся к власти командиры ополчений, садистские убийства и зверства. На кону стояла идентичность нового Ирака, особенно с точки зрения долговременного перехода власти от ранее доминировавших в управленческих структурах арабов-суннитов к постоянно усиливающемуся шиитскому большинству. На другом уровне война велась за то, каким после американского вторжения будет институциональное, судебное-правовое и политическое устройство, то самое второе иракское государство. Война закончилась, когда повстанцы – опора прежнего режима в лице военных и офицеров службы безопасности, функционеров баасистской партии и вождей племен – признали, что не смогут победить по двум фундаментальным причинам. Первая – демографическое преобладание шиитов; вторая – контроль шиитских партий над новым иракским государством – его ресурсами и формирующимися силами безопасности. Еще один мощный фактор, по моей оценке, заключался в том, что массовый исход арабов-суннитов из Ирака привел к резкому сокращению суннитского населения в главной агломерации – Багдаде.

Долговременный мятеж невозможно поддерживать при ухудшающейся демографии. Это вынудило повстанцев – конечно, не «Аль-Каиду», – вступить в диалог с американцами. Они в основном выбрали проявление лояльности, но, подчеркиваю, не правительству Ирака, а американским военным, представляя себя в качестве противоядия «Аль-Каиде» и оплота против иранского проникновения в Ирак. В этом суть так называемых «Советов про-

буждения – Сахват». Зверства «Аль-Каиды» и стратегические просчеты, связанные с ужасами массового террора, возможно, оттолкнули от нее население. Но главными побудительными мотивами был холодный расчет и признание того, что новый иракский порядок невозможно уничтожить бомбами и терактами.

Я также считаю, что, осознанно или нет, два государства, оказавшие наибольшее влияние на кризис в Ираке, – США и Иран – участвовали в гражданской войне. Иран, безусловно, сыграл роль советника и помощника шиитского ополчения в преддверии гражданской войны и во время сражений. Соединенные Штаты не помогали ни одной из воюющих сторон для подавления насилия или патрулирования районов, находившихся под угрозой, пока наступление шиитов не привело к депопуляции суннитов в Багдаде. Арабские страны, на помощь которых повстанцы рассчитывали, не пришли на выручку иракским суннитам-единоверцам.

Объявленная «Аль-Каидой» стратегия раздувания гражданской войны в Ираке в качестве прелюдии к региональной войне между суннитами и шиитами провалилась. Арабы слишком испугались последствий открытой поддержки одной стороны против другой, а также дестабилизации ситуации у себя. Они также не знали, как поведут себя американцы, поэтому поступили так, как поступают обычно, когда особого выбора нет, – не делали ничего.

Окончание гражданской войны в Ираке не разрешило множества других проблем, они только усугублялись. Но завершилась первая стадия кризиса, разразившегося после вторжения. Произошли грандиозные и необратимые перемены, как положительные, так и отрицательные, в зависимости от того, с какой стороны смотреть. Однако остался просто-таки рой тяжелых дилемм и неразрешенных споров. Они – суть компоненты второго, нынешнего этапа мук, в которых рождается и становится на ноги второе иракское государство.

Проблемы иракского становления

Региональные требования курдов, статус Киркука, природа иракского федерализма, провинциальные и региональные державы, развитие нефтяной промышленности, разделение доходов и поправки к Конституции – все эти вопросы ждут разрешения. Но парламентские фракции составлены почти исключительно по религиозно-этническому принципу, и эти факторы предопределяют их тактику и поведение.

Нынешняя правящая коалиция основана на крепком альянсе между курдскими партиями и Исламским верховным советом (ИВС), лидером которого является Абд эль-Азиз аль-Хахим. Этого оказалось недостаточно, чтобы обеспечить руководство страной и определить направление ее развития, особенно с учетом многих вопросов, согласия по которым достичь не удалось. В качестве примера можно привести потенциальную уступку требованиям курдов относительно проведения раннего референдума по Киркуку или предоставления им права вести переговоры о собственных нефтяных контрактах. Иракцы арабского происхождения не спешат удовлетворять курдские запросы. Последние обычно ожидают поддержки своей позиции от шиитов, но политики-шииты расколоты на два лагеря: сторонников федерализма и унитарного государства. Особенно отчетливо это проявляется в наши дни, когда замаячили перспективы формирования безраздельной власти в Багдаде.

Возможность паралича власти существует всегда, поэтому споры могут вестись еще долго, прежде чем возникнет национальный консенсус по поводу их разрешения. Правящий альянс также раздираем серьезным внутренним противостоянием. Между основными группами влияния внутри шиитского блока не прекращаются трения, которые часто выплескиваются на улицы в виде насилия и открытой конфронтации. Продолжается борьба за власть над южными провинциями с преимущественно шиитским населением, включая контроль над провинциальными собраниями и правительствами. Нередки случаи контрабанды, вымогательства, рэкета, предоставления «крыши», захвата влияния в нефтяной индустрии. Арабам-суннитам в правительстве, особенно Исламской партии вице-президента аль-Хашеми (бежал из Ирака в 2012 г., заочно приговорен к смерти. – *Ред.*), бросают открытый вызов Советам пробуждения, которые стремятся вытеснить эту партию и стать главной суннитской силой. Даже курдское руководство сталкивается с растущим разочарованием и недовольством внутри Курдистана из-за своего авторитарного стиля, вытеснения других политических групп на периферию, преобладания кумовства и узких интересов в экономике региона.

Повседневное управление в Ираке чудовищно. Чиновничий аппарат функционально парализован, любое начинание душится на корню некомпетентностью, утомительными процедурами, отсталой системой и непрозрачностью ведения дел. Коррупция просто зашкаливает в высших эшелонах, включая кабинет

министров, региональные власти и местных правителей (губернаторов). Коррупция в Ираке – вопрос национальной безопасности, поскольку она может уничтожить всякие шансы на успешное восстановление национальной экономики.

Однако я не верю, что эти проблемы приведут к распаду страны или очередному всплеску гражданской войны. «Аль-Каида» не ушла, но ее влияние слабеет. С благословения американцев повстанцы провели «ребрендинг» и с легкой руки экспертов по общественным связям называются теперь «встревоженными местными гражданами». Всего несколько месяцев назад руки большинства этих парней были по локоть в крови! Муктада аль-Садр занимается модернизацией Армии Махди, которая, возможно, будет главным противником нынешнего статус-кво.

Институты нового порядка постепенно закрепляются в обществе, и вокруг них формируется другая политическая культура. Происхождение у них демократическое, но они пока не пользуются таким уважением, как в более зрелых демократиях. Есть антикоррупционные комитеты, которые сами погрязли в коррупции. Есть избирательные комиссии, открыто встающие на сторону той или иной партии. Суды, где судей регулярно подкупают. Парламент, который больше похож на театр и грешит злоупотреблениями и массовым отсутствием депутатов при голосовании, что уже стало обыденным. Политические партии, которые суть не более чем инструменты личной власти. Парламентарии и высокопоставленные чиновники, которые лгут, рассказывая о прекрасном образовании и высокой квалификации. Министры, которые десятилетиями оставались не у дел, а теперь фамильярничают с сильными мира сего. Это политическое сословие, унаследовавшее власть, и теперь оно держится за нее крепче, чем за жизнь. Вся шаткая конструкция пока не рухнула благодаря двум факторам: ценам на нефть и невероятно дорогостоящим и упорным усилиям США по сохранению страны, поскольку они понимают, что эта ситуация была отчасти вызвана грубыми просчетами самого Вашингтона.

Ирак сегодня купается в наличности благодаря продажам нефти по цене выше 90 долл. за баррель. Золотовалютные резервы Центрального банка Ирака оцениваются в 25 млрд долл. (данные 2009 г. – *Ред.*). Министерство финансов постоянно добивается профицита бюджета вследствие незапланированного роста нефтяных доходов. Государственный бюджет позволяет трудоустроить сотни тысяч человек; грубейшие просчеты в планировании и управлении экономикой исправляются с помощью практически

безграничных потоков наличности. Население выигрывает от самого щедрого и всеобъемлющего плана снабжения бесплатным продовольствием, принятого мировым сообществом. Все государственные служащие могут рассчитывать на щедрое пенсионное обеспечение. Нефтяное проклятие нанесло удар по Ираку, равно как и «Голландская болезнь», из-за которой иракский динар стал на 15% дороже доллара США.

Однако нефть не только дает, но и берет. Падение цен, скажем, до уровня 50 долл. за баррель – маловероятный сценарий, но его нельзя полностью исключить. Он приведет к катастрофическим последствиям для экономики и уничтожит способность правительства использовать бюджетные средства в качестве камуфляжа собственной некомпетентности и коррумпированности, а также финансировать с их помощью силы безопасности и субсидировать разные отрасли национальной экономики.

Американское присутствие – совсем другое дело. Многонациональные силы сохраняют на плаву правительство Ирака и играют важнейшую роль в противодействии «Аль-Каиде». Но неясно, к каким последствиям приведет их уход из страны. Не верится, что Советы пробуждения сумеют снова стать серьезной повстанческой силой. На этот раз арабско-суннитское население будет гораздо более уязвимым, чем в мрачные дни 2006–2007 гг. Силы безопасности преодолеют частичную независимость от религиозной принадлежности и будут полностью отождествляться с шиитскими партиями. При таком раскладе новый мятеж лишь еще больше осложнит жизнь арабов-суннитов в Ираке. В то же время сокращение вооруженных сил США может вынудить правительство взять на себя больше ответственности за безопасность и таким образом скорректировать баланс сил, чтобы улучшить положение суннитской общины. Единственными реальными бенефициарами присутствия американских военных в стране являются Советы пробуждения, которые держатся за Соединенные Штаты, видя в них противовес шиитскому доминированию. В меньшей степени от американского контингента зависит правящая коалиция в Багдаде, которой придется отвлекать все больше ресурсов и прилагать все больше усилий для обеспечения безопасности.

* * *

События последних пяти лет перевернули вверх дном региональный порядок на Ближнем Востоке. Второе иракское государст-

во должно стремиться найти способы успокоить соседние страны, выражающие законную озабоченность. Одновременно следует убеждать в необходимости принять новое устройство общества, которое укрепит экономику и обстановку в разных государствах, защитит права граждан и остановит процесс радикализации и талибанизации молодежи. Одним из неприятных и опасных побочных эффектов иракского кризиса стало усугубление религиозных разногласий между шиитами и суннитами во всем мусульманском мире.

В Ливане этот фактор становится определяющим. Усиление шиитов в Ираке уже воспламеняет антишиитскую риторику, которая удивительным образом напоминает кампанию Саудовской Аравии по сдерживанию иранской революции в 1980-е годы. Последствием ее стало тогда появление джихадистской культуры, предвестницы массового терроризма и терактов в исполнении камикадзе.

Путь, который выберет Ирак или по которому он будет вынужден следовать в ближайшее десятилетие, изобилует колоссальными рисками и одновременно возможностями. Тупиковая ситуация может сохраниться и после окончания переходного периода или на втором этапе кризиса – возможно, до середины следующего десятилетия (2010-е годы. – *Ред.*). Конечным итогом вполне может явиться приход полудемократии с авторитарными чертами в виде доминирования клики политических семей, поддерживаемой нефтяными доходами. Главной проигравшей стороной рискует оказаться народ Ирака, который заплатит высокую цену в виде упущенных возможностей и высоких издержек из-за долгого обучения и формирования нового политического класса.

Аналогичный путь прошли некоторые постсоветские страны, где переходные периоды были затяжными и бурными. Однако наиболее подходящий аналог – Ангола или Нигерия, богатая, но коррумпированная страна. Гигантское достояние оказалось в руках нескольких господствующих кланов, тогда как остальное население обездолжено и борется с нищетой; недемократические кулуарные интриги и игры ведутся между политиками и их партнерами из мира бизнеса под прикрытием красивого демократического фасада.

Перемены возможны. В этом беспорядке и хаосе все еще брезжит надежда на лучшее будущее для Ирака. Однако необходимо выполнить ряд условий.

Во-первых, нужны серьезные попытки по созданию нового политического центра в Ираке в процессе подготовки к общим вы-

борам 2009 г. Нет сомнений в том, что люди негодуют в связи с общей некомпетентностью и коррумпированностью правительства. Также не оставляет ощущение, что у политики, которая определяется религиозной принадлежностью, нет будущего, и она не должна доминировать во внутривнутриполитической жизни Ирака. Конечно, если Ирак не окажется расколот на ярко выраженные этнические или религиозные анклавы. Но самого по себе этого недостаточно, чтобы участь страны решительно изменилась к лучшему. Нужна генеральная стратегия, кардинальный план развития, отчасти основанный на необходимости сформировать из разнородных частей элементы единой государственности и опирающийся на более эффективное государственное управление. Этот план и посыл должны бросить вызов глубоко укоренившейся политике идентичности и самоопределения разных групп и преодолевать ожесточенное сопротивление религиозных, этнических и идеологических партий любым внутривнутриполитическим переменам.

Всякое новое движение должно научиться справляться с тем обстоятельством, что правящие альянсы лучше финансируются – часто по причине разворовывания государственных активов, рэкета и вымогательства в обмен на предоставление «крыши» – и лучше защищены вооруженными формированиями, ополчениями и армией.

Второе условие – составление плана, призванного примирить весь Ближневосточный регион с необратимыми переменами, которые произошли в Ираке. Требуется общерегиональный экономический и политический план. Ирак не может позволить, чтобы к нему относились как к пустому месту или перевели на карантин, что, похоже, происходит почти со всеми арабскими странами Ближнего Востока. Багдаду следует стать инициатором снижения напряженности в регионе, а также более энергичной региональной интеграции. Он должен активно отстаивать формирование наднациональных структур, преследующих цель углубить экономическую интеграцию и гармонизацию законодательств государств региона. Возможно, потребуется создать организацию регионального развития, которая помогла бы разработать и профинансировать общую политику в сфере энергетики и инфраструктуры.

Наконец, важнейшим конечным итогом был бы региональный пакт безопасности, в соответствии с которым арабские страны Ближнего Востока создали альянс с Ираном и Турцией – поначалу в целях борьбы с терроризмом, а впоследствии и для более широкого взаимодействия по обсуждению и разрешению вопросов

безопасности всего региона. Это также означало бы созыв форума, способного возглавить борьбу с распространением вредоносных и заразных, сектантских и человеконенавистнических идеологий, а также заложить фундамент для мирного сдерживания и снятия тревоги, которая не дает покоя некоторым государствам, опасющимся очевидного расширения иранского влияния в регионе.

Ирак должен согласиться со своим уникальным многообразием. Речь идет не о затертом призыве к плюрализму и построению многонационального общества, а скорее о том, чтобы закрепить «национальное единство разнородных частей», которое откроет путь для сотрудничества с другими державами региона. Арабам-шиитам Ирака предстоит способствовать началу диалога Ирана с арабским миром, который боится иранской экспансии в регионе. Сунниты в Ираке также должны протянуть руку арабско-суннитскому миру в более широком его измерении и снизить уровень тревоги по поводу того, что шиитское большинство в Ираке способно однажды стать «когтистой лапой» Тегерана. Иракским шиитам и суннитам нужна исламская доктрина сосуществования и взаимного уважения, которую государство и гражданское общество могли бы распространять во всем исламском мире.

Курдам в Ираке следует использовать свои права и свободы как образец для других курдских общин и населения в Турции, Иране и Сирии. Подтвердив свою приверженность идее Ирака как нации, состоящей из разнородных частей, они могли бы развеять опасения, например, Анкары по поводу своих долгосрочных целей.

Третье предварительное условие – формулирование иракского плана по выработке долгосрочных отношений с США. Они должны основываться на критическом изучении прошлого и подготовке договоренностей, которые сохранят и приумножат колоссальные выгоды для Багдада и Вашингтона от доверительных и равноправных отношений. Нефть, энергетическая политика, военные базы, поддержка Соединенными Штатами перестройки и институциональной реформы Ирака, координация антитеррористической деятельности – список можно продолжать бесконечно.

Иракцам необходимо также понимать, чего США хотят от Ирака. Будет ли достигнут общенациональный консенсус по Ираку после следующих выборов в Америке? Или вся иракская авантюра изгладится из памяти как глупая затея Джорджа Буша? К тому времени, когда нынешний этап участия Вашингтона в делах Ирака завершится, Соединенные Штаты, возможно, истратят на эту экспедицию триллион долларов. Только подумайте: триллион долла-

ров! Могут понять американцев, требующих положить конец конфликту в «далекой стране, о народе которой мало что известно», если перефразировать Невилла Чемберлена. Но не думаю, что это произойдет. Однако принципы взаимодействия США с Ираком должны быть изменены после аномального и удивительного фарса в годы правления Джорджа Буша. Прежде всего американцам необходимо пересмотреть свои внешнеполитические приоритеты на Ближнем Востоке: как они собираются строить отношения с Ираном, решать вопрос нераспространения ядерного оружия, конфликт между Палестиной и Израилем, как быть с «Аль-Каидой». Также важно понять разницу между радикальным исламом и террористами, использующими ислам в своих целях.

* * *

Выживание или сохранение Второго иракского государства – не священная или неизбежная догма. Его может ожидать распад – и не вследствие агрессивных войн, которые привели к гибели первое иракское государство. Оно может просто утратить актуальность или смысл для некоторых или большинства его жителей. При более благоприятном раскладе его институты могут раствориться в дружественной конфедерации ближневосточных государств.

Великобритания стала повитухой при появлении на свет первого иракского государства, которое затем уничтожили США или по крайней мере нанесли ему смертельный удар. В промежутке иракцы в большей или меньшей степени управляли своей страной. Соединенные Штаты, по сути, породили второе иракское государство. Сегодня иракцы в большей или меньшей степени управляют им, а американцы с волнением наблюдают за тем, чем все закончится. От иракцев и американцев зависит, выживет ли это государство и оправдает ли минимальные ожидания своего народа. Иракцы – хозяева и попечители своей страны. Но, как сказал Авраам Линкольн, цитируя Христа, «дом, разделившийся сам в себе, не сможет устоять». Когда жители дома нападают на соседей, те обычно вызывают полицию. Иногда полицейский появляется и в случаях, когда жильцы нападают друг на друга. Иракцам предстоит понять, что на сей раз дом рухнет на их головы, если они не найдут способа жить в нем вместе и получать удовольствие от общежития без вмешательства органов охраны правопорядка.

*«Россия в глобальной политике»,
М., 2014 г., т. 12, № 3, май-июнь, с. 162–176.*

М. Бородина,

политолог

(Нижегородский государственный
университет им. Н.И. Лобачевского)

УГРОЗА ИСЛАМИЗАЦИИ

СОВРЕМЕННОГО ЕВРОПЕЙСКОГО ОБЩЕСТВА

В настоящее время процесс исламизации Европы является одной из злободневных проблем современного европейского общества. В действительности, ислам является второй по численности последователей мировой религией, а мусульманские общины существуют более чем в 120 странах мира, в том числе и в Европе. Самая крупная мусульманская община проживает во Франции: по разным оценкам от 5 до 7 млн, что составляет 10% от общего числа населения, ислам стал здесь второй по численности религией страны после католицизма. Многочисленные общины последователей ислама сформировались также в Германии (4 млн), Великобритании (1,7 млн), Италии и Голландии (по 1 млн), Швеции и Дании (по 600 тыс.). Значительные мусульманские общины разбросаны по всем без исключения западноевропейским странам [1].

Безусловно, такое стремительное увеличение числа мусульман в Европе не может не беспокоить европейское сообщество. В последнее время европейские СМИ обращают внимание всего мирового сообщества на такие актуальные для Европы темы, как положение мусульман в Европе, диалог европейского общества и мусульман, насильственная исламизация Европы, увеличение числа мечетей в европейских странах, нелегальная миграция из стран Ближнего Востока и другие проблемы, связанные с увеличением числа последователей ислама в европейских государствах. Термин «исламизация Европы» стал одним из самых часто употребляемых не только в европейских СМИ, но и во всём мире.

Необходимо отметить, что этот термин был введен в обращение мусульманами, чтобы обозначить процесс трансформации обществ из состояния «куфр» («неверности») в состояние «просвещения» (обращения в Ислам) [2]. Другими словами под исламизацией можно понимать усиление влияния ислама на различные сферы жизни общества, будь то религия, образование или политика.

Усиление процессов исламизации связано в первую очередь с быстрыми темпами роста численности европейских мусульман. Этому способствуют высокая рождаемость в мусульманских семьях, отсутствие продуманной миграционной политики в Евросоюзе,

а также прославляемая в европейских странах политика мультикультурности и толерантности. Исламизации способствует и переход самих европейцев в ислам, например, в Германии число немцев-мусульман составляет около 150 тыс. человек, во Франции число французов-мусульман давно превышает 50 тыс. человек, также приняли ислам до 50 тыс. итальянцев, 10 тыс. британцев и примерно 3 тыс. испанцев [3].

Европейское общество не зря так сильно обеспокоено набирающим силу процессом исламизации Европы. Если детально рассмотреть эту тенденцию, можно заметить, что ислам проник уже практически во все сферы общественной жизни ряда европейских государств.

Сегодня религия в Европе находится далеко не на первых ролях, поэтому иммигранты из исламских стран, где религия играет первостепенную роль в жизни общества, замещают так называемый религиозный голод. В августе 2011 г. в интервью национальной радиостанции RTL президент Мусульманского совета Франции Мохаммед Муссауи озвучил информацию по мечетям во Франции, число которых за последние десять лет удвоилось и сегодня превышает отметку в 2 тыс. строений. Более того, 150 новых проектов мечетей находятся на различной стадии реализации, в то время как католическая церковь Франции построила за последние 10 лет лишь 20 храмов [4].

Журнал «Newsweek» привел статистические данные, согласно которым ислам получает всё большее распространение в Европе, особенно в Италии, Англии и Франции. В статье содержится парадоксальная информация о том, что посещаемость церквей в Англии снизилась до минимума, а в Восточном Лондоне закрывшиеся церкви передаются мусульманам для открытия в них мечетей. В Мадриде воздвигают новые минареты, а в Италии строятся крупнейшие в Европе мечети [5].

Влияние ислама усилилось также и в политической сфере. Исламистских политических партий в Европе не существовало вплоть до конца 1990-х годов. Сейчас такие партии, представленные иммигрантами из стран Ближнего Востока, Африки и Азии, появились в большинстве стран Западной Европы.

В Великобритании в 2004 г. британский мусульманский активист Анас Аль-Тикрити в знак протеста против войны в Ираке основал «Партию Уважения», которая на местных выборах получила 2,3% голосов [6]. В Бельгии в мае 2003 г. «Parti de la Citoyennete et Prosperite» (РСП, Партия гражданства и процветания), кото-

рая проповедует радикальный ислам, набрала более 8 тыс. голосов на выборах в Брюсселе. Также в октябре 2012 г. на муниципальных выборах в Брюсселе два мандата получили представители партии «Ислам», которая фокусирует свое внимание на религиозной тематике и выступает за радикальные меры с конечной целью превращения Бельгии в исламское государство. Один из новоизбранных членов совета, Редуан Арух, сказал: «Для начала мы должны ненавязчиво привлечь внимание людей и объяснить им те преимущества, которые несут исламские руководители и исламские законы, чтобы в конечном итоге – почему бы и нет – прийти к исламскому государству в Бельгии» [7]. В Испании также существует «Партия возрождения и объединения Испании» (PRUNE), которую возглавляет бывший журналист и профессор арабского языка Мустафа Баррак. Учитывая, что численность мусульман в стране, включая нелегалов, достигает 2 млн, перспективы у партии весьма внушительные [8]. Таким образом, в начале третьего тысячелетия европейские мусульмане превратились в активную политическую силу.

Весьма прочно ислам укоренился и в европейской системе образования. Во многих европейских странах осуществляется преподавание основ ислама в школах, действуют медресе, исламские университеты и академии. Так, в Бонне (Германия) в 1994 г. на деньги короля Саудовской Аравии была выстроена Исламская академия. В Роттердаме (Нидерланды) работает Исламский университет, созданный на базе существовавшего там с 1997 г. медресе. В Германии, Австрии и Бельгии выделяются дополнительные часы для проведения уроков основ ислама. В Германии и Бельгии уроки по истории ислама являются обязательными и включены в программы государственных учебных заведений [9].

Увеличение числа мусульман в Европе способствует возникновению противоречий между консервативными ценностями ислама и традиционно светским европейским либерализмом. Растет напряженность между европейцами и мусульманами, появляется радикальный ислаимзм, который выражается, в частности, в протестах молодежи. Компактно проживающие мусульманские общины, как правило, не интегрируются в социально культурное пространство страны проживания и не ассимилируются. Они не воспринимают европейские демократические и правовые нормы и живут по законам шариата, придерживаясь своей системы ценностей [10]. В связи с этим мусульманское население Европы пыта-

ется внести изменения в формировавшуюся веками судебную систему европейских государств.

Норвежские юристы предложили легализовать в стране шариатские суды, так как они считают, что в части районов, где проживают мусульмане, шариатские суды де-факто уже все равно существуют. Министр юстиции Кнут Стурбергет пока сопротивляется нововведениям, но правозащитники считают, что такая нетолерантная точка зрения обречена [11]. Похожая ситуация сложилась и в Дании. Исламская группа, называющая себя «Призыв к исламу», заявила о своих планах ввести в исламских кварталах Копенгагена и других областей Дании шариатские зоны с круглосуточным патрулированием [12]. Исламские экстремисты по всей Великобритании запустили кампанию по расклеиванию плакатов, обозначающих зоны, где действуют законы шариата. Жилые районы были заклеены плакатами, которые гласили: «Вы входите в зону, контролируемую шариатом, – необходимо соблюдать исламские законы!» [13].

Исламизация – это достаточно серьезная проблема для европейского общества, которая требует глубокого осмысления и незамедлительного решения. Исламофобия в самых разных формах – это вовсе не преувеличенная реакция европейских обществ на увеличение последователей ислама в европейских государствах. Ислам все глубже проникает в различные сферы жизни европейского общества, мусульмане избираются в парламенты, создают свои компании, идут служить в полицию, в армию, преподают в светских университетах, школах. Становясь все более очевидной частью европейского населения, они коренным образом меняют традиционный облик современной Европы. Безусловно, и в самой Европе найдется ряд сторонников исламизации, которые не видят никакой угрозы во взаимодействии двух культур, однако размышляя о проблеме исламизации Европы, хочется упомянуть книгу С. Хантингтона «Столкновение цивилизаций» (1996), где он утверждал, что Европа и ислам – это не просто две абсолютно разные культуры, это две изначально враждебные антагонистические цивилизации, которые попросту не могут мирно сосуществовать друг с другом.

Литература

1. Крылов А. Европеизация ислама или исламизация Европы? // Информационное агентство Благовест-Инфо. – 2007. – [Электронный документ]. – URL: <http://www.blagovest-info.ru/index.php?ss=2&s=24&id=::12275> (Дата обращения: 15.11.2012 г.)
2. Сеннельс Н. Что такое исламизация? Попытка подхода к анализу. – 2011. – [Электронный документ]. – URL: <http://gabblgob.livejournal.com/665205.html> (Дата обращения: 24.09.2012 г.)
3. Браницкий А.Г. Исламское образование в странах Европы: история и современное состояние // Материалы третьей ежегодной всероссийской научно-практической конференции «Фаизхановские чтения». – 2006. – [Электронный документ]. RL: http://www.idmedina.ra/books/materials/faizhanov/3/pedagog_branicki_tm? (Дата обращения: 13.02.2013 г.)
4. Les musulmans de France réclament aujourd'hui le droit a l'indifférence // Журнал Le Monde. – 1. – [Электронный документ]. – URL: http://www.lemonde.fr/societe/chat/2011/03/09/que-faut-il-craindre-d-un-debat-sur-la-laicite_1490372_3224.html (Дата обращения: 13.02.2013 г.)
5. Яхья Х. Европа обращается к Исламу // Международная жизнь. – М.: Красная звезда, 2004. – № 9. – С. 105–110.
6. Проиграв выборы в Европарламент. Партия уважения завоевала большую часть голосов мусульман Великобритании. – 2004. – [Электронный документ]. – URL: <http://islam.com.ua/news/1006/> (Дата обращения: 26.02.2013 г.)
7. Крылов А. Европеизация ислама или исламизация Европы? // Информационное агентство Благовест-Инфо. – 2007. – [Электронный документ]. – URL: <http://www.blagovest-info.ru/index.php?ss=2&s=24&id=12275> (Дата обращения: 15.11.2012 г.)
8. Первая исламская партия Испании будет представлена на местных выборах в 2011 г. – 2009. – [Электронный документ]. – URL: <http://islam.com.ua/news/6888> (Дата обращения: 28.02.2013 г.)
9. Яхья Х. Европа обращается к Исламу // Международная жизнь. – М.: Красная звезда, 2004. – № 9. – С. 105–110.
10. Трофимова О. Мусульмане и ислам в Западной Европе // Мировая экономика и международные отношения. – 2009. – № 10. – С. 52–62.
11. Норвежские судьи потребовали узаконить шариат. – 2009. – [Электронный документ]. – URL: <http://www.nr2.ru/culture/351375.html> (Дата обращения: 05.02.2013 г.)
12. Мусульмане Дании предложили создать в стране «шариатские зоны» – 2011. – [Электронный документ]. – URL: <http://www.rosbalt.ru/main/2011/10/25/904937.html> (Дата обращения: 5.02.2013 г.)
13. Привет Брейвику: Великобритания превратилась в «зону шариата». – 2011. – [Электронный документ]. – URL: <http://www.nr2.ru/inworld/341425.html> (Дата обращения: 5.02.2013 г.)

*«Гуманитарии в XXI веке»,
Н. Новгород, 2013 г., т. 1, с. 558–563.*

МУСУЛЬМАНСКИЙ МИР: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ФИЛОСОФСКИЕ ПРОБЛЕМЫ

Г. Хизриева,

исламовед, научный сотрудник Центра гуманитарных исследований (РИСИ)

САКРАЛИЗАЦИЯ УГЛЕВОДОРОДОВ

Мировой идейно-политический кризис, сопутствующий кризису экономическому, всё больше выводит на первый план новое религиозно-политическое измерение данной проблемы. Руководители многих государств ощутили необходимость обоснования стратегии и методов выстраивания комплексной системы энергетической безопасности своих стран в новой ценностной терминологии.

Следует упомянуть и другие политизируемые аспекты этой проблемы, прежде всего – ее финансовое измерение. Цены на газ, по традиции, привязаны к ценам на нефть. Формирование стоимости доллара в свою очередь отталкивается от цен на нефть. Так, углеводороды в современную эпоху становятся не просто продуктом потребления, но идеологическим смыслом экономического лидерства и содержанием доллара¹.

В связи с экономическими кризисами проблема углеводородной безопасности становится наиболее острой там, где рост экономик максимально долларизован. Пока специалисты ведут теоретические дискуссии по поводу возобновляемости / невозобновляемости углеводородов, об углеводородной безопасности всё чаще говорят практикующие политики в странах с высоким и рас-

¹ Китай сегодня является как самым крупным кредитором США, так и одним из самых крупных в мире потребителей углеводородов. Привязка юаня к доллару ослабляет китайскую экономику и препятствует ее поступательному развитию. Проблема снижения долларизации стоит и перед Россией. Напомним, что по мере перехода РФ от командно-административной экономики к рыночной возростала зависимость страны от мировых цен.

тущим их потреблением, а также в добывающих странах, для которых угроза истощения углеводородных ресурсов становится одной из наиболее важных.

Проблема взаимосвязи углеводородной экономики и распространения идеологии петро-ислама¹ приобретает функции государства². В западных странах с их либеральной идеологией и экономикой углеводородный рынок также не является сферой неуправляемой рыночной стихии.

Мировой углеводородный рынок сегодня находится под постоянным контролем общества. Содержание, характер и направленность развития современных политических процессов свидетельствуют о том, что установление нового миропорядка и нового порядка в энергетической сфере сопровождается комплексным развитием разного рода деструктивных общественных явлений. Среди них – международный терроризм, национал-шовинизм, этноконфессиональный сепаратизм, антиклерикализм, агрессивный экологизм и т.п. Эти проекты используются некоторыми государствами для снижения уровня независимости конкурирующих стран в осуществлении их энергетической политики. Причем иногда они оборачиваются против своих создателей. Все вышеперечисленные угрозы актуальны и для России. Они являются предметом постоянных дискуссий в общественном пространстве в связи с применением отдельными группами как в стране, так и за ее рубежами национал-исламистской риторики³. Соперничающие

¹ Законная политическая и экономическая база, действующая в Саудовской Аравии, Ливии и Иране, живущих за счет нефтяного бизнеса.

² В качестве примера можно привести обсуждение ФЗ «О недрах» в связи с расторжением соглашений о разделе продукции (ФЗ «О СРП»), заключенных с иностранными компаниями, работа которых долгое время отрицательно сказывалась на национальной безопасности. В таких ситуациях вполне естественным выглядит стремление государства оказывать через свои институты влияние на энергетическую сферу – от контроля за ресурсами до распоряжения поступающими от их продажи средствами. Государственное регулирование в этой сфере зачастую обусловлено именно интересами национальной безопасности и потребностями проведения единой стратегии на внешних рынках вне зависимости от форм собственности компаний. Такими же примерами государственного регулирования являются отказ от подписания Европейской энергетической хартии, а также развитие экологического законодательства и пр.

³ Председатель Народного патриотического движения (НПД) Н. Мотуев так высказывается о славянах: «Брать надо с России все возможное, а в конце надо вышвырнуть, как в свое время с СССР. Кафир Путин нам не пример. Он наихудший из тварей, как и все кафиры. Мы, мусульмане, должны хорошо разли-

силы открыто используют тему углеводородов для этнической мобилизации, накладывая на нее риторику исламизма и представляя ее доказательством избранности и исключительности всех мусульманских народов, в том числе отдельных этнических меньшинств России.

В концепции петро-ислама ключевая роль отводится идее природной ренты и ее связи с религиозными концепциями «богоизбранности мусульман». Именно эту концепцию защищает поддерживаемая западными государствами группа идеологов нефтяных монархий Персидского залива. В целом идея состоит в декларировании права получения каждым гражданином страны, богатой углеводородными ресурсами, своей доли в национальном богатстве. Эта идея, несомненно, является продуктивной, ибо хорошо соотносится с идеологией социальной справедливости, отраженной в религиозных концепциях мусульманских обществ. Концепция «петро-государства» реализовалась в Туркмении, Кувейте, Бахрейне, Катаре, Королевстве Саудовская Аравия, Омане, Объединенных Арабских Эмиратах, частично в Иране. С большими оговорками она реализуется и в немусульманских странах ОПЕК, например в Норвегии, Бразилии и Венесуэле. В двух последних идея ренты рассматривается через призму социалистической идеи социальной справедливости.

Несмотря на то что идеология ренты была разработана западными аналитиками для обоснования права западного потребителя на углеводороды, в добывающих странах она получила собственную жизнь через религиозное обоснование права народов, на землях которых имеются минерально-сырьевые ресурсы. Исламские идеологи начали рассматривать углеводороды в качестве особой «милости Всевышнего» к этим народам, сакрализуя нефть как основу жизнедеятельности, богатства, безопасности и стабильности мусульманской уммы.

чать своих врагов. Наши враги – кафиры. Они много лет наше общество угнетали, возвышая нечестивых кафиров с их союзниками, и в то же время враждую с узбеками. Нет, узбеки, дунгане, турки – мусульмане, они нам не враги, а братья по вере. Наши враги – русские, и я специально затеял тяжбу к России, требуя с них 100 млрд долл. за уничтожение киргизов. Вначале меня не поняли, но в этом году очень много организаций поддержали мою инициативу. Через три года ох как жарко будет. И дай бог лживым писакам быть там, где будут сосредоточены неверные. Меня не остановит ни тюрьма, ни запреты. И все это ради довольства Аллаха! Или победа, или рай!»

Путь сакрализации¹ углеводородов привел к тому, что любой экономический конфликт интересов на почве их добычи или транспортировки перерастал в конфликт ценностей и резко снижал договороспособность сторон. Разрешить конфликты такого рода иначе как кровопролитными войнами стало невозможно.

Сакрализация экономической идеи нефтяной ренты (особенно поддерживающие ее идеологические конструкты – исламистские и социалистические концепции) вызвала раздражение на Западе. Страны-потребители выдвинули встречную идею (не раз озвученную экс-госсекретарями США М. Олбрайт и К. Райс, экс-премьер-министром Великобритании М. Тэтчер, министрами иностранных дел Великобритании, политическим руководством новых европейских демократий и отдельных стран СНГ) о принадлежности природной ренты всему человечеству. Тут же вокруг этих двух идей возникли политические коллизии и конфликты, включая вооруженные. Отношения между основными игроками стали ухудшаться.

Отметим, что этот идейно-политический комплекс сыграл роль тормоза в отношениях между Востоком и Западом не только для США, но и для России. Каждый игрок стремился заключать изолирующие союзы. Идеологические и медийные холдинги работали на разрушение возможных союзов двух сил против третьей. В ход шли не только гуманитарные, но и террористические и диверсионные методы. Ближневосточные идеологи петро-ислама в 2011 г. объявили Россию, поддерживающую своих партнеров в регионе, «землей войны» («Дар аль-Харб»), т.е. «врагом номер один мусульманского мира», и призвали к вооруженному мятежу мусульман против действующей власти.

Еще в 2001 г. ваххабиты Королевства Саудовская Аравия назвали своим главным врагом США, которые до того были ближайшим партнером ближневосточных монархий и немало способствовали распространению идеологии ваххабизма, а также дипломатическими и иными методами поддерживали террористов, финансируемых Саудовской Аравией и Катаром. Этому вполне могли способствовать недолгое сближение США и РФ в вопросах противодействия терроризму и разрешение проблемы столкновения трех важных игроков – Соединенных Штатов, России и Саудовской Аравии – в Чеченской Республике. Сотрудничество между

¹ Здесь «сакральный» – ритуальный, священный, иногда – мистический, сверхъестественный.

США и РФ в этой сфере так и не состоялось, но театр боевых действий всё же переместился на Ближний Восток, где были нанесены удары уже не по самой России, а по ее экономическим союзникам – Ливии, Египту, Ираку, Сирии, оказано давление на Иран.

Недооценка углеводородного фактора сказалась на всех попытках российских государственных структур заставить представителей Всемирного совета мусульманских ученых, делегация которых была принята в Москве и Грозном в 2011 г., снизить уровень агрессивной риторики петро-исламистов в отношении РФ.

Более гибким в этом плане оказался английский идеолог «Братьев-мусульман» Т. Рамадан, который в 2011 г. прибыл в Россию, с тем чтобы рассказать российским мусульманам о том, что в своей стране они не являются «угнетенным меньшинством». Однако, оценив его политику как флюгерную, российские исламисты сдержанно отнеслись к его словам.

На наш взгляд, любая попытка изменить политическую риторику была обречена на провал без решения основной проблемы элитариев нефтедобывающих государств Ближнего Востока: Россия должна была полностью отказаться от своих притязаний на заметную роль в политико-экономической жизни региона, что неприемлемо для страны, которая борется за рынки добычи и сбыта.

Очевидно, что наступательная идеология в отношении РФ, от распространения которой российская сторона предлагала ее создателям и последователям отказаться, является идейно-политическим бастионом борьбы за углеводородную безопасность, экономическое лидерство и успешное экономическое будущее тех стран, которые пестуют эту идеологию и формируют сетевые структуры по ее продвижению. В условиях, когда соперничество в экономической сфере не может быть разрешено, не может быть разрешен и вопрос примирения в идейно-политической и информационной сферах. Отсюда возникает потребность выработать адекватные идеологические и законодательные инструменты по снижению угрозы дальнейшего распространения идеологии терроризма. Недооценка этой опасности уже сказалась на благополучии многих транснациональных корпораций, ранее независимых от экономик.

Негативную роль углеводородная риторика в РФ играет там, где государство ослабляет контролирующие функции, допуская процесс «теневилизации» углеводородного рынка. Сегодня это происходит на Юге России, где процессы на нефтегазовом рынке привели к затяжному кризису в отдельных субъектах и системным

кризисам всех северокавказских обществ. Очевидно, что данная проблематика не лишена и криминальной составляющей.

Стратегия «мягкой силы», тактика «канонерок», которую США, как один из наиболее активных потребителей углеводородов в мире, использовали последние 20 лет, и разрушение национальных экономик привели к тому, что для населения «кризисных стран», разочарованного в демократии, стали привлекательными тип петро-империи и культурная модель ваххабитских стран Персидского залива. Прошло немало времени, прежде чем совокупность саудовского национализма и религиозной нетерпимости была выявлена и представлена аналитиками как идейно-политический комплекс петро-ислама. Эксперты отмечают следующие признаки этой идеологии:

- петро-ислам является новой формой расизма, доказывающей превосходство саудовских арабов над всеми остальными арабами и мусульманами в мире, особенно над азиатскими;

- превосходство саудовских мусульман, исповедующих «чистый ислам», над маргинальными мусульманами, исповедующими некий «маргинальный ислам»;

- азиатские мусульмане являются рабами, «подчиненными», а не людьми в полном смысле слова;

- петро-ислам – «религия ненависти и недоверия», теория расового превосходства саудовских мусульман соединяется в нем с попытками обосновать саудовскую политическую модель с помощью ислама (учебники в саудовских школах содержат призывы к ненависти, а учителя разъясняют своим ученикам невозможность иметь друзей среди немусульман, внушая молодежи идеи недоверия по отношению к христианам, евреям, шиитам);

- «сетевой ислам», существующий в различных частях мира (в афгано-пакистанской зоне, в так называемом Вазиристане, а также на Синае и Кавказе), где ваххабиты на свои деньги содержат обширную сеть медресе, которые не только культивируют идеологию ненависти, но и формируют положительное отношение к антиобщественным проявлениям сексуальности, мусульманскому гей-сообществу, в котором воспитывается презрение к женщине и обосновывается ее врожденная неполноценность; создание сети подпольных, частных ваххабитских медресе, где учащиеся не столько познают ислам, сколько воспитываются в саудовской культурной и политической традиции;

- идея единства мусульман подменяется идеей ваххабитского единства: представления о единстве уммы и о том, что «мусуль-

мане – братья друг другу», давно не работают в самой Саудовской Аравии, где открыто декларируется превосходство саудитов над остальным мусульманским миром.

Война в Сирии стала одним из проявлений этой идеологии превосходства: тогда саудиты заявляли, что их нефть – дар Аллаха мусульманам, которые не должны платить за ее транспортировку кафирам-алавитам. Фетвы, которые выдаются в отношении джихада в Сирии, обнаруживают непосредственную связь между идеологией сакрализации углеводородов и военной агрессией против суверенного государства. В риторике элитариев петро-ислама трубопровод, по которому должны были пройти добываемые в Саудовской Аравии углеводороды, называется «исламским». Обращаясь к политическому классу своей страны, пакистанские эксперты настаивают на том, что в современную эпоху, когда от общественного мнения зависит решение многих проблем мировой значимости, «средства массовой информации должны заявлять во весь голос», что ваххабиты проповедуют рабство.

Говоря о причинах и способах распространения ваххабизма, известный кувейтский исследователь Халед Абу аль-Фадл указывает на «фактор нефти, которая дала возможность саудитам направить миллиарды нефтедолларов на пропаганду исключительности своего образа мысли и образа жизни».

Известный французский аналитик О. Рой полагает, что идеологическая ниша ваххабитского петро-ислама была открыта на волне ближневосточного исламского возрождения, когда коалиция арабских стран, потерпев поражение в Шестидневной войне против Израиля в 1967 г., практически рассыпалась вместе с идеологией арабского единства. «Исламизм – политическая производная от мусульманской мобилизационной машины петро-исламистов – попал на почву распространения секулярного левачества, западных либеральных, националистических и панарабистских движений».

По мнению экспертов, данная идеология представляет собой серьезную опасность для самой исламской ортодоксии и мусульманских культур, потому что нефть в ней становится ценностной категорией¹. На ее основе современный так называемый «чистый

¹ Исламистские движения уже давно доминируют в Иране и Саудовской Аравии. При этом и аятоллы, и ваххабиты-салафиты в Иране и Саудовской Аравии в одинаковой мере в состоянии иметь свою идеологию и модернизироваться, потому что их нефтяные богатства настолько огромны, что они могут откупиться

ислам», этот исламо-ваххабизм, стал совершенно инновационным политическим продуктом на рынке политических идей по сравнению с производящей основой. От возрождения ортодоксального ислама (в российской политической терминологии – традиционного) его отличало, по мнению исследователя, то, что «исламисты определяли ислам исключительно как систему политической мысли – политический базис, способный успешно конкурировать с секулярными идеологиями, такими как национализм или социализм, отсюда их собственный термин для наименования политической деятельности – исламизм; социальной базой исламистов по всему миру стала “люмпен-интеллигенция”»¹. С 70-х годов прошлого века идеологическая риторика люмпен-интеллигенции становится все более эгоистичной, окрашенной в различные тона исключительности. Петро-страны Ближнего Востока, осознавшие свою субъектность, вопреки желанию своих союзников на Западе, бросили им вызов тем, что начали выделять на пропаганду исключительности своей цивилизационной модели огромные суммы нефтедолларов. Они обучают и финансируют международные сети идеологов и пропагандистов, которые затем формируют группы, которые вовлекают в свои ряды новых адептов не только силой убеждения, но и соблазняют их финансами, запугивают и шантажируют. Тут используются как сектантские методы «промывки

от любых противоречий. Саудовская Аравия может отказываться от использования труда женщин в общественной сфере и вводить строгие религиозные нравы у себя, в своих банках и школах. Священнослужители Ирана могут игнорировать весь мир, добиваться нуклеаризации и накладывать высокие политические и религиозные ограничения в обществе. И при этом они всё еще будут в состоянии предлагать своим гражданам повышение уровня жизни, потому что у них есть нефть.

¹ В интервью саудовскому журналисту А. Сиами директор Исламского центра Японии, доктор Салих аль-Самаррай заявил, что именно «стремление к нефти» стоит за распространением японского ислама. Он отметил, что распространение ислама в Японии совпало с необходимостью искать углеводородные ресурсы, а поняв, что их основной источник находится в исламских странах, японцы начали изучать ислам и принимать его. Аль-Самаррай отметил, что покойный король Фейсал отправил в Японию первых эмиссаров исламского призыва еще в 1973 г., т.е. незадолго до нефтяного кризиса. Напугав их, король подчеркнул важную роль, которую отводит распространению ислама «в землях самураев». Председатель Исламского центра рассказал о большом наплыве исламских неофитов и указал, что в настоящий момент в Японии около 100 тыс. мусульман и всё больше японских женщин выходят замуж за арабов и принимают ислам.

мозгов», так и вовлечение молодых мужчин в гей-сообщества джихадистов, а молодых женщин – в ряды секс-джихадисток.

Успехи в мобилизации мусульман на борьбу под флагами «антиколониального мистицизма», а также наличие не заслуженных «рабским трудом», а данных милостью Божьей нефтедолларов и иных благ (в данном случае углеводородного сырья, ставшего основой процветания стран Персидского залива), считаются «неопровержимым» доказательством богоизбранности самопровозглашенной мусульманской элиты и правильности ее религиозного пути. Центральная идея этого комплекса проста: «Чтобы иметь отношение к нефти, нужно быть мусульманином».

Отметим, что подобная сакрализация не является чем-то необычным в политической истории народов мира. Именно сакрализация «профанного» становилась идеологической основой для мобилизации масс с целью достижения политических целей еще с Французской революции. Сакрализация «арийства» наряду с политической практикой исключительности и присвоением права на использование мировых ресурсов для построения нового миропорядка лежала в основе немецкого фашизма. Сакрализация имущественного блага служит фундаментом англосаксонского протестантизма. Сакрализация общины верующих свойственна иудаизму, а сакрализация коммунистической идеи с ее псевдорелигиозным комплексом указывает на то, что идеи исключительности легко внедряются в любой религиозный и мировоззренческий комплекс. Паразитируя на нем, они способны полностью разложить и подменить его дискурс своим.

Сакрализация как кризис исламской богословской мысли и политический механизм формирования агентов влияния

Интересно отметить, что сакрализация чего бы то ни было не сакрального является порицаемым действием в исламском богословии, поскольку ведет к самому непростительному греху – ширку (утверждению, что нечто из этого мира священо наравне со Всевышним). Об этом написано немало богословских книг, в которых приведены неоспоримые, с точки зрения ваххабитов, доказательства тезиса, что «прощается любой грех, кроме ширка». Ширк несовместим с базовыми ценностями единобожия, которое в исламской доктрине проводится наиболее последовательно. Об-

виняя своих противников в неверии, ваххабиты прежде всего упрекают их в сакрализации разных объектов преходящего мира: могил, икон, посредничества, людей, камней, архитектурных, культурных и разного рода исторических памятников, различных символических изображений. Их раздражают даже естественные рисунки, имеющие вид креста: например, знак креста на разрезанном помидоре (так называемая «негативная сакрализация»). Всё это вызывает раздражение последовательного единобожника-ваххабита. Однако углеводороды в этот обширный список не входят. Почему?

Согласно расширительному социологическому пониманию сакрализация – наделение объектов реального мира религиозным содержанием. «Священные вещи – это те, которые защищены и отделены запретами». В общественной практике она проявляется в подчинении политических, экономических, общественных институтов, научной и социальной мысли, культуры и искусства, бытовых отношений религиозному влиянию. Сакрализация предметов, явлений и отношений между людьми, как правило, осуществляется с помощью ритуалов перенесения божественной благодати на объект. Именно так и поступают исламисты. Исламизм, будучи кризисным мировоззрением, способен приспособливаться к действительности, полностью разрывая связь между исламом и духовностью человека, подменяя ее нетрадиционным политическим содержанием. Наиболее ярким примером такой сакрализации может служить призыв самого известного в мире исламиста Юсуфа аль-Кардави широко использовать механизм суннитского метода открытия «врат иджтихада»¹.

Действительно, в теологии, согласно родоначальнику западной феноменологии религии Р. Отто, сакрализация означает подчинение Богу и именно сакральное является отличительным свойством божественного, что, собственно, и определяет религию, выделяет ее среди других аспектов духовной жизнедеятельности общества. Иными словами, теологическое понимание сакрального мыслится как производное от Бога. Признаком же кризиса религиозной мысли, по мнению современного немецкого философа П. Слотердайка, является невозможность провести различие между мирским и сакральным, моральным и аморальным.

¹ Отметим, что этот призыв звучал от таких разноплановых исламистов-революционеров, как Саид Кутб, Саид Нурси, Насрудин Албани и др.

В условиях кризиса религии мусульманские ортодоксальные богословы пытаются максимально отделить сакральное от мирского. Исламистствующие идеологи, напротив, стремятся расширить свое влияние на массы за счет включения в сферу сакрального тех явлений, которые принадлежат к сферам, наиболее важным для общественного воспроизводства. Так, наибольшей сакрализации исламисты подвергают политику (государство – «халифат», метод – «джихад») и экономику («исламские» углеводороды, «исламская» экономика, халяльные финансы).

Сакрализацией «профанного» сегодня увлечена большая группа так называемых «шейхов» ваххабизма, большинство из которых действуют как правоведа-такфириты, лишь расширяющие круг запретного (продуктов питания, наук, искусств, образовательных учреждений), сакрализующие различные виды мужской одежды и стрижки, а также цвет, форму и манеру ношения женского головного убора. Интересно отметить, что практика сакрализации отчасти использовалась и во время Второй мировой войны. Для пополнения мусульманских подразделений армии Гитлера на оккупированных германскими войсками советских территориях распространялись листовки, предназначенные в основном для тюркоязычного населения и содержащие религиозную легитимацию А. Гитлера в качестве мусульманина (якобы он тайно принял ислам и назван Хайдаром). Попытки привить нацизм к исламу продолжают и сегодня. Сакрализаторская деятельность отдельных исламистских медиаперсон, по сути, является подобной же попыткой, но уже ваххабитской политической элиты. Делается это для того, чтобы узаконить свое влияние на глубинные политико-экономические процессы, связанные с распределением углеводородов и деятельностью транснациональных корпораций. В мире имеется всего 98 транснациональных углеводородных компаний, которые уже прошли пик своего развития, 67 из них находятся в кризисе. Все это усиливает конкурентное давление. На наш взгляд, его важными инструментами являются и те новые смыслы, которые привносятся в терминологическую сферу, отвечающую за определение связанных, как мы видим, между собой сфер безопасности – духовной и энергетической. Но, в конце концов, смены смыслов относятся едва ли не в первую очередь к самому термину «национальная безопасность».

«Национальная безопасность» как термин в контексте сакрализации углеводородов

Термин «национальная безопасность» впервые был использован в начале XX в. в послании Президента США Конгрессу, в котором захват зоны Панамского канала обосновывался интересами национальной безопасности. Если на ранних этапах проблема национальной безопасности рассматривалась в основном в аспекте военном, то впоследствии усилиями западных политологов в это понятие стало вкладываться более широкое содержание, и едва ли не в первую очередь экономическое. Суть его сводилась к способности государства защитить национальные ценности и интересы в конкретных внешних и внутренних условиях. В понимании западных политологов национальная безопасность – это способность страны сохранять целостность, суверенность, политические, экономические, социальные и другие основы общества и выступать в качестве самостоятельного субъекта системы международных отношений.

Сопоставление понятий «безопасность» и «национальная безопасность» показывает, что оба они выражают единую сущность – совокупные действия государственной власти, при которых обеспечивается развитие личности, общества, самого государства и защита национальных интересов (духовных и материальных ценностей страны) от внутренних и внешних угроз.

Однако с утверждением англоязычного термина «национальная безопасность» понятие «государственная безопасность» утратило свое первоначальное значение. Российские разработчики основных документов страны в духе времени стали выделять для государственной безопасности специфические виды угроз конкретно государству как институту. Они отождествляли их с борьбой против разведывательной и подрывной деятельности иностранных спецслужб и организаций, а также деятельности различного рода антиконституционных элементов. Учитывая это, стало возможным ограничение понятия государственной безопасности системой мер и действий, направленных на достижение состояния защищенности основ конституционного строя, политического, экономического, оборонного, научно-технического и информационного потенциалов страны от угроз, исходящих от иностранных спецслужб и организаций, преступных сообществ и отдельных лиц.

Таким образом, прежнее понятие «государственная безопасность» превратилось в «национальную безопасность» и наполнилось иным, более широким смыслом. При этом его границы оказались размыты, структура и элементы хуже определялись и не имели строгого значения защиты экономических интересов единой нации, какое было у его англоязычного оригинала.

Объяснение этому можно найти в базовой особенности идеологии переходного периода, в который создавались вышеупомянутые документы. Она состояла в неопределенности содержания и иерархии идеологических приоритетов, в перестройке взаимоотношений в треугольнике «личность-общество-государство». Если для западной традиции в общественных отношениях «приоритеты расставляются следующим образом: индивид, общество, государство, – то для России такие приоритеты изначально идут в обратном направлении: государство, общество, индивид»¹. Амбивалентность и неопределимость их сущности и содержания для большинства российских политиков и граждан приводили к тому, что размывалась сама сфера ответственности институтов, связанных с государственной безопасностью. Снятие идеологической амбивалентности выразилось в том, что термины «национальная» и «государственная» безопасность стали использоваться в качестве синонимов. При этом ценностные коллективистские коннотации в отношении государственнической идеологии к 2000 г. вновь начали преобладать.

Это не нашло понимания на Западе, что и проявилось в работе над Европейской энергетической хартией. В ней говорилось: «Нигде перспективы взаимовыгодного сотрудничества между Востоком и Западом не были более очевидными, чем в энергетическом секторе. Россия и многие ее соседи были богаты природными ресурсами, но нуждались в крупных инвестициях для обеспечения их разработки, тогда как государства Западной Европы были стратегически заинтересованы в диверсификации источников энергоснабжения». Однако инвестиций от европейских государств, достаточных для технического перевооружения углеводородного комплекса РФ, так и не поступило. Кроме того, в хартии имелся пункт, который с точки зрения России препятствовал ее подписанию, поскольку наносил ущерб энергетической безопасно-

¹ Лаврентьева Т.В. Трансформация институтов защиты прав человека в российской государственности: Дисс. ... канд. полит. наук. Нижний Новгород: Нижегород. гос. ун-т им. Н.И. Лобачевского, 2008. С. 67.

сти страны. В п. 6 говорится, что «существующие транзитные положения Договора к Энергетической хартии обязывают Подписавшие Стороны содействовать транзиту энергии на недискриминационной основе в соответствии с принципом свободы транзита», а также то, что «это важнейший вопрос для коллективной энергетической безопасности государств – Подписавших Сторон Хартии, поскольку энергоресурсы пересекают все больше национальных границ на своем пути от производителя до потребителя»¹. На практике это означало открытие доступа странам Европейского союза к национальной системе трубопроводов по ценам внутреннего рынка РФ.

Термин «углеводородная безопасность» возник именно после отказа России подписать хартию, а также в связи с разработкой и принятием нового международного документа – «Меморандума о взаимопонимании по поводу сотрудничества в области энергетики между Украиной и Европейским союзом». Меморандум политически направлял игроков в русло той политики, которую Европейский союз пестовал с 1994 г. В преддверии ожидаемого мирового финансового кризиса время для переговоров стремительно истекало, и ЕС решил пойти на заключение вышеупомянутого меморандума, с тем чтобы развязать руки одному из своих стратегических союзников – Украине, для которой транзит углеводородов был основным источником бюджетных поступлений.

Документ, подписанный премьер-министром Великобритании Т. Блэром и президентом Украины В. Ющенко, в своей финальной части гласит: «Принимая во внимание необходимость безопасности и транзита углеводородов, а также учитывая необходимость осуществления объединенных усилий по укреплению углеводородной безопасности, условий транзита и иных операций, стороны договариваются о создании к декабрю 2005 г. Объединенного комитета по углеводородной технической поддержке» (п. 5.2). Меморандум, который являлся документом, «не имеющим юридических последствий», а лишь «отражающим намерения» подписавших его сторон (п. 5.3), вступил в силу 1 декабря 2005 г., развязав руки украинской администрации в отношении экономического шантажа РФ. Это был наиболее яркий случай попытки командных усилий «игры против России» по снижению цен на транзит углеводородов. Игра имела и другие последствия: в это время

¹ Договор к Энергетической хартии. – Лиссабон, 17 декабря 1994 г.

Украина по рекомендации ЕС активно заполняла все имевшиеся у нее резервуары и хранилища российскими углеводородами. Это же делали и сами страны Евросоюза, а также все страны – транзитеры российских нефти и газа. Отметим, что в том же, 2005 г. генеральный секретарь хартии Р.Кемпер посетила Белоруссию, с тем чтобы привлечь и эту страну к сотрудничеству по протоколу о транзите. Одновременно вдоль рубежей России силами западных спецслужб был сформирован глубокий исламистский террористический тыл. Доказательством этому служит секретная переписка между дипломатами из США и ОБСЕ, находившимися в Молдавии, где исламисты имеют политическую поддержку. Есть также прямые доказательства поддержки антироссийски настроенных исламистов-диверсантов в Грузии.

На пути вхождения в мировые рынки и построения собственной субъектности Россия столкнулась с новыми видами угроз: экономическим шантажом и несоблюдением договорных обязательств, связанных с транспортировкой углеводородов (как нефти и газа, так и нефтепродуктов), обострением новых «торговых» и старых, так называемых «нетрадиционных», войн на мусульманском Юге, не случайно вспыхнувших накануне мирового финансово-экономического кризиса 2008 г. Этот период завершился в августе 2008 г. Пятидневной войной между Грузией и Южной Осетией, в которой России пришлось принять участие и подтвердить свой экономический курс и свою политическую субъектность. Однако в самой стране, в ее нефтяных регионах, уже действовали идеологи ваххабизма от петро-ислама, а в центральных частях активизировались организованные группы либеральных оппозиционеров, работающих на разрушение традиционалистских коллективистских ценностей, поддерживая сепаратизм и национализм на добывающих территориях России, а также полным ходом шла ваххабизация финно-угорского населения страны. Безопасность углеводородного рынка как стратегического объекта вновь по аналогии с советским периодом выделилась в объект государственной (национальной) безопасности одновременно с укреплением вертикали власти в России¹.

¹ В новом Законе РФ «О безопасности» рассматривается вопрос о введении статуса «стратегических месторождений», в разработке которых не смогут принимать участия иностранные компании. Напомним, что в восприятии российского общества понятия «национальное» и «государственное» смыкаются именно в минерально-сырьевой и производственной сферах, многие годы считавшихся

Хотя в Законе Российской Федерации «О безопасности» термин «защищенность жизненно важных интересов» толкуется как «защищенность совокупности потребностей», по смыслу он должен пониматься как защищенность жизненно важных ценностей общества. Близкие коннотации вкладывает в термин «стратегические ценности» Е. Примаков в главе пятой книги «Мир без России?». Для российского общества государство и коллективистские традиции экономической безопасности остаются ценностями, а не интересами. Результатом процесса утраты традиции экономического коллективизма стали структурная деформация экономики и превращение ее в топливно-сырьевую периферию развитых стран, распад научно-технического потенциала страны, потеря продовольственной самостоятельности, криминализация и «теневилизация» экономики, потеря ее управляемости.

Не лучшим образом это сказалось и на экономике стран Запада. Усложнение положения на углеводородном рынке привело к регулярным «нефтяным шокам». Тут нелишне отметить, что вся негативная терминология, связанная с кризисами в углеводородной сфере, является исключительно западноцентристской. «Нефтяные шоки» являлись таковыми лишь для стран-потребителей. Для борьбы с ними на Западе и были выработаны особые инструменты противодействия.

Одними из таких инструментов стали поддержка групп влияния в национальных экономиках, способных создать конкуренцию действующим политическим силам, и приведение таких оппозиционных групп к власти. С одной стороны, эти группы на элитарном уровне должны были политически исповедовать псевдолиберальные ценности, внедрять «западную модель» демократии. С другой стороны, они готовили социальную базу на основе различных националистических и религиозных проектов, направленных на ослабление России. Идеино-политический репертуар инструментов защиты псевдолиберальных ценностей удачно дополнился репертуаром инструментов внедрения псевдоислам-

стратегическими отраслями народного хозяйства. Защита государственных интересов здесь поныне воспринимается как защита общенародного (национального) богатства, достояния, блага. В то же время после экономического спада начала 90-х годов потребность в выявлении групп ответственности за безопасность общего блага была в общественном сознании очень высокой (Федеральный закон «О безопасности» принят Государственной думой 7 декабря 2010 г., одобрен Советом Федерации 15 декабря 2010 г.).

ских ценностей и сакрализацией углеводородов. В этой стратегии либеральные западные идеологи и идеологи петро-ислама нашли общую почву для идеологического) сотрудничества.

Контрпродуктивность этих методов стала очевидной уже в 1998 г., когда разразился очередной «нефтяной шок». Этот период продолжался вплоть до 2000 г., когда Россия и Китай, а также страны Ближнего Востока начали выдвигать внешнеполитические концепции возвращения к многополярности и осуществлять собственные стратегии по ее достижению. Вторично все пороки этих методов проявились в ходе сирийского кризиса, едва не поставившего мир на грань новой мировой войны. К преодолению западнцентристских подходов аналитики приступили лишь в новейшую эпоху. И последние годы стали появляться исследования, в которых эксперты Европейского союза и ОБСЕ пытаются примирить принцип демократии с принципом эволюции коллективистского мировоззрения в странах, основой которых служат ценности традиционных обществ.

Удержание мира в рамках однополярности требует немалых усилий и от США. Поэтому уже в 2004–2005 гг. и в этой стране произошел перелом в отношении к запасам нефти. Соединенные Штаты начали выкупать на рынке легкую нефть (с низким содержанием серы), которая используется в производстве авиационного и автомобильного топлива. Кроме того, в США в это время шла острая партийно-политическая борьба, которая, как ожидалось, позволит выработать двухпартийную энергетическую стратегию (предлагалось, что меньшинством членов конгресса). Однако сделать этого не удалось. Национальная узость позиций США стала очевидна даже их союзникам. Это проявилось на саммите Большой восьмерки в Санкт-Петербурге и в вышеупомянутых событиях начала 2009 г., когда Соединенные Штаты отвергли разумные экономические предложения своих ближневосточных партнеров. Законодательный орган Саудовской Аравии заявлял, что США следует производить у себя больше нефти, ограничить рыночные спекуляции, заняться строительством нефтеперерабатывающих предприятий. По существу, саудовцы предложили американцам решение по выходу из их внутривосточного затруднения, в котором те оказались в результате межпартийной борьбы. Не говоря уж о ранее озвученных представителями Королевства политических предложениях. Интересно было наблюдать, как в 2013 г. США нехотя возвращаются к этой теме после неудачи в Сирии.

Подводя итоги, отметим, что уже назрела необходимость выделить в структуре энергетической безопасности отдельное направление – углеводородную безопасность, в которое будет входить идейно-политический компонент, связанный с рассмотренной нами выше сакрализацией углеводородов. Среди российских теоретиков бытует мнение, что расчленять структуру экономической безопасности «на более дробные ее виды не имеет смысла, поскольку ее дробление на подвиды не имеет в России своей эмпирической базы, размывает объект и служит лишь корпоративным интересам, способствует созданию новых ненужных структур, институтов и организаций». На наш взгляд, эта точка зрения теоретически небезосновательна, но практически неприемлема. Можно, конечно, подозревать практикующих политиков нескольких десятков стран в том, что они создают «лишние» структуры безопасности. Можно даже игнорировать инновационные процессы, связанные с трансформацией рынка энергоресурсов и детализацией сфер безопасности, однако внедрение такого взгляда в практику методологически неверно. Безопасности, как известно, никогда не бывает много. Нетрудно также предположить, что в Новейшее время концентрация угроз при несовершенных механизмах преодоления «шоков» в условиях кризиса коснется именно транзита углеводородов, а за контроль над его путями будет и далее идти борьба международных сил, ангажированных идейно-политических диверсионных групп национал-ваххабитов и петроисламистов.

«Москва», М., 2014 г., № 8, с. 181–193.

**РОССИЯ
И
МУСУЛЬМАНСКИЙ МИР
2015 – 2 (272)**

Научно-информационный бюллетень

Содержит материалы по текущим политическим,
социальным и религиозным вопросам

Компьютерная верстка
Н.М. Власова, Е.Е. Мамаева

Гигиеническое заключение
№ 77.99.6.953.П.5008.8.99 от 23.08.1999 г.
Подписано к печати 30/III-2015 г. Формат 60x84/16
Бум. офсетная № 1. Печать офсетная. Свободная цена
Усл. печ. л. 10,5 Уч.-изд. л. 9,6
Тираж 300 экз. Заказ № 210

**Институт научной информации
по общественным наукам РАН,
Нахимовский проспект, д. 51/21,
Москва, В-418, ГСП-7, 117997**

**Отдел маркетинга и распространения
информационных изданий
Тел. Факс (499) 120-4514
E-mail: inion@bk.ru**

**E-mail: ani-2000@list.ru
(по вопросам распространения изданий)**

Отпечатано в ИНИОН РАН
Нахимовский пр-кт, д. 51/21
Москва В-418, ГСП-7, 117997
042(02)9